

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Н. Тимофеев (Москва)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Дмитрий Рябов
начальник отдела общественно-политической жизни

Елена Богданова
редактор отдела общественно-политической жизни

Евгения Акимова
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

5/2022

Содержание

ПРОЗА

Михаил ПОПОВ. И придет день. Повесть-притча.	3
Владимир МЕЗЕНЦЕВ. Коля-маленький. Рассказ.	18
Андрей ПУЧКОВ. Ранетки. Рассказ.	29
Глеб БОБРОВ. Группа Векслера. Киноповесть.	36
Александр ЕВСЮКОВ. Гонец Цвета. Рассказ-диптих.	85
Мария БЕРДИНСКИХ. Монстры пришли. Рассказы.	92
Вера НАЗАРОВА. В ночь на воскресенье. Рассказ.	107

ПОЭЗИЯ

Дмитрий КАРШИН. Человек наблюдает за птицей. Стихи.	23
Сергей ВОЛКОВ. «Что улыбка твоя, Беатриче...» Стихи.	81
Алена БАБАНСКАЯ. Точка болевая. Стихи.	128

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

«Прошу лично разбить в пух и прах различные заявления и отговорки...» О положении новосибирских писателей и художников в Великую Отечественную войну.	131
Георгий СТАРК. Отчет о деятельности Сибирской флотилии. От Шанхая до Филиппин.	158

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

К 85-летию Новосибирской области	
Павел ОРЛОВ. Сибирские бронепоезда. Карельский фронт.	172

Авторы номера	191
----------------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Михаил ПОПОВ

И ПРИИДЕТ ДЕНЬ

Повесть - притча

С небесной высоты они выглядели двумя каплями туши, случайно оброненными художником на белую пустыню листа.

При внимательном рассмотрении они напоминали выворотни чернозема, вздыбленные неведомым плугом посреди заметенной степи.

И только уже вблизи становилось ясно, что это живые существа — человек в черной хламиде и черный пес, бредущий за ним по бескрайней заснеженной целине.

Вдруг поднялся ветер. Вьюга закружилась, мигом окутав их непроницаемой пеленой, как пчелы заворачивают в кокон прополиса чужеродную живность — улитку или мышь-полевку, дабы своим неизбежным тлением они не заразили улей и не заморили рой.

Что же не глянулось художнику в изначальной картине и почему он столь внезапно очистил белый лист от черных пятен? Кто знает... Но чтобы не вдаваться в объяснения, он укротил внезапный буран и вновь открыл снежную степь — извольте, глядите: вот вам скиталец в хламиде, вот черный пес, вот окружающее их пространство.

Вдалеке виднелась череда телеграфных столбов, будто начерченных грифелем. Прямая — самый краткий путь. Это аксиома. Но странник не повернул к этой линии, чтобы следовать столбовой дорогой. Прямая практична, когда есть цель. Но что, если эта цель эфемерна, как линия горизонта?! Демонстративно поведя левым плечом, скиталец отвернулся, однако боковым зрением продолжал глядеть на череду столбов. Что она ему напоминала? Аппиеву дорогу, вдоль которой стояли шесть тысяч распятий.

И опять взметнулась поземка, взвихрив ближнее пространство. На сей раз, однако, она не спрятала странника и собаку в белый кокон, а подогнала к скирде соломы. Скирда была под сугробом, но с одного боку оказалась открыта, чернея свежей норой. По всему видать, здесь недавно хоронился волк.

Не оттого ли пес ощерил зубы и зарычал?

Неожиданный звук удивил бродягу. Что это? Он осмотрелся вокруг. Пес. Черный. С обвисшими ушами и облезлым хвостом. Странно. Доселе он не замечал собаки, бредущей по пятам, потому что никогда не оглядывался.

Зачем она здесь, эта приبلудная тварь? Она хочет загрызть его и выпить его крови? Именно такие собаки всю жизнь и преследовали его. Они грызлись меж собой, но, если среди них оказывался чужак, который норовил отобрать кость или ребро, набрасывались на него всей сворой. На его руках, на плечах, на шее — следы их когтей и клыков. Иных собак он не знал, потому что замахнулся на пса палкой. Пес остался недвижим.

Бродяге припомнилась последняя деревня, которую он миновал. Оттуда, что ли, эта псина?

Он окинул равнодушным взглядом дали, простершиеся до горизонта. Ни куста, ни дерева, ни крыши. Что занесло его в эту неоглядную глухомань — он не ведал, да и не пытался понять. Только чуял, что к югу, к теплу, путь ему заказан, словно ту сторону закрывала невидимая стена, а луч небесного циркуля очертил круг, за пределы которого ему нет хода.

В той оставшейся позади деревне он обретался три дня. Ни хлеба, ни тепла там в помине не было — окна выбиты, сусеки выметены. Как и во многих деревнях этой скудной студенной земли. Дух жизни давно выветрился отсюда. Ценностью для него тут могла быть только одежда. Вот он и обходил дома в поисках какого-никакого тряпья.

Соорудить подобие хламиды — дело плевое. Растянул тряпицу, если длинная, прорезал дыру для головы посередке — и на себя. И покрывала постельные, и накидки, и даже задрипанные половики — все в дело идет. Если шмотина коротка, ту же дыру с краю — и на себя, спину прикрыть, а другой тряпицей — грудь и плечи. Вот и катишься, как капустный кочан, сам — кочерыжка, а округ тебя листья. На голову — засаленный треух, коли в каком-нибудь чулане найдется. А нет — можно приспособить кусок меховой рвани или простеганной ваты. Свернул из рогожки кулек, стачал проволокой — и на голову. Делов-то! Нищему одеться — только подпоясаться, так раньше говаривали в этих теперь безлюдных краях.

Вот и в той деревне он обзавелся кое-каким «приданным»: справил сносные валяные опорки, которые прихватил ремнями, а голову окутал шерстяным платком, даром что тот побит молью. А выходит, и еще кое-что приволок на невидимом поводке — эту забытую или брошенную в деревне собаку.

Зачем эта псина увязалась за ним? Чего хочет? Ждет, когда он падет, чтобы обглодать его кости? Так ведь не дождется. К нему немало приставало приبلудных собак, которые заискивали, ловили его взгляд, кланчили подачку, но вскоре отворачивали, не получая ни корки, ни голы костьки. А эта плетется и плетется, неведомо чего ожидая, неведомо чем питаясь.

Смеркалось. Тяжелое, как гранитная плита, небо еще больше сгустило сумерки. Дальше брести было некуда. Бродяга расширил волчьё логовище и забился в скирду. Пахло пылью, мышами, прелым зерном. Подобрал ноги, он скрючился, как младенец в утробе матери, и потихоньку стал впадать в забытие. Когда забралась в логово собака, он не слышал, но краем сознания отметил, что спине стало теплее.

...Переночевав в скирде соломы, бродяга и псина обменялись блохами и утром поплелись дальше: человек впереди, не удостоив пса взглядом, черная собака с некогда настороженными, теперь обвисшими ушами — за ним.

Более художник не затушевывал картину, дозволив человеку и псу следовать предназначенным путем. Больше того, он обозначил на этом пути жилище, которое они не могли бы миновать. Они и не миновали.

Это был домик путевого обходчика — кубик под двускатной крышей, — приткнувшийся посреди степи на буранном полустанке. Рельсовая колея, утонувшая в снегах, не просматривалась, но понять, что это строение при железной дороге, было нетрудно — в специальных ячейках близ дверей стояли инструменты железнодорожного назначения: полосатые шесты, знаки предупреждения и опасности.

Окинув домишко и окрестности взглядом, странник догадался об истории этого места. Дорога была закрыта давно. Но старый обходчик долго не покидал свой пост, приезжая сюда коротать время. Ветхой изгородью обозначен огорожок, там дальше — погреб: стало быть, выращивал картошку. Тропок нигде не видно. Значит, с осени здесь не бывал. Урожай убрал, а более не приезжал — может, помер.

Двери оказались не закрыты. Две проушины, а в них вставлен гвоздь на веревочке — вот и весь запор. Войдя внутрь, странник огляделся. Два окна — на оба конца дороги. Возле глухой стены против дверей — топчан, застеленный немарким солдатским одеялом. Слева от него — небольшая плита об одной конфорке, металлическая дымоходная труба обложена кирпичом, но почему-то только с трех сторон, да и то до половины. Зато печь уже набита дровами, только чиркни спичкой, что торчит из коробка, который лежит на припечке.

Что еще новожилу бросилось в глаза? Столик возле правого оконца, на нем потертая железная посуда — миска, кружка и ложка, а под столом — сундучок. Отворил. В нем какой-то узелок, похоже, наволочка, завязанная красной тесемочкой. Ощупал — не иначе сухари. Боковым зрением приметил под топчаном еще какой-то ящик, но более нагибаться не стал — это потом, тем более что сначала следовало заглянуть в погреб.

Навыки его не подвели — он правильно определил историю домика. Старик-обходчик, чья черная шинель висела на гвозде подле дверей, жил здесь каждое лето, ухаживая за огородом. В погребе оказалось два просторных сусека картошки, один небольшой — с семенной. Кроме того, на засыпанных песком поддонах хранились морковь, свекла и репа, а на полках — десяток вилок капусты. Всё в первозданном виде, словно только что с грядки.

Набрав полведра картошки, странник старательно закрыл погреб: все шмотины — ветхое стеганое одеяло, домотканые половики, мешки, набитые стружкой и опилками, — сложил в том же порядке, а сверху придавил эту «перину» досками и кирпичами. Что еще? По пути к домику зачерпнул ведром свежего снега, при этом приметил, что вода тут есть: сруб колодца был виден, на крышке темнела гнутая цинковая бадейка.

Зайдя в домик, новожил поставил ведро на плиту, сняв предварительно кольца конфорки, и затопил печь. Все здесь располагало задержаться, но кто знает, будет ли это ему дано...

Огонь заплясал в печке весело и азартно, словно застоявшийся рыжий жеребенок. Руки потянулись к теплу, и собака легла неподалеку, смиренно и сморенно положив голову на лапы. Черная морда была неподвижна. Только белое пятно во лбу чем-то озадачивало.

Домик скоро наполнился парким духом: двойные рамы на оконцах да двойные двери хорошо удерживали тепло. Новожил стал потихоньку разоблакаться, скидывая одну за другой части ветхого рублища, и, когда остался налегке, набросил на плечи форменную шинель.

Печка прогорела, надо было снова подбросить дров. Чтобы не гнуть поясницу, он подвинул к огню маленькую скамейку, на которой, видать, сживал и хозяин. Ворочая кочережкой, снова увидел под топчаном ящик и, когда закончил подкидывать дрова, той же кочергой подвинул его к себе. Это был квадратный короб из фанеры с ручкой и двумя крючками для запора. Открыв крышку, он обнаружил сверху фонарь «летучая мышь» с квадратными выдвигаемыми оконцами. Сквозь закопченное стекло виднелся огарок свечи. Он вытянул одно стекло, чтобы извлечь тот огарок, и вдруг замер. В отблесках огня возникло чье-то лицо: острый кадык, угловатый подбородок, обметанный клочьями бороды, провал черного рта, вислый, с горбиной нос и ямы глубоко запавших, неразличимых глаз. Кто это? Он не сразу признал себя — столь давно не видел отражения, что даже забыл, какой он есть, и теперь глядел в грязное стекло, как на чужой портрет, равнодушно и холодно. Но едва отогнул холстину, поверх которой лежал фонарь, встрепенулся и отпрянул — в четырех равновеликих отсеках короба лежали инструменты: железная лапа, деревянные колодки разной величины, короткий — углом — нож, шилья — прямые, гнутые и с крючками, дратва, вар, пучок свиной щетины, металлические и деревянные гвоздики... При виде сапожного скарба его внезапно обдало жаром. С грохотом захлопнув крышку, он пихнул короб обратно под топчан, а потом еще раз толкнул ногой — чтобы исчез из виду.

Тут его охватил нестерпимый жор. Выловив из кипящего ведра картофелину, он, обжигая руки, разломил ее и, не обдувая и не чистя, стал хватать куски, опалая губы, язык, десны и небо. Картошка еще была не готова и хрустела на зубах, но ждать, пока она сварится, он не мог. И, умяв одну, морщась, так как она обожгла горло и пищевод, он потянулся за другой. И проглотил ее, нечищеную и немытую, так же быстро, как и первую.

Голодные спазмы накатывали на него редко, он давно привык к пустому брюху, но иногда рассудок помрачался и он хватал все подряд и жрал, как жрут, давясь и икая, голодные, отощавшие собаки.

От обильной, пусть и однообразной, еды он скоро осоловел. Сознания хватило, чтобы дожидаться, когда прогорят уголья. И, закрыв трубу, он заснул мертвецким сном.

Очнулся под утро, когда начало светать. В домишке было свежо. Шинель, которой он укрылся, когда завалился на топчан, упала. Он поднял ее, укрылся снова и опять заснул.

Поднялся новожил поздно. На сытое брюхо да в тепле спится без задних ног. Так бы и не просыпался вовсе, да тут воля не его...

Печка почти остыла. Надо было снова топить. Но прежде он заглянул в ведро. Эка! С голодухи он умял едва не всю картошку. То-то брюхо зане-

дужило! Учен ведь, кажется, укорил себя, да, вспомнив причину внезапно навалившегося жора, тотчас оборвал докучную мысль.

Беспокойный взгляд его заметался по дому туда-сюда, пока не зацепился за собаку. Пес лежал неподвижно на том же самом месте. Околел, что ли? Нет, дышит. А что жрал? Похоже, ничего. Он что — воздухом питается? Новожил уже по-хозяйски извлек из сундука горстку сухарей, размочил их в воде, приспособив для этого металлическую миску, накрошил туда пару картошин и подвинул под нос собаки. Пес открыл глаза, валко поднялся на передние лапы, обнюхал подношение и стал вяло есть.

Начинался второй день пребывания под крышей. Топка печи, варевое заняли руки, а мыслей не было. Он всегда жил минутой. Вчера — это вчера, завтра — это завтра. Только изредка бросал взгляд на пса, упираясь глазами в белое пятно во лбу.

Зимний день короток и быстро клонился к вечеру. Странник равнодушно оглядывал заоконное пространство, которое все более сужалось под покровом сумерек. Ничто не понуждало его в дорогу, и он стал догадываться, что здесь ему предстоит коротать какой-то срок.

В пути нет места для разговора даже с самим собой. Куда ставить ногу, как миновать овраг, как одолеть ручей — вот главные твои заботы, иных докук нет. А здесь, на невольном досуге, появились какие-то мысли, обрывки житейских картин. Вспоминая что-то, оценивая, он стал ронять слова, дивясь самим звукам, которые усиливало замкнутое пространство. От первых звуков он даже вздрогнул: не пес ли их выдавил? Нет, пес лежал не шевелясь, морда его неподвижно покоилась на лапах. И тогда человек, чтобы поставить голос, стал обращаться к собаке. В словах появились интонации, тембр, краски, и он сам удивился этому, так давно у него не было собеседника.

Теперь он не просто произносил слова, он стал придавать им смысл, наполнять речь содержанием — вначале простым, бытовым, ограниченным этими стенами, то есть говорил о печи, о дровах, о тепле, о крыше над головой, о запасах овощей в погребе. Потом кинул взгляд за окно, отметил вслух следы зверей: лиса и заяц явно пытались проникнуть в погреб, чужая там лакомства. Потом перевел взгляд на столбы, их череду в поле, но, едва начав их описывать, на полуслове оборвал себя. Зато привлекла его луна, изредка мелькавшая в облачной пелене, — белая и полная. Он сравнил ее с пятном на лбу пса. Пес повел ушами, точно оценил это сравнение. И тогда человек сказал псу, что будет звать его Луном.

Человек не умолкал. Луна исчезла из оконца, потом появилась в противоположном, а он все говорил, словно его вновь охватил голод — теперь речевой, точно он боялся, что если умолкнет, то лишится способности разговаривать или неволя опять погонит прочь.

Дрова прогорели, погасли все синие дьявольские огоньки. Только слегка мерцали неподвижные глаза Луна. Да по коврику лунного света ходил туда-сюда человек, ни на миг не прекращая речи.

Наутро, едва проснувшись и, кажется, еще не отворив глаза, человек опробовал голос. Речь не пропала, она была, пусть и гортанная и обожженная буранами, обтяпанная оперханными губами. И уже не тратя слов попусту, он обратил их на пса, снова намяв тому картошки, сдобренной

размоченными сухарями. Сам он не ел: не чуял нужды, потому что, кажется, был сыт собственной речью. И еще особенно, как-то удивленно глядел на собаку.

Впервые за долгий срок у него появился собеседник, причем такой, который слушал его не перебивая, не пытаясь вставить что-то свое, не хлопая по плечу в пьяном угаре, не дразня и подначивая, — просто слушал. И он до того разговорился, что стал открывать для этого собеседника, а еще больше для себя даже то, что, казалось, давным-давно выветрилось из памяти.

...Большой портовый город. Небедный дом, куда его, бродягу, привел молодой человек. Они зашли с заднего крыльца. Провожатый оставил его в прихожей, показав на скамейку, а сам исчез в глубине дома. Бродяга послушно сел на указанное место. Пахло краской, уксусом, еще чем-то. Стараясь расслабить горящие язвами да мозолями стопы, он вытянул ноги и закрыл глаза. Хотелось уснуть, забыться. Но мозг, этот алчный пес, продолжал щелкать зубами, хватая кровотокающие куски памяти.

Минувшей осенью его загнали на корабль. Туда свозили бродяг со всего города. Одним сулили непыльную работу и сносный заработок. Других сманивали южным теплом, крышей над головой и сытной похлебкой. Третьим ставили условие: либо каторга за содеянную провинность, либо посильная работа на дальних заимках. Он пытался ускользнуть, обойти посты и заставы, улизнуть с корабля, да не тут-то было. Стража держала их под неусыпным присмотром. Приметив молодого солдата, он, больше меры хромая, подкатился к нему и открыл рот. Икотно мыча, он тыкал в свою черную пасть: дескать, я немой, — при этом искусно прижал язык к нёбу, а на вид выставил обрубок свиного уха. Солдатик отшатнулся от него.

— Господин капрал! — окликнул он старшего. — Этот без языка, у него обрубок...

— Что? — Надутый капрал с толстыми нафабранными усами подошел ближе. — Обрубок, говоришь? — Он брезгливо оглядел бродягу. — Ну и что?! Ему же не языком молотить! — Капрал приосанился и поправил треуголку. — Лишь бы тянул лямку да киркой-лопатой махал. А то, что немой, — капрал при этом слегка усмехнулся, — так не будет тратить времени на болтовню. И запомни, мой мальчик, — назидательно заключил старший, — звук ложки, скребущей по дну миски, на всех языках одинаков.

— А может, это чужой бродяга?! — попытался возразить молодой.

— А бродяги все чужие, сынок, — уже отходя, добродушно отозвался капрал, — иначе были бы при доме и своих.

Назад пути явно не было. Выпрыгнуть за борт не удалось. Их, отловленную гольгѳбу, загнали в трюмы, корабли один за другим отчалили и пустились в неизвестность.

Несколько недель океан швырял их с ладони на ладонь, как горячую картофелину. От качки, дурной пищи и затхлой воды скончался не один десяток бедолаг — их вышвыривали за борт, даже не отпевая. Оставшихся — а на круг это было около тысячи человек — высадили в Суринаме, так называлась земля, где шла война.

Их, босяков, пригнали сюда не воевать, а обеспечивать войну: прорубать дороги, строить бастионы, подвозить порох, таскать и хоронить убитых, приканчивать и свежевать покалеченных лошадей.

Туда, на военную бойню, их угнали около тысячи. Обрато в тот же порт вернулся он один. Его под конвоем свели в карантин — крепостной блок, разделенный брандмауэром. Лекарь, оглядев бродягу и не увидев больше никого, велел гнать его в шею, только предварительно обрить наголо. И, словно в оправдание своего решения, бросил:

— Были бы на нем чумные блохи — сам бы давно околел!

Несчастный бродил по пристаням, припортовым подворотням в поисках еды. Из мясной лавки выкинули отбросы. Он кинулся к ним, но стая собак, неведомо откуда вдруг возникшая, опередила его. Ему досталась горсть какой-то требухи, но и ту у него готовы были отобрать озверевшие животные. Псы, суки, щенки-подлетьши — они всей сворой кинулись на него, сбили с ног, стали кусать, грызть, рвать его тело. Он сжался в комок, закрывая лицо, но краем глаза успевал оценить ситуацию. Заправляла сворой плюгавая сучонка, у которой была течка. Ей бы силенок, она перегрызла бы бедолаге горло. Его спасло то, что самый матерый из стаи, пес-волкодав, в свару не вступал, хотя сучонка явно давала знаки, виляя хвостом, и щерила зубы: дескать, что же ты медлишь?!

Отбил несчастного проходивший мимо молодой человек. Он хватил по собачьим хребтам палкой, а ту самую особо ярую сучонку ткнул шпагой.

Свора разлетелась, как ее и не было. Спаситель поднял оборванца на ноги и велел следовать за собой. По дороге он представился. Звали его Титус. Ему было лет двадцать пять. Не очень красивый, но улыбочивый и открытый, он то и дело раскланивался со встречными и делился новостью. У него скоро свадьба. Одних он приглашал в церковь на венчание, других — на церемонию в ратушу. Все благодарили, обещали быть. Кто-то поздравлял, кто-то остерегал: дескать, лучше бы переждать, опять ветры носят чуму — и там похороны, и там отпевание. А Титус только отмахивался: мол, любовь все напасти снесет...

Очнулся бродяга от чых-то скрипучих шагов и поспешно подобрал ноги. В дверях показался немолодой, но весьма нарядно одетый человек. На нем был серый плащ и черная остроугольная шляпа. В одной руке он сжимал трость с серебряным набалдашником, а в другой нес за ручку ларец.

Титус, возвращения которого бродяга не услышал, кинулся посетителю навстречу.

— Добро пожаловать, минхер Менахем!

Вошедший благосклонно кивнул, вопрошающе повел черными навывкате влажными глазами, важно прошел к столу и поставил ларец на середину.

— Мэтр обещал наведаться, чтобы посмотреть оттиски с его клише, — голос посетителя был столь же важен, как и его походка.

— Он занят, минхер, — у него в мастерской заказчик. Тоже ждем, — пояснил Титус и кивнул на бродягу, словно винясь за его неряшливость и неопрятность.

— Гешефт есть гешефт, — по слогам произнес посетитель, многозначительно выпятив толстые губы, отчего мясистый нос коснулся верхней из них. — Тогда я оставляю это. — Он показал холеной рукой, униженной перстнями, на ларец. — Поглядит — пусть наведается. У меня и обсудим.

Он стал разворачиваться, колыхнув плащом, но на полпути замер и поднял палец:

— Мэтру поклон, мой мальчик, и скажите, что его старый друг Менахем получил партию рейнского вина — привет с его родины — и жаждет выпить с ним за его здоровье.

Ответ Титуса посетитель выслушивал уже на ходу. А на бродягу даже не взглянул. Надменный, как все богатые евреи, поднявшиеся из низов, он лишь брезгливо поморщил вислый нос и вышел, оставив после себя стойкий запах вареной курицы.

Чтобы заглушить приступ голода, бродяга снова вытянул ноги и закрыл глаза. Однако на сей раз забыться ему не удалось. Титус тотчас раскрыл ларец и стал извлекать из него те самые клише — медные пластины, которые гулко стучали о дубовую столешницу...

Наконец появился мэтр — хозяин дома и, судя по сходству с Титусом, главным образом по одинаково толстому носу, — его отец. Немолодой, лет за шестьдесят, он был облачен в просторную серую блузу и носил серый колпак, похожий на вязаный чулок.

— Ну-ка, — возгласил он, — кого ты притащил на сей раз?! — Изпод седых лохматых бровей хмуро взглянул на бродягу и жестом велел тому встать.

Бродяга поднялся, выжидательно и угрюмо глядя на хозяина. Тот поджал губы, склонил туда-сюда голову, прищурил глаз, сделал пальцами рамочку, заключил в нее лицо бродяги. Пожевал губами, словно пробуя что-то на вкус, затем поманил нищего к себе, велел стать за спинкой небольшого обитого бархатом кресла и опустить на спинку руки. Руки были в цыпках, шрамах, грязны, с обломанными и обкусанными ногтями. Мэтр поморщился при виде их, велел перевернуть левую и протянуть ее, как за поданием. Ладонь была расчерчена глубокими, словно надрезы, линиями жизни и смерти, испятнана давно затвердевшими и свежими мозолями. В такую если и кинут мелкую монету, то скорее не из сострадания, а от брезгливости.

Мэтр отошел, сказал нищему подняться, снова со всех сторон оглядел фигуру, скрытую тряпьем. Велел опять опуститься на колени, ощупал его голый шишковатый череп. Снова поднял, заставил пройти, подойти к креслу. Бродяга, держась за спинку, уже без команды стал было опускаться на колени, но мэтр его остановил и приказал скинуть драные башмаки. Потом все же велел встать на колени спиной к окну. Какое выражение лица было у мэтра, бродяга не видел, но по физиономии Титуса, стоявшего напротив, догадался, что мэтр чему-то обрадовался: лицо сына, до того виновато-озабоченное, ответно озарилось.

— То что надо, сынок! — воскликнул возбужденно мэтр. — Эти стопы с трещинами и мозолями лучше всякого паспорта. Тут вся судьба. — И без перехода, уже в дверях, бросил: — Покорми его. Закончу с магистром — займусь этим...

После обеда бродягу разморило, но передохнуть ему не дали, сразу начался первый «сеанс» — так Титус и его отец называли позы, которые должен был принимать натурщик. Сначала мэтр велел сыну встать перед бродягой на колени и уткнуться тому в лохмотья, а бродяге — опустить на плечи Титуса руки. Посмотрел так и сяк, убавил света, задвинув штору. Походил взад-вперед. Поправил позади мольберта какую-то бордовую занавеску. Потом велел сыну и бродяге поменяться местами. Титус встал на ноги, а бродяга опустился перед ним на колени, ткнувшись лицом в живот молодого человека. От Титуса пахло какими-то благовониями — не иначе от платка, подаренного невестой.

— Так. Хорошо, — поводит мэтр руками, будто заключил видимое ему в раму. — Гольйй череп, согбенная, в обносках спина, босые стопы в струпьях...

Он подошел к мольберту, на котором его ждал свежий загрунтованный холст, и взялся за грифель. Это бродяга видел в отражении на боку бронзовой вазы, стоявшей в простенке, — правда, в искаженном виде. Колени на мозаичном полу стали затекать, и он незаметно подоткнул под них свои свисавшие лохмотья. Так стало терпимей...

Сеанс продолжался долго, пока за окном не стало смеркаться. Мэтр затеплил свечи, но более работать не стал.

— На сегодня хватит. Утром продолжим, — заключил он и велел сыну положить бродягу спать в отдаленном чулане.

Ночь прошла в непривычном тепле и сытости. Может, от этого бродяга спал беспокойно. Все ворочался, чесался, словно его донимали блохи. Разбудили его спозаранок.

— Завтрак на столе, — объявил Титус. — Отец сегодня воодушевлен и ждет тебя на сеанс. Поторопись...

С утра мэтр, как он сам сообщил, делал наброски. Рисовал на плотных листах затылок бродяги, шею. Грифель скрипел и, казалось, летал над белым полем. Потом художник детально запечатлел на бумаге ушные раковины нищего. Но дольше и подробнее всего он осваивал ноги странника.

Велев тому скинуть обувь, мэтр рассматривал попеременно то левую, то правую стопы, пальцы на обеих ногах, щиколотки. Он подносил к ним лупу и внимательно разглядывал шрамы, струпья и мозоли. Опытный глаз старого живописца разбирал все: вот следы от зубов пса, сухожилия повреждены — потому и хромает; между плюсневых косточек на коже впадины от гвоздей, а на щиколотках — шрамы от кандалов. Он не зря сравнил ноги бродяги с паспортом — тут читалась вся история жизни несчастного, по крайней мере, телесной.

Руки бродяги мэтр обследовал в последнюю очередь. И ладони, и тыльные стороны обеих рук были испещрены белыми шрамами, давними ожогами, недавними порезами — явными следами пыток, — будто загадочной клинописью. Он пытался разгадать эти знаки. Натурщик на вопросы о природе рубцов и порезов отвечал неохотно, а то и вовсе отмалчивался, замкнувшись. Тогда мэтр велел подать бродяге вина на обед. Более того, когда сеанс возобновился, он сам подливал ему, если чаша пустела.

Его расчет оправдался, вино сделало свое дело. На лице нищего, до того мертвенно-бесстрастным, возникло уродливое подобие улыбки. Этот

порочный оскал озадачил мэтра, зато порадовало то, что хмель развязал натурщику язык.

— Огонь, лед, железо — разве это пытки?! — Бродяга хмыкнул, почти презрительно глянув на художника. — Пытки — другое...

Он сделал большой глоток, зачем-то высунул язык и прикусил его.

— Далеко это было и давно, — хрипло обронил он после паузы. — Меня посадили на молодой бамбук. Знаете, что это такое? Бамбук растет не по дням, а по часам. Побег пронизывает человека насквозь — кожу, кишки, внутренние органы, все... Бедняга умирает в жутких муках. — Он осушил чашу до дна. — Но палачи напрасно ждали, глядя во все глаза, когда я начну корчиться и орать. И когда побег вылез из моего рта, как жало змеи, они кинулись передо мной на колени...

На другой день, поставив странного натурщика на колени, мэтр спросил между прочим, был ли у того отец, точнее, помнит ли он отца. Бродяга досадливо повел плечами, давая понять, что отвечать не желает: он и так вчера разболтался и наговорил лишнего. Художник ему докучать не стал, но под вечер снова, будто забыв, повторил свой вопрос. Бродяга буркнул, что не помнит. Однако, уйдя к себе в чулан, долго не мог заснуть. Его раздражало, что мэтр задает один и тот же вопрос раз за разом, меняя интонацию и порядок слов. Так простец-рыбак, не имеющий другой наживки, кроме уже изжеванного рыбами червя, сдергивает его с крючка и вновь насаживает задом наперед безвольную, безжизненную шкурку.

Чего он привязался к той же лодыжке? Да, она была прокушена ярым псом и после неправильно срослась. Но ведь если открыть, где и когда это произошло, мэтр ни за что не поверит и того и гляди прогонит «обманщика» из своего теплого и сытного дома, чего бродяге совсем не хотелось. Историю про бамбук, который прошел насквозь через плоть рассказчика, мэтр, судя по его хмурому взгляду и поджатым губам, счел хмельной фантазией и больше не велел подавать натурщику вина. А разве он лжец? С той же лодыжкой...

Солдаты охраны уже ушли, и только один стоял возле распятия, дожидаясь конца. Да еще алчный пес все вертелся вокруг, щелкая зубами. Собаки, даже голодные, не тянутся к мертвечине — нороят поживиться свежатиной. Этот был особенно настырным. В прыжке, достойном грека-олимпийца, пес достиг цели и выхватил кусок вожделенной плоти, окрасив кровью всю морду.

Но как это все объяснить мэтру? С буйным воображением художника тот, разумеется, представил бы все: и алчного пса, и столб, забрызганный кровью, мочой и калом, и хваткие сыромятные ремни, которыми пристегнуты конечности... Что запросто могло лишить живописца рассудка — так это название места. Разве он мог связать покалеченную лодыжку своего натурщика и Аппиеву дорогу?!

Этот вопрос бродяга произнес вслух, обращаясь к псу, который лежал на полу маленького домика посреди заметенной степи. Словно пес знал эту историю, словно он был ее свидетелем, а может, даже участником, и мог не просто подтвердить сказанное, но и убедить слушателя в том, сколь бедны представления того о человеческой жизни и памяти...

Воспоминания метнулись вспять. «А сам-то?» Это бродяга произнес вслух, но на сей раз обращаясь не к псу, даже не взглянув на него, — этот вопрос был назначен мэтру.

— Зачем ты пытал меня об отце? Чуял угрызения совести — тоже ведь рано ушел из дому, послушавшись? Тогда почему столь недальновидно заставляешь своего сына шляться по клоакам и притонам в поисках натурры? Неужели тебе так важна эта новая картина? Полотном больше, полотном меньше — какая разница?! Ты уже прославлен, знаменит. Одна «Даная» чего стоит! К своим летам ты испытал немало утрат, хотя былой блеск еще не покинул твой дом. Но ведь главное твое достояние — сын, как ты не понимаешь, единственный сын, который находится в самом цветении молодости! А ты, отец, его совсем не бережешь и ради своего замысла отправляешь в поисках натурщиков на самое дно, в смердящую преисподнюю, где он может напороться на нож, где его могут оглушить и ограбить, а потом сбросить в канал. Где, наконец, витают миазмы смертельно опасных болезней, кишат блохи чумы, от которой тело покрывается смердящими гнойниками и человек в муках сгорает за три дня...

Ты безрассуден, мэтр, даром что уже при жизни признан гением! Неужели это полотно тебе дороже сына? У тебя десятки картин, которые признаны шедеврами. Что тебе еще одна? Или тебя, как и меня, ведет чужая воля? И дар обурекает тебя, сжигая изнутри?

...Как много всколыхнулось в памяти с появлением этого черного пса, что лежал у порога, уткнувшись носом в лапы!

Странник давно понял, что пес слепой и глухой, что осталось у него немного чутья — только и всего. Но это не мешало ему, человеку, вспоминать и рассказывать вслух о том, что вспоминалось, и даже задавать вопросы и будто советовать. Животное и его, скитальца, не просто так прибило друг к другу. Что-то их роднило: бродягу и этого шелудивого, с клочьями седины в черной шерсти пса...

И однажды он подумал, что это его заблудшая душа — черная с одним-единственным белым пятном, слепая, глухая, едва чувшая, совсем пропащая, неведомо когда, где и кем отторгнутая от него и вот теперь обвившаяся, приткнувшаяся к нему среди бескрайней снежной пустыни.

Откуда она взялась — было не главное. Зачем — вот в чем был вопрос.

Сердце скитальца, старое, уже почти нечеловеческое сердце, всколыхнулось и учащенно забилося в предчувствии долгожданного отклика.

Зримо, словно ответ на давний вопрос, возник образ отца. Он безмолвно глядел на сына издалека, но, казалось, был совсем рядом, только протяни руку.

...Отец уже был в годах. Однажды сын, пятнадцатилетний юноша, застал его на коленях. Отец не заметил наблюдателя, поглощенный слезной молитвой. А просил он Всевышнего о нем, своем младшем сыне, умоляя, чтобы Господь дал мальчику живого духа, избавил от холодности и равнодушия.

Потом, уже после того как он покинул отчий кров и лишь иногда приезжал погостить, отец пал на колени перед ним, уже двадцатилетним, умоляя его вернуться...

А еще ему вспомнился старший брат. Это было на Песах, храмовый праздник. Брат приехал в город из родных мест. Он принял в наследство от отца красильню и привез на продажу разноцветные ткани. Обычно он останавливался у младшего брата, хозяина сапожной мастерской, но на сей раз предпочел постоялый двор. Правда, братнего дома все же не миновал. Пришел не в гости, а нашел повод: мол, перетерся ремешок на сандалии. Он что-то говорил, когда пришел к брату в мастерскую, но что — вспомнить никак не удавалось. Только, кажется, был чем-то озабочен и даже испуган, когда глядел в его, младшего брата, лицо.

...Пес не ел вторые сутки. Размятая картошка и морковка, размоченные сухари лежали в миске той же, только усохшей, горкой. И питья он не искал, неподвижно лежа на одном месте. Глаза пса, полуоткрытые, почти померкли. Только слабые и редкие хрипы изведали, что он еще не издох.

И тут скитальцу опять вспомнился Титус. Сын художника сгорел от чумы в три дня. Он умирал на руках у нищего: сын знатного горожанина, художника, которого почитали при дворе, — на руках у босяка, бродяги, голи перекастной. Смерти все равно, кто ты, она не смотрит на чины и ранги. Люди кичатся своим достоинством, а приходит смерть — мигом все теряют. Ладно, челядь в страхе от чумы поразбежалась. Но где друзья мэтра — тот же печатник Менахем бен Исраэль? Где заказчики — тот же магистр?.. Ни единой души, кто помог бы несчастным в трудный час. Нет даже тех, кто по своему служебному долгу обязан находиться у изголовья обреченного. Лекарь махнул рукой — безнадежен. И даже пастор осенил крестом издали, не удостоив последнего причастия...

Горькие часы и дни. Мэтр почти в беспамятстве — он убит горем. Единственный сын, единственная надежда и опора. Больше ни одной родной души. Был богат, славен, были родители, друзья, жена. А теперь — никого... Вот и сын...

Титус звал в бреду невесту, но она не приходила. Да и кто бы ей позволил прийти к умирающему, заразившемуся чумой жениху, даже если она его безумно любила, даже если готова была разделить с ним исход?!

Кто явился без зова, так это погребальная команда — привидения в белых балахонах, в остроконечных колпаках с дырами для глаз. Их колесница, запряженная парой кляч, покрытых драными попонами, остановилась против соседнего дома. Тот, видно, совсем опустел. Мертвецов одного за другим вытаскивали крючьями, подцепив за ребра, и они стучали по мостовой уже окостеневшими конечностями и черепами.

Титус еще не остыл, а эти безликие призраки уже требовали везти его на отдаленный пустырь, где выкопана обширная погребальная яма. Да еще грозили бродяге: не доставишь к вечеру — пеняй на себя, ночевать будешь в тюрьме. Нашли чем грозить! Он сам себе тюрьма, к тому же бессрочная.

Не угрозы побудили его приготовить несчастного Титуса к последнему путешествию. Оглядев просторную кладовку, он остановил взгляд на большой, величиной со скатерть или одеяло, холстине. Это была незаконченная картина: много мужчин в блестящих латах, вооруженных шпагами и мушкетами. Внимание обратил лишь на юношеское лицо — оно напоминало Титуса.

Дальше было буднично. Он завернул покойника в жесткий от красок холст, который коробился и дыбился, словно не желал переходить в новое качество. Потом сходил в угольный сарай, где — знал уже — есть одноосная тележка, выкатил ее и поставил у крыльца. Что удивило, так это то, как быстро очоенело тело Титуса: только еще было мягким, казалось спящим — и вот уже жесткое, негнущееся, как и его саван. Бродяга даже споткнулся, едва не обронив ношу, — впервые его холодное равнодушие дрогнуло от укола жалости. Однако извещать мэтра, тормозить его, приводить в чувство, чтобы тот простился с сыном, он даже не подумал: просто в голову такое не пришло.

Место захоронения он нашел по чередке факелов вдоль дороги. На дальнем пустыре была вырыта обширная, как под фундамент просторного дома, яма. По периметру ее освещали костры. Зловещие тени удальцов из похоронной команды метались по земле, по листве деревьев и, казалось, с дымом и пеплом возносились в небо.

Трупы сбрасывали не чинясь, не разбирая, кто есть кто — простолюдин или знатный, последний забудыга или мессир. И бродягу охватило сомнение. Он не пожелал отдавать Титуса в руки похоронщиков. Сам обвязал тело предусмотрительно припасенной веревкой и, стоя на самой кромке общей могилы, так что из-под ног сыпался песок и глина, аккуратно опустил прах сына художника с краю, в углу, как мэтр ставил подпись на завершеном полотне...

Во сне или в бреду тихо проскулил пес. Вот тут и нахлынуло на скитальца... Забытое, кажется, совсем уже отторгнутое чувство охватило его: мертвый сын художника и издыхающий пес будто слились в одно.

Бродяга вышел на крыльцо. В просветах туч мелькал месяц. Он напоминал дольку чеснока, которую ему, нищему, протягивал Титус, уверяя, что это лучшее средство от чумы. А еще он напоминал коготок, цеплявшийся за кромку черной полыньи. И, глядя на эту сиротскую картину, скиталец отчаянно завыл...

...Вернувшись в домишко, он пал на колени перед распростертым на полу псом и стал что-то бессвязно шептать. Какими словами — не помнил, но что — ведал. Он молил Луна не уходить. Корил: как можно оставлять его вдругорядь, когда они после одиноких блужданий опять встретились? Заклинал... Пока сам не впал в забытье. И вот тут-то между явью и сном ему предстала картина — живой Титус.

...Титус, исполняя приказание отца, сходил на кухню, чтобы распорядиться насчет обеда. А вернувшись, позвал бродягу к столу.

— Вот сюда, — уточнил он, показав на стул, заляпанный желтой краской.

Бродяга послушно сел, оставив руки на коленях. Голод донимал, в ожидании обеда он глотал слюну да оглядывал разложенные на столе металлические пластины. Если бы это был хлеб!

Ближе к нему оказался самый маленький, отличавшийся от всех остальных овальный рисунок. Как и другие, он лежал поверх медного клише. Бродяга потянулся к нему, но Титус опередил — дескать, осторожно,

не запачкай! — и сам взял рисунок в руки. На вопрошающий взгляд бродяги он поднес гравюру к тому поближе, держа листок за уголок:

— Это знак печатника. Господин Менахем бен Исраэль, — он мотнул головой, — хозяин печатного двора. Эта эмблема ставится на титуле и в конце книги.

Бродяга вытянул шею. Его заинтересовали не объяснения юноши, его привлек сюжет. В вертикальном овале был изображен бредущий чуть наискось человек, по виду древний старец, оборванный, босой, с разлохмаченной ветром бородой и волосами, с посохом в руке.

Титус догадался, чего ждет от него бродяга.

— Это библейский образ... точнее, образ из апокрифов. — Он посмотрел на бродягу, понимает ли тот, и добавил уже прямо: — Это Агасфер. Вечный Жид. Так его прозвали.

Титус сделал короткую паузу.

— Во время следования на Голгофу Господь наш, — тут юноша перекрестился, — Иисус Христос остановился возле сапожной лавки — она принадлежала Агасферу — и прислонил к ней крест, чтобы немного передохнуть. Ни воды не просил, ни хлеба. Только передохнуть... Но Агасфер отказал ему даже в такой малости. Он стал бранить Иисуса и даже оттолкнул его: мол, ступай своей дорогой. Иисус скорбно посмотрел на него и сказал, что и ему, сапожнику, придется с этих пор идти. «Куда и куда?» — усмехнулся тот. «До моего второго пришествия», — обронил Христос... Вот с тех пор Агасфер и бродит по свету, не находя приюта и не ведая покоя.

Голос Титуса при этом дрогнул. В нем слышалась жалость, больше того — сострадание. Последующая фраза подтверждала это:

— Я думаю, не сам Христос — Бог Отец оскорбился за Сына...

Служанка принесла обед, расставив на столе тарелки и чашки. Однако скиталец, до того глотавший слюну, будто и не заметил этого.

— Уж не заснул ли ты? — окликнул его Титус.

...Бродяга очнулся. Не сразу поняв, где он, огляделся. Это был домик путевого обходчика посреди бескрайней заснеженной степи. Печка почти прогорела, в ней лениво и обреченно мерцали последние сполохи. Он подкинул дров, приведя огонь в чувство.

Склонился к псу. Тот почти не дышал.

Странник, испытывавший едва ли не все в этой жизни, знал, как умирает живая плоть. Как издыхают собаки. Как отходят люди — раненые, больные, старые... Только ему такое было не дано. Он искал смерти, а она от него бежала. Он тянулся к ней, как тянутся к источнику вожделения, а она отмахивалась от него, взметая пыль-завесу подолом своей полуистлевшей юбки.

...Давно это началось. Неведомый ветер гнал и гнал его, как перекапти-поле. Он пытался возвратиться домой, но всякий раз препятствия преграждали ему путь. И когда спустя годы он очутился в родных местах, то не нашел ни дома, ни жены, ни детей. Храм был разрушен. Он отправился в город, где родился. Но там не осталось даже кладбища — все заполонила трава, трава забвения. Им овладела невыносимая тоска. Именно тогда он впервые захотел умереть, чтобы прервать постылую череду одиноких дней. Однако что он ни делал, что ни творил с собой — оставался цел и невредим.

Он кидался в драку, подставляясь под нож, — но лезвие скользило мимо. Он прыгал со скал — но падал не на камни, а в воду. Он пытался утонуть — но вода выталкивала его на поверхность. Он устремлялся в огонь, увидев пожар, — но пламя шарахалось от него в стороны, словно от прокаженного. Он пытался уморить себя голодом — но добился лишь того, что перестал чувствовать вкус еды...

В неровном свете сполохов мелькала ручка сапожного сундука. Он подполз на четвереньках к топчану и вытащил ящик к печке. Крышка открылась. На ней блеснуло лезвие остроугольного сапожного ножа, прикрепленного ленточкой сыромятной кожи. Он извлек нож. Это была его последняя надежда.

Огарок свечи уже давно истаял. Он приоткрыл дверку печи, чтобы прибавилось света, и, не поднимаясь с колен, метнулся к собаке. Теперь надо было делать все быстро, но аккуратно. Хватит ли у него сноровки и терпения? Хватит.

И, уже не мешкая, он полоснул лезвием по ладони левой руки, где сходятся-разбегаются линии жизни и смерти.

Раньше, когда, ища исхода, он вспарывал себе вены, порез, каким бы глубоким он ни был, мгновенно затягивался — ни одной капли крови не выступало на коже. Вот и сейчас он боялся того же, но уже по другой, прямо противоположной причине. Не придет кровь — уйдет жизнь. Вернее, не отворится кровь — пресечется жизнь. Он затаил дыхание. Миг, другой. И вот...

На сей раз это случилось. Чаша ладони наполнилась живительной тяжестью, мерцавшей в полумгле. Он поднес ладонь к пасти пса, приподнял его голову, разжал стиснутые челюсти и стал медленно сливать содержимое на собачий язык. Сперва влага стекала по желобку языка тяжело, словно неохотно и недоверчиво. Но вдруг случился спазм, пес сделал слабый глоток, язык стал вяло шевелиться, принимая спасительный ручеек, и в уголках собачьих глаз, как показалось человеку, замерцал тихий огонек.

Руки затекли. Не прерывая начатого, бродяга медленно переменял позу, растянувшись на полу, а руку и морду пса положил на свой тощий живот. Разрез был в меру — ладонь не успевала переполняться, так что ни одна капля не пропала даром.

На него сошло неведомое дотолем умиротворение. Он тихо закрыл глаза. Что-то горячее поползло по щеке, как в далеком детстве — божья коровка...

Очнулся человек от какого-то звука, точнее — череды звуков. Гудок, выхлоп пара, далекий перестук колес — вот что послышалось. Он решил, что это ему мерещится. Сознание снова стало заволакивать облачной пеленой. Но еще прежде, чем оно опять угасло, он почувствовал, как окон домика, в котором он обитал с прилудным псом, коснулся свет. Лучи пронзили одно окно и вышли через другое. Но часть их застряла в домике, осветив его изнутри, так что свет проникал и через сомкнутые, придавленные свинцовой тяжестью веки. Более того — свет коснулся лица. Стало удивительно тепло — так тепло, как от отцовской ладони, когда отец в раннем детстве склонялся к нему, тогда совсем несмышлелышу, и тихо шептал невнятные, но жаркие слова, которые называл молитвой.

Владимир МЕЗЕНЦЕВ
КОЛЯ-МАЛЕНЬКИЙ

Р а с с к а з

*Памяти ветерана Великой Отечественной войны
Николая Порфирьевича Пермякова*

Старшина ворчал, подбирая для меня подходящую по размеру форму рядового солдата. Вся одежда на мне выглядела мешковатой: плечи у гимнастерки свисали, обшлага рукавов скрывали кончики пальцев, галифе вздувались пузырем, как на огородном пугале, а в шинели я и вовсе утонул.

— Где только вас, шкетов, берут? Вырасти не успели? Сколько исполнилось?

— Девятнадцать!

— И скажи, где ты такой вымахал к этим годам?

— Где мама родила, там и жил до призыва, — ответил я.

И, как в бесцветном калейдоскопе, замелькали в памяти черно-белые картинки моей прежней жизни. Плач матери и суровость отца-инвалида на проводах в армию. Холщовая сумка с домашними харчами в дорогу. Долгий путь на подводах по бездорожью от деревни до райвоенкомата и дальше — до города. Компания таких же сорванцов, как я, с боевым настроем. Взрослых-то давно уже мобилизация выгрестила из деревень и сел. Шел третий год страшной войны...

Паровоз и вагоны-теплушки, которые я увидел впервые в свои девятнадцать лет, везли меня на фронт, и перед глазами проходили вокзалы и перроны больших и малых городов, знакомых по школьной карте Союза Советских Социалистических Республик.

Почему я такой худой и тщедушный? А с каких щей мне быть здоровяком? Последний ребенок в семье, чудом уцелевший в тяжелые годы. Жизнь впроголодь, особенно в зимние месяцы, когда сугробы по окна, а на промерзших дверях колючий иней. Ночной сон на полатах, под дражным тулупом, дневное бдение в одежде, доставшейся от старших братьев, и в подшитых не раз валенках. Картошки хватало только до марта, а муку из нескольких пудов зерна, полученных за трудодни, растягивали на всю зиму. Хлеб и драники — по воскресеньям и праздникам. Коровы своей не было, молоко изредка брали у соседей и использовали для забеливания морковного чая.

Как только устанавливался снежный покров, ставили петли на зайцев, но удача баловала редко, и о зайчатине больше мечтали. В суровые зимы выбирали рыбу из заморов и обедались ею почти неделю, а потом она надоедала. Только наш домашний кот никогда не отказывался от рыбки.

Весна приносила долгожданное тепло, и по талику мы собирали на огородах редкие, оставшиеся с осени в земле клубни мерзлого картофеля, который после варки в чугушке сластил. В начале лета все переходили на подножный корм. Собирали ягоды и грибы, ловили мелкую рыбу в речке. Молодняк ел все подряд: камыш и чакан, полевой лук и лук-слизун, клеверную кашку, свиную ягоду и прочее. Мяса и сливочного масла не было вообще.

Так откуда будешь жирным? Быть бы живу.

— ...Понимаю я все, понимаю. Думали, заживем при новой власти лучше, как нам обещали, а тут война. И пошла метла гулять по городам и весям, нещадно выметая здоровое население на фронт. Кто остался в тылу? Старые да малые, да еще бабы. Трудно им без мужиков семью и хозяйство держать. Здесь хоть постоянный солдатский паек, а как там? У меня тоже семья осталась в тылу... А шинель твою мы подрежем внизу, чтобы ты не путался в полах, когда бежать придется... то есть прятаться в укрытии на время обстрела. Много бойцов погибает при обстрелах, а сколько после них раненых! Так что ты не высовывайся, если жить хочешь, а приникай к земле, вжимайся в каждую ее ямку.

Рассудительный тон старшины успокоил меня, и я уже не злился на прозвища вроде «шкет» или «малый». Тем более в роте таких, как я, небольшого роста «богатырей-бойцов» было немало. Меня стали называть не по фамилии, а Коля-маленький — именем, на которое я отзывался без обиды.

В январе тысяча девятьсот сорок третьего года наша часть в составе Волховского фронта (об этом я узнал значительно позднее) готовилась к наступлению под Ленинградом. Войскам двух фронтов ставилась задача — прорыв немецкой обороны и освобождение блокадного города. Перед наступлением в роте прошло собрание, на котором политрук (я забыл его фамилию) призывал проявить героизм и несколько раз повторил слова Вождя: «Победа будет за нами!»

Я сидел с бойцами своего взвода в неглубоком окопчике, вырытом в мерзлой земле и припорошенном снегом, и ждал сигнала к наступлению. В руках у меня была заряженная винтовка, а в кармане шинели — обойма патронов. Но не успели мы подняться в атаку, как начался жестокий артиллерийский обстрел наших позиций. Я прижался к земле и молил: «Чур не меня! Чур не меня...»

Очнулся я в полевом госпитале. Открыл глаза, а пошевелиться не могу: в груди боль, как будто внутри раскаленные камни. В сознании я пребывал недолго и, не успев что-либо сообразить, вновь как будто проваливался в бездонную темную яму.

Как-то при очередном осмотре я услышал от врача-хирурга: «Ну вот! Кто бы мог подумать, что после такого ранения обойдется без летального

исхода. А раз выкарабкался, значит, будешь жить! Мы тебя прооперировали, удалили осколки. Однако ты потерял много крови, и для тебя сейчас главное — укреплять организм, чтобы он мог восстановиться. А то непонятно, в чем у тебя душа держится, — кожа да кости».

Позже я узнал, что всю одежду, в которой я был в момент ранения, пришлось уничтожить из-за непригодности к дальнейшему использованию: все было залито кровью. Также было сожжено то, что осталось от армейской книжки и содержимого медальона. В госпитале завели новый документ, подтверждающий мою личность.

Меня тогда совершенно не интересовало, какие бумаги есть на меня. Главное — я жив и мне необходимо набирать вес. Но поправиться никак не удавалось. Во-первых, у меня не было аппетита и пища не лезла мне в горло, во-вторых, мне казалось, что внутри меня еще что-то осталось: возможно, осколки, не убранные при операции. В таком состоянии меня возили по тыловым городам, где были военные госпитали.

Наконец я оказался в стационарном госпитале в Иркутске. Я уже был ходячим больным и мог обслуживать себя сам, но меня продолжали мучить внутренние боли. Иногда, засыпая, я думал, что завтра не проснусь. Окружающие — больные и медперсонал — с жалостью смотрели на меня — ходячий скелет, то и дело падающий в обмороки.

Спасение пришло неожиданно в лице хирурга, начальника госпиталя майора Демченко. Прошло много лет, но я хорошо запомнил эту фамилию, ведь именно ему я обязан тем, что выздоровел, вернулся домой, стал специалистом с высшим образованием.

При очередном осмотре Демченко вдруг сказал мне:

— Ну что, малыш, жить хочешь? Я предлагаю тебе сделать еще одну операцию. Если она пройдет удачно, без осложнений, ты сможешь выздороветь полностью. Ну как, согласен? Я думаю, ты выберешь жизнь, а не смерть.

Конечно, я был молодым и мне очень хотелось жить. Что я видел, чего достиг в свои девятнадцать лет, сначала сидя в деревенской глуши, а потом полгода валяясь в госпиталях в «подвешенном» состоянии — ни жив ни мертв?

Я согласился на предложение хирурга. Разве это жизнь, если я еле-еле хожу и шатаюсь, как былинка на ветру, а постоянная, непрекращающаяся боль под ребрами не дает покоя ни днем ни ночью?! Меня преследовало чувство голода, но внутрь ничего не лезло, я чувствовал какое-то отвращение к пище. Только кусочек помидора давал мне временное приятное ощущение во рту и в желудке.

К удовлетворению хирурга, операция прошла успешно. Миновало не очень много времени — и я начал выходить из палаты во двор.

— Даю слово, рядовой, теперь тебе ничего не угрожает! — заявил после очередного осмотра начальник госпиталя. — Главное сейчас для тебя — питание, чтобы ослабевший организм мог набрать силы. Я скажу заведующей столовой, чтобы тебе увеличили норму. Теперь все зависит от тебя самого.

Я от души поблагодарил майора и выразил готовность выполнить его наказ. Однако из-за моего отвращения к пище это оказалось невыносимо трудным делом. Я оставался каким был — безнадежным дохляком.

То, что случилось со мной позднее, я назвал бы чудесным исцелением. В начале осени в нашей столовой появились свежие овощи. Каждому больному выделялась четвертинка помидора. К огурцам я был равнодушен, их вкус не казался мне приятным, а вот при съедании помидора у меня появлялся аппетит и я мог осилить обеденную норму.

Как-то, прогуливаясь возле столовой, я увидел, что во двор въехала нагруженная ящиками подвода и остановилась недалеко от дверей. Возница оставил повозку и вошел в столовую для доклада. Ящики на телеге были с горкой наполнены спелыми помидорами! От этой картины у меня потекли слюнки. Я посмотрел по сторонам, подошел к телеге и стал быстро набирать в карманы и за пазуху красные помидоры. Но едва я повернулся, надеясь уйти незамеченным, как открылась дверь столовой и вышел начальник госпиталя в сопровождении возницы и заведующей столовой. Увидев меня с оттопыренными карманами и во вздутой на тощем животе рубахе, Демченко подошел и строго сказал, чтобы я выложил все обратно в ящики.

— Что, тебе не хватает столовской пищи? Ты достоин наказания за этот проступок! Зачем тебе столько помидоров?

Захваченный врасплох, я не знал, что ответить, и, заикаясь, пролепетал:

— Простите, но я люблю помидоры... После них у меня появляется аппетит.

— Ладно, прощаю, но чтобы впредь такого не было! Понятно, рядовой Поздняков? Иди к себе в палату!

Испуганный и в то же время обрадованный, что обошлось без наказания, я вернулся в госпиталь и до вечера не высовывался во двор.

На ужин, к своему удивлению — и еще большему изумлению моих соседей по столу, — я увидел у себя в тарелке целый красный помидор, тогда как у других лежали четвертинки. Кто-то из обделенных выразил заведующей столовой свое несогласие с таким распределением помидоров, на что получил исчерпывающий ответ: «Распоряжение начальника госпиталя». В дальнейшем никто больше не возмущался: боялись перечить начальству. И для меня в течение месяца на каждый прием пищи выделялся целый помидор.

У меня появился аппетит, и я стал понемногу поправляться. Это заметили все, включая, конечно, и моего спасителя майора Демченко.

Я вначале не мог понять, почему он так заботливо отнесся ко мне. Только потом, уже перед выпиской из госпиталя, понял, в чем дело.

У Демченко была семья, которая осталась дома, на Украине. Майор часто говорил о жене и сыновьях, когда, немного подвыпивший, подходил и в саду на лавочке изливал душу мне, тщедушному пареньку, которому спас жизнь. Он крутил роман с заведующей столовой, красивой женщиной-хохлушкой. Война подходила к концу, Демченко все чаще впадал в

депрессию и со слезами на глазах (я впервые видел плачущего офицера) жаловался мне на свою безвыходную ситуацию. Он не скрывал, что любил Наталью (кажется, так ее звали) и ему с ней хорошо. Но совесть то и дело напоминала ему о прежней семье — жене и детях, с которыми его разлучила война. Может быть, во мне он видел одного из своих сыновей. Для него я был «мальшом», и у него, по всей вероятности, возникали параллели со своими детьми — тоже мальчиками-подростками. Он спрашивал у меня совета, а я молчал. Что мог сказать девятнадцатилетний паренек, не познавший любви и семейных отношений?

В последний день перед моей выпиской из госпиталя майор Демченко, к моему удивлению трезвый как стеклышко, сказал мне решительным тоном:

— Коля! Я окончательно надумал расстаться с Натальей, пока у нас с ней нет детей, и вернуться на родину, к своей семье, которая сейчас очень во мне нуждается.

Он смущенно пожал мне на прощанье руку и, повернувшись, быстро зашагал прочь.

А я до сих пор помню, что обязан жизнью искусству хирурга майора Демченко и спасительным помидорам.

Дмитрий КАРШИН

**ЧЕЛОВЕК НАБЛЮДАЕТ
ЗА ПТИЦЕЙ**

Камешки для сорок

1.

Не оглядывайся, как ветер.
Будет день непременно ясный,
Будет снег на дороге — белый,
И цела голубая чашка.
В темном доме скрипят ступени,
Грампластинка поет во мраке,
И летят за спиною тени,
Разноцветные, будто флаги.

2.

По городу тучи идут босиком.
Я стар, и я слышу едва ли,
Как с неба на землю спускается гром,
Как в детстве, как в самом начале.
Как капли в саду подбирает трава,
Как ветви царапают крышу...
Я стар, и я слышу чужие слова,
А небо и землю — не слышу.

3.

Кончаются медные деньги,
И яблоки пахнут землей,
Осенние тени наденем,
Пора возвращаться домой,

Под свечи небесного хора,
Под темные шторы зимы,
В ночной переулок, в котором
Остались забытые мы,

Укрытые веткой еловой
На самом краю городка,
Где время смыкает сугробы
Над белой звездой ночника.

* * *

Весна — это черные птицы,
Растоптанные тротуары,
Простуженные пешеходы.

Над зданием бывшего Дома
Культуры мотается белый
Лоскут довоенного флага.

А в окнах, где Нина Петровна
Глядит по утрам на прохожих,
Весной распускается кактус,

И пахнет травой и лимоном,
Дождем и немного ванилью.

Весна — это синяя чашка,
Разбитая кошкой на кухне.

* * *

Ближе к полудню гости
Разбрелись вдоль берега, растянулись,
Как голенастые птицы.

Я один на веранде, ветер
Шуршит уголками скатерти,
Да скрипит огузневшее кресло.

На воде лежат стертые тени,
Им никак не найти в прибое
Мой маленький черный камень.

* * *

С. Т.

Сквозь неплотно прикрытые веки
Человек наблюдает за птицей,
Прилетевшей из темного сада.

Той, которую видел однажды
 На ступеньке соседского дома,
 Той, которую слышал под утро

За скупым перестуком капли,
 Шумом ветра и шорохом листьев.

За дорогой, травой и туманом,
 Прилетевшим из темного сада.

* * *

Весь дом притворяется спящим,
 А девочка ходит во сне
 По крошкам фарфоровой чашки
 В кофейно-коричневой тьме.

Весь дом, молчаливый и старый,
 Под флюгером с черной стрелой,
 Следы в коридорах читая,
 Повис над ее головой.

И нет в том особого смысла,
 Что ночь от дыханья тепла,
 Но старость взволнована жизнью,
 Которой когда-то была.

* * *

Под соломенные крылья
 Утекают облака,
 Церковь, площадь, рынок рыбный,
 Склады, пристань и река.

До свиданья, город сонный,
 Ветерок рубаху рвет.
 Баржа с хлебом, баржа с солью,
 С черным дымом пароход,

Берег с редким перелеском,
 Да проселок, да село...
 И звенит в окне небесном
 Голубиное стекло.

Март

На темную лестницу море выносит следы
Сапог и ботинок... Однажды, когда я уйду,
Ты мне напиши про деревья, дома и мосты
Березовым прутиком на прошлогоднем снегу.

Про окна слепые и на подоконниках лед,
Про черную птицу, летящую над головой,
Взъерошенных кошек и грустный газетный ларек
У самой дороги, которой ты ходишь домой.

Я все пролистаю, увижу в окошке герань,
Услышу капли, ключи у порога найду...
На темную лестницу море выносит февраль
С последними письмами на прошлогоднем снегу.

* * *

Сад, где остался сентябрь,
С медом пустеющих сот,
Хриплым дыханьем отца,
Пылью и дымом в лицо, —
За поворотом реки,
В омуте прошлого дня
Мертвой калиткой скрипит,
Не вспоминая меня.

* * *

Там, где кофе отвратительно горек,
Где разлука непременно печальна,
Есть в кафе один заплаканный столик
И остывшая луна в чашке чая.

Там у пристани корабль белый-белый,
Там под сходнями сгибается берег
И косынка улетает, как лебедь...
Ничего уже теперь не поделать.

И на розовой кафешной салфетке
Ты рисуешь мне увядшую розу...
Гаснут сумерки бумажного века.
Улыбайся, мы становимся прошлым.

* * *

Стучат вагончики слепые,
Свистят осенние стихии,
Уходит поезд на восток.
Два человека на перроне
Молчат — ни слова не проронят.
Молчит вороний городок.

Огни вагона-ресторана,
Где повариха ест сметану,
За ним плацкартного огни,
Где водку дует проводница...
Летят во мглу глухих провинций
Столицей суетной они.

Взлетают ангелы окраин,
На рельсы звезды опадают,
И полуночный часовой
Шлагбаум времени откроет —
Исчезнет все, и ночь, и поезд,
Сто пятый или сто седьмой.

* * *

Книга зимы коротка.
Скоро отступят метели,
Лягут на дно сундука
Сказок еловые тени.

Скоро из тьмы за рекой,
Леса, медвежьего следа,
Дети вернутся домой —
Полные валенки снега.

* * *

Из глины снов, когда мы жили вместе,
Лепила Маша чашки и горшки,
Раскрашивала белыми цветами
И виноградом темно-голубым.

В саду по вечерам гуляли цапли,
И ветерок с высокого холма

Бросал к порогу сломанные стрелы,
Щепотку хвои и свиный крик.

А в комнате качалась занавеска...
В чужом краю, на том конце дороги,
Мне слышен стук раскрытого окна,

Так ясно, как шаги моих соседей,
Как голоса прохожих в переулке
И, может быть, — как дождь в пустом саду.

* * *

Еще февраль. Под вечер ходит Маша
В коричневом пальто и теплых ботах
На станцию, к последней электричке.

Еще зима на дерево похожа.
Серебряные ветви над холмами
Позвякивают жалобно и тонко.

А на дороге тишь, и воздух горек
От прошлых слов, от сумерек, от чашки
Расколотой. И тенью безголосой

Листок луны качается над лесом.

* * *

Жить бы нам в довоенной квартире,
Чемоданы достать с антресолей
С пиджаками и ворохом платьев,

На краю безымянного века,
Между строк недочитанной книги,
За следами сапог в переулке,

Где высокая дверь — приоткрыта,
И из комнаты пахнет сиренью,
И звенит незнакомая птица...

И не серая, а голубая.

Андрей ПУЧКОВ

РАНЕТКИ

Р а с с к а з

Заезжать в поселок я не стал, свернул с дороги и, остановившись возле небольшого пустыря, сплошь заросшего крапивой и кустами, заглушил двигатель. Вышел и, осмотревшись, втянул носом воздух. Почему-то на пустырях, несмотря на обилие травы, всегда пахнет пылью. Заметив в высокой траве большой булыжник с плоской, будто специально стесанной вершиной, сел на него, через джинсы чувствуя накопленное камнем за день тепло.

Поселок разросся и изменился до неузнаваемости. Появились новые улицы, на которых величаво выстроились современные коттеджи. Они с барской ленцой поглядывали пластиковыми окнами на невзрачные, покосившиеся от старости домишки, доживавшие по соседству с ними свой век.

Это и неудивительно, сорок лет я здесь не был. Сорок! Большой срок для человека. Половина жизни прошла! За это время успел много где побывать, повидал немало. Детей вырастил...

Как дело к «занавесу» пошло, все чаще стал вспоминать места, где вырос и провел самое прекрасное время в жизни. Вот и сподобился, разобравшись с делами да лень поборов!

Уже по дороге сюда знал, что остановлюсь в этом месте... Именно здесь в детстве я испытал сильнейшее потрясение, запомнившееся на всю жизнь. Здесь, на пустыре, когда-то стоял большой дом, во дворе которого, как мне казалось, я мог с этой жизнью распрощаться.

Я сидел на камне, как и много лет назад, смотрел на пустырь и думал: «Наверное, это и к лучшему, что дом разобрали. Стоял бы он сейчас в одиночестве, с выбитыми стеклами да провалившейся крышей, и медленно умирал, сетуя на то, что не может быстро уйти вслед за своими коротко живущими хозяевами».

Сидеть на теплом камне было приятно и, как ни странно, удобно. Улыбнулся и, прикрыв глаза, прислушался к ошалелому звону кузнечиков, заполнившему все вокруг.

«Что делать?» Казалось, этот вопрос плавал в воздухе, безрезультатно стучаясь о наши головы. Почему безрезультатно? Потому что осенним вечером, когда уже стемнело, группе десятилетних пацанов действительно нечем было заняться. Мы сидели в беседке во дворе нашего дома и не знали, чем загрузить свои деятельные натуры.

— Может, на школьный стадион пойдём, мяч попинаем? — предложил Мишка, живущий в соседнем доме. — Мне как раз папка новый мяч купил, только подкачать надо.

— Да не, Миха!.. Как раз сегодня и не получится! — вздохнул я. — Брат сказал, что там свет не включили. Он недавно мимо проходил, видел.

— Тогда, может, на котлован? На плотках поплаваем...

Мы ещё долго гадали и перебирали варианты, но сгущавшиеся сумерки сводили на нет все наши умственные потуги. В потемках не больно-то разгуляешься.

Неизвестно, до чего бы мы все же додумались, если бы не Серега, который предложил «похорьковать».

— Да ну нафиг! Надоело уже! — забраковал идею Миха. — У всех огороды есть, чё не хватает-то?

— Ага!.. Ты бы, наверное, только за арбузами полез? Да? — не сдавался Серега. — Не обязательно ведь огурцы да помидоры тырить!

— А что, это идея! — поддержал я приятеля. — Давайте за ранетками сходим. Давно уже собирались.

— Да не-е-е, — заупрямился Миха. — У Бабарихи они кислые, а к Семке Косому идти далеко, и ранетки у него тоже не очень-то вкусные. Только время потеряем.

— Да я не их имел в виду, — пожал я плечами. — Предлагаю к Угрюмому сходить. Сами ведь знаете, ранетки у него обалденные.

— Вы чего, с ума тут посходили?! — подошла к нам моя одноклассница Светка и, покрутив пальцем у виска, добавила, обращаясь ко мне: — А ты — в первую очередь!

Светка очень мне нравилась, но на меня она внимания не обращала. Когда я увидел ее, то захотел произвести впечатление. И произвел! На свою голову...

Я уже заметил: как только она появлялась в поле моего зрения, мой мозг отключался и переставал нормально работать. Вот и сейчас я брякнул не подумав...

Залезть к Угрюмому было равносильно самоубийству! Это знали все. Старшие парни рассказывали, что у него по огороду трупы детей закопаны — тех, которые не сумели убежать, когда забирались к нему за ранетками. Это походило на правду. Угрюмый одевался во все темное и выглядел как убийца — высокий, худой и хромым. Вдобавок ко всему, лицо его пересекал шрам и казалось, что он всегда злобно усмехается. Его дом стоял на окраине поселка, и мы с пацанами, когда бегали на озера, старались обходить его стороной.

— Ты точно сбрендил! — вытаращился на меня Серега и ехидно добавил: — Ну и кто же к нему в огород полезет? Кто у нас такой смелый? Уж не ты ли?

Вопрос правильный. Нечего исполнение своей идеи на других пере-
кладывать.

— Мое предложение, мне и лезть, — как можно равнодушнее ответил я и покосился на Светку.

Она несколько секунд смотрела на меня, а потом решительно заявила:

— Тогда я иду с вами! Иначе обязательно куда-нибудь вляпаетесь!

Вот теперь точно все! Отступать некуда. Уже, можно сказать, вляпался...

На улице стемнело окончательно, и можно уже было начинать операцию, но я все стоял и стоял, прильнув глазом к щели в заборе, пытаюсь рассмотреть хоть что-то в огороде Угрюмого.

— Ну что? Ты полезешь, в конце концов, или нет? Ждешь, что ли, когда рассветет? — прошипел Миха и ткнул меня локтем в бок. — Сам вылезался, никто тебя за язык не тянул!

— Да все, лезу, лезу!.. — прошептал я и посмотрел в сторону кустов, за которыми пряталась Светка.

Подпрыгнул, ухватился за верх забора, подтянулся и, помогая носками кед, влез на него. Прыгать в темноту не стал, справедливо рассудив, что под забором может быть что угодно. Нащупал ногой сначала верхнюю поперечную слегу, а потом, опустившись на руках, — нижнюю. Все, на земле. Пригнулся и, чувствуя, как в груди бешено колотится сердце, прислушался.

Я знал, что огород у Угрюмого обширный, но сейчас темнота сожрала расстояние и казалось, что стою я на небольшом пятачке, ограниченном с одной стороны забором, а с другой — темными громадами яблонь.

Все спокойно, никого. Я осторожно встал и, пригнувшись, подошел к ближайшему дереву. Еще раз осмотрелся и стал на ощупь разыскивать плоды. Срывал их трясушимися от страха руками и торопливо заталкивал за ворот футболки.

За спиной раздалось негромкое ворчание, и я замер с поднятой рукой, не решаясь пошевелиться, чувствуя, как от ужаса сковало тело и перехватило горло.

Медленно обернулся и увидел сидящую возле забора собаку. Что за собака, в темноте было не разглядеть, но видно, что большая. Я судорожно всхлипнул и, не делая резких движений, отступил от дерева. Даже такой бестолочи, как я, стало понятно: все, попался! От этой зверюги не убежишь и на забор залезть не успеешь. В подтверждение правильности моих рассуждений пес зевнул, продемонстрировав блеснувшие в темноте здоровенные клыки.

Возле дома вспыхнул свет, осветив пол-огорода, и раздался хриплый насмешливый голос:

— Что, Граф, никак гости к нам пожаловали?!

И следом послышались тяжелые шаркающие шаги, направлявшиеся в мою сторону. О бегстве не могло быть и речи: страх парализовал тело так, что я пошевелиться не мог. Когда шаги остановились возле меня и в лицо ударил свет фонаря, я зажмурился, с тоской осознавая, что мне никто не поможет.

— Не смейте его трогать! — вдруг раздался из-за забора взволнованный Светкин голос. — Нельзя убивать детей за ранетки!

— А ну брысь отседава! — рявкнул Угрюмый. — Сам решу, что с ним делать! Убивать аль нет...

Он с минуту рассматривал меня, освещая фонариком, а потом, усмехнувшись, сказал:

— Все, открывай глаза, герой! Да пошли на свет, неча тут в потемках ковыряться.

Я открыл глаза и осмотрелся. Собаки не увидел. Ушла. Сейчас, наверное, где-то по огороду бегают.

— Топай давай! — подтолкнул меня в спину Угрюмый, и я, опустив голову, обреченно побрел в сторону дома по выложенной камнями дорожке.

Двор освещался несколькими лампочками. Угрюмый выключил фонарь, уселся на лавку у ворот и, обдав меня запахом перегара, спросил:

— Что, для нее, небось, старался-то?

— Для нее, — прошептал я, не решаясь поднять голову.

— Однако дела-а-а... — протянул он и вдруг сказал: — Садись-ка вона на булыгу, поговорим, а то я, знаешь ли, давненько с ребятней не общался.

Я оглянулся и, увидев приткнувшийся к забору большой, с ровной вершинкой камень, осторожно опустился на краешек.

Подождав, пока я устроюсь, Угрюмый грустно добавил:

— Дети выросли, разъехались, жену на погост свез. Вот, брат, и получается, что один остался. А поговорить иной раз хочется...

Он помолчал, а потом спохватился:

— Только ты не подумай чего! Сыны у меня правильные выросли. Как погостить приезжают, так с собой зовут. Чего, говорят, тута одному прозябать...

Угрюмый помолчал, а потом тяжело вздохнул:

— А куда я отсель подамся-то? Старики тут лежат, Сонечка моя тоже здесь... Да и друзья фронтовые, с кем воевал, в землю уже укладываться начали. Куда ж я от них съеду?..

Я удивленно посмотрел на него. С ума сойти! У него, оказывается, семья есть! Жена... была... Дети взрослые... Он даже воевал! А как же я?! По идее, он меня уже должен где-нибудь под деревцем закапывать.

Он опять вздохнул и, словно извиняясь, сказал:

— Я тут принял на грудь трошки — день сегодня у меня особый, брат! Я, можно сказать, в этот день заново родился. — Он недоуменно развел руками и, пожав плечами, добавил: — Пристрелить меня должен был немец, но почему-то не убил.

— Как не убил?! — ошарашенно прошептал я и даже привстал с камня, забыв, что недавно готовился распрощаться с жизнью. — Фашисты же всегда советских солдат убивали!

— Не всегда, выходит! — усмехнулся Угрюмый. — Я, как видишь, вот он, живой и здоровый.

— А как же так получилось? — уставился я на него, а потом с надеждой спросил: — Наверное, вы его первый успели застрелить? Правда ведь?!

Несмотря на то, что я боялся Угрюмого, мне почему-то хотелось, чтобы он победил этого фашиста.

— Нет, неправда, — покачал головой Угрюмый. — Я в тот момент вообще ничего не смог бы сделать — осколками посекло. Даже не был вооружен, от автомата только бесполезные куски остались.

— Тогда почему он вас...

— Наверное, потому, что он не был фашистом. Повезло мне, выходит...

— Но вы же сами сказали, что это немец!

— Да, сказал, — улыбнулся Угрюмый. — Но, как оказалось, не все немцы — фашисты.

Поднявшись с лавки, Угрюмый зашел в дом. Через пару минут вернулся с начатой бутылкой водки и стаканом. Сел и, посмотрев на меня с сожалением, сказал:

— Это не богоугодное дело, но люблю я выпить. Грешен!

Он налил полстакана и, резко выдохнув, опрокинул водку в рот. Посидел несколько секунд, прикрыв глаза, потом довольно крикнул и попросил:

— Дай-ка яблочко...

Я запустил руку за ворот футболки, подцепил несколько ранеток и протянул ему. Он взял одну, оторвал хвостик и, целиком засунув ранетку в рот, с хрустом начал жевать ее вместе с косточками.

— Вот скажи, чего ты ждал, когда я к тебе подошел? — вдруг спросил он и внимательно посмотрел на меня на удивление трезвыми глазами.

Я замаялся. Неудобно было повторять за пацанами бред о том, что он детей тут убивает.

— Ну-у-у... В общем, я думал, что вы меня сейчас... это самое... убьете. Пацаны рассказывали, что...

— А я взял и не убил!

— Да, не убили...

— Вот и я, брат, думал, что меня немец убьет, — пробормотал Угрюмый и крепко потер лицо ладонями.

— А он взял и не убил? — прошептал я и с не меньшим ужасом, чем в тот миг, когда меня поймали, увидел, как по изуродованному лицу Угрюмого катятся слезы.

Я не знал, что и думать. Это был не тот Угрюмый, которого мы знали. Вернее, думали, что знаем.

— Извини, браток, — шмыгнул он носом. — Знаешь, как выпью, за всегда так-то вот происходит...

— А как получилось, что фаш... немец вас не убил?

Угрюмый поставил на лавку пустой стакан и, неловко смахнув ладонью слезы, грустно улыбнулся.

— В сорок втором мне семнадцать исполнилось, но я обманул военкоматовских — год себе прибавил. Сказал, что документы при бомбежке

вместе с домом сгорели. И к тому времени, о котором идет речь, я уже целый год воевал. Тогда, помню, приказ мы получили — станцию взять. Пошли в атаку и нарвались. Попали под обстрел из минометов.

Меня сразу же накрыло. Когда очнулся, было уже тихо. Понятно, что атака не получилась. Полезли нахрапом — нас и разделили как бог черепаху. Если бы наша взяла, то санитары давно бы уже раненых разыскивали да убитых собирали. А тут — никого.

Мне повезло — отшвырнуло в воронку. Может, потому и жив остался. Сидел на дне этой ямы и смотрел, как из ноги сквозь разодранную штанину кровь сочится. Перевязаться нечем, да я и не смог бы — правую руку зацепило, пальцы онемели и не шевелились...

Немца увидел, когда тот уже стоял на краю воронки и смотрел на меня. Он снял с плеча винтовку, и я понял, что меня сейчас убьют. Страшно стало так, что заплакал. Жить, брат, хотелось... Очень хотелось!

Угрюмый замолчал, налил еще водки и выпил, закусив ранеткой, которую я догадливо подал.

— А что дальше было? Что немец сделал-то? Ушел?

— Да нет, брат, не ушел! Он спустился в воронку и положил рядом со мной перевязочный пакет. А когда понял, что я не справлюсь, сам меня и перевязал...

Угрюмый поднялся и, подойдя к большой бочке, стоявшей под водосток с крыши, умылся. Потом опять сел напротив и, вытирая руки о штаны, сказал:

— Я не помню, как он выглядел, не запомнил лица, только руки. — И он, вытянув свои руки в мою сторону, покрутил ладонями с длинными узловатыми пальцами. — Большие у него были ладони, пальцы сильные, я это чувствовал. Под кожу чернота въелась. Шахтером, наверное, до войны был. А может, молодость мою пожалел, — может, у самого сын был такой же, как я...

Скрипнула калитка, и во двор осторожно заглянула Светка.

— Ну вот! — обрадовался Угрюмый. — Подружка твоя пришла. А я все думаю, отважится заглянуть на огонек али нет? Смелая дивчина!..

Светка стояла и не отрываясь смотрела на меня, будто увидела впервые. Я улыбнулся и помахал ей рукой. Она фыркнула, вздернула нос и ушла, хлопнув калиткой.

Угрюмый засмеялся и опять потянулся за бутылкой...

На следующий день мне было неловко оттого, что я так плохо думал об Угрюмом. О человеке, которого мы совершенно не знали, который, оказывается, воевал за нас. За меня, за то, чтобы я мог маяться дурью и «хорьковать» по чужим огородам! Его звали Степаном. Степаном Николаевичем...

Я много думал о том, почему мы в детстве так легко верили в явную чушь про убитых и закопанных в огороде детей. В то, что на старом кладбище каждую ночь из могил выползают мертвецы и ловят на окраинах поселка одиноких прохожих. И в то, что если в лунную ночь забраться на старую кочегарку, то ровно в двенадцать часов у тебя остановится сердце...

Я нашел ответ на этот вопрос.

Мы настолько были уверены в своей безопасности, что где-то там, на уровне нашего детского подсознания, эта уверенность нас тяготила. Нам хотелось, как сейчас говорят, драйва, почувствовать, как захватывает дух и сжимается сердце. Потому и придумывали эти страшилки. Нам было мало просто бояться темноты!

Мне, моему поколению, посчастливилось жить и расти в великой державе, где дети без опасений сами приходили в детский сад и вечером возвращались домой. В стране, в которой я сам ходил встречать маму, когда она задерживалась на работе. В стране, где родители были уверены в том, что с их детьми на улице ничего плохого не произойдет, и доверяли их воспитание школе, зная, что их чада будут учиться только по одной программе — той, которая учит любить Родину, уважать рабочего человека и его труд, защищать слабых, гордиться своей историей, помнить и чтить подвиг наших воинов.

Я родился через восемнадцать лет после войны и, едва начал осознавать себя, слышал о ней. Рядом со мной жили и трудились солдаты: рабочие-солдаты, врачи-солдаты, учителя-солдаты, колхозники-солдаты, — которым тогда, в начале семидесятых, не было еще и пятидесяти лет. Они все воевали, начиная от нашего школьного завхоза и заканчивая Угрюмым. Я слушал их истории, радовался за них, когда они, смеясь, рассказывали, как били фашистов. И удивлялся, когда эти мужики-герои, подпив, плакали... Зачем плакать?! Они ведь победили! Мы победили!.. Тогда я не мог понять этих слез.

...Ладно. Пора. Я с неохотой поднялся с теплого камня и, напоследок еще раз вдохнув пыльный воздух пустыря, направился к машине. Пройдет немного времени — и на этом месте вырастет большой красивый дом, в котором будут жить молодые, умные, радостные люди. И это будет правильно: жизнь должна продолжаться. Мне хочется, чтобы у этих людей было все для счастливой жизни. И я верю, что так будет!

Единственное, чего уже не будет никогда и чего они никогда не увидят, — это как перед ними сидит солдат, прошедший великую войну, и, зажав в ладони ранетку, плачет...

Глеб БОБРОВ

ГРУППА ВЕКслЕРА

Киноповесть

*Основанная на реальных событиях история о группе
ворошиловградских оперов УГРО, противостоявших
в 1946 году банде душегубов в Каменном Броде.*

Оперсоставу УГРО посвящается

*Отдельная благодарность ветерану УГРО,
участнику боевых действий в Афганистане и
на Северном Кавказе подполковнику милиции в
отставке Анатолию Яковлевичу Воронину*

Глава 1. В областной «резалке»

Майский утренний холодок бодрил не по-весеннему, при этом бригада работяг, корчевавших неохватный пень под самой стеной приземистого одноэтажного барака, обливалась потом. Большинство корячились с кирками и лопатами, обкапывая в недоброй луганской степи толстенные корни. Двое рубили со своих сторон два несущих корневища, некогда державшие ствол опрокинутого неподалеку замшелого тополя. Рядом ждал своего часа старенький колесный трактор со свернутой на подвесе удавкой троса. Бригада трудилась сосредоточенно, молча и зло — лишь сталь топоров смачно всаживалась в древесину, жестоко клацали кирпичи да шуршали летящие в стороны щепы и комья грунта.

* * *

На стоянке между больничными корпусами остановилась машина, откуда вылез сухопарый подтянутый мужчина лет сорока пяти. Его коротко стриженные светлые волосы были наполовину седые. Элегантная, по меркам первого послевоенного года, цвета ореха тройка сидела на жилистой, не очень высокой фигуре как влитая, а небольшая коричневая шляпа хорошо сочеталась с крепкой бамбуковой тростью и добротными кожаными башмаками. Далеко не новые, но ухоженные вещи смотрелись на нем безупречно. С левой стороны груди, чуть выше кармашка, крепились орденские планки — четыре ленточки сверху и две снизу. Вузовский значок сиротски синел справа.

Он осмотрелся, закинув трость на левую руку, открутил крышку бутылки, сделал несколько глотков и мотнул головой водителю, мол, двигай за мной.

Прошел мимо пыхтевших неподалеку работяг и, чуть прихрамывая, направился по асфальтовой дорожке ко входу.

Там, в двадцати шагах от дверей, чего-то ждал высокий мосластый милиционер с крупной рыже-черной немецкой овчаркой, неподвижно восседавшей у его правой ноги.

— Собака пить хочет, старшина, — обратился к нему мужчина, заметивший, как она несколько раз нервно облизнулась.

— Проходим, товарищ... — безучастно ответил кинолог.

— Товарищ майор, — остановившись, поправил мужчину.

Взгляд старшины скользнул по его фигуре и вдруг уперся в чуть выпиравший под правой полой пиджака контур пистолетной кобуры.

— Виноват, товарищ майор, — вытянувшись в струнку, ответил он.

Офицер, чуть приподняв бутылку, посмотрел на собаку и вопросительно — на старшину.

Милиционер лишь молча кивнул в ответ.

Мужчина, присев на корточки, показал овчарке раскрытую ладонь левой руки и бутылку с водой. Собака, до этого внимательно наблюдавшая за происходящим, чуть потянула носом воздух и подняла глаза на хозяина. Кинолог неувовимо качнул головой. Собака потянулась к руке, и майор сразу начал лить воду в ладошку.

Похожий на здоровенный ломоть чайной колбасы язык жадно заработал, разбрасывая в стороны бисеринки воды.

Офицер двинулся к дверям, аккуратно поставив возле урны у входа пустую бутылку. Его уже догонял розовощекий сержант в синей форме.

* * *

На столе прозекторской лежало на спине обнаженное тело. Справа оно покрылось бурыми струпами. С двух сторон от трупа негромко переговаривались майор милиции в форме и мужчина в штатском. Двое в белых халатах, а также молодая женщина с фотоаппаратом в кителе лейтенанта и капитан молча слушали старших.

Дверь в зал морга областной больницы открылась.

— Товарищи офицеры!

— О, Векслер! — приветствовал вошедшего стоявший ближе всех ко входу мужчина в штатском.

— Здравствуйте, Петр Петрович, — пожал тот ему руку в ответ.

— Спасибо, что быстро приехал, — сказал майор в форме. — Итак, коллеги! — встав перед столом, начал он. — Приказом по областному УВД сформирована оперативная группа УГРО. Ей поручено дело о пропавших девочках. Общее руководство возлагается на начальника Ворошиловградского ГОВД. — Он на мгновение замолк, а Петр Петрович утвердительно кивнул головой. — Группой руководит майор областного отдела УГРО Векслер. Также от областного управления придан майор Сретенский —

я координирую взаимодействие вашей группы с оперативниками и службами других отделов внутренних дел области, города и районов. Вопросы?

Все молча ждали дальнейших указаний.

— Честь имею, — кивнул Сретенский. — Товарищ подполковник, я уехал? — обратился он к Петру Петровичу.

— Да, спасибо, майор, — попрощался с ним начальник городского ОВД и, дождавшись, когда тот выйдет, чуть ослабил строгий галстук, после чего спросил у Векслера: — Ну, что скажешь, Жень Палыч?

Заметно опираясь левой рукой на палочку, Векслер подошел к телу и внимательным, буквально считывающим взглядом прошелся по телу с головы до ступней.

— Классика...

Все переглянулись.

— Поясни.

Векслер чуть приподнял правую ладонь и повернул голову к судмедэкспертам.

— Эдик, ранение ануса?

Полноватый мужчина удивленно поднял бровь.

— Да, дядь Жень... Колото-резаная рана с рассечением сфинктера, прямой кишки и, вероятно, предста...

Векслер поднятой ладонью с растопыренными пальцами остановил поток подробностей.

— А ссадина или синяк в подколенной области правой ноги?

Замерев на долю секунды, судмедэксперт подошел к телу, поднял правую ногу тела и заглянул под коленку.

— Кровоподтек на икроножной мышце...

— Классика, — повторил майор, неопределенно поведя рукой.

Петр Петрович зыркнул исподлобья.

— Ну, не тяни резину, Женья!

— Армейский прием, неуставной способ снятия часового. Захват рта и носа с синхронным ударом ножа в анус, подбивом правой ноги в подколенный сустав с посадкой на колено и ударом ножа в правое подреберье. Потом два-три добивающих удара в соединение шеи и плеча с поражением сонной и подключичной артерий, а также яремной вены, — закончил майор.

— Прошу прощения за глупый вопрос, но в жопу-то зачем? — вдруг спросил капитан, стоявший рядом с начальником ГОВД.

Векслер вопросительно посмотрел на подполковника.

— На улице вас познакомлю, это твой зам по группе, — ответил тот.

— Удар ножом в богатую нервными окончаниями область дает эффект шока. В народе говорят: задохнулся от боли.

— Послушай, не слишком ли это все сложно? — перебил подполковник. — Ножом туда, ножом сюда, рукой рот закрывай, ногами педали жми... У меня в отряде был разведчик, так тот полицаев и дойчей одним ударом валил, как раз куда ты показал, в шею, шо свиной колот, — даже не хрюкали, — улыбнулся он.

— Так ваш разведчик, поди, лось под два метра и работал чем-то с маузеровский тесак размером?!

— Ага, — криво улыбнулся начальник ОВД. — Лось... И да, кстати, манлихером валил, — закончил он.

— Прием быстрый, на самом деле, — ответил майор и, обернувшись, позвал прилипшего к дверному косяку водителя: — Влад!

Тот улыбнулся и, делано втянув голову в плечи, подбежал к Векслеру.

— Эдик! — майор указал рукой на кюретку в лотке с инструментами прозектора и, дождавшись, когда криминалист подаст стальную ложечку с ручкой, встал напротив сержанта и продолжил: — Сзади, кстати, заходить вовсе не обязательно. Здравия желаю, товарищ полковник! — вдруг сказал он, вытянувшись во фронт.

Водитель лишь успел повернуть голову к пустому дверному проему, как Векслер буквально вырос у него за спиной и, положив руку на плечо, сказал: «Замри!»

— Они могли мирно разговаривать, но потом подозреваемый воспользовался моментом и атаковал.

Майор уверенным движением перехватил лицо сержанта ладонью левой, одновременно ударив того справа кюреткой в зад, и тут же, наступив краем каблука на икру под коленом, стремительно имитировал атаку в под-реберье и два удара в шею. На все про все ушло не более секунды.

— Полегче, дядь Женья! — морщась, потер ногу сержант.

— Владлен, собирай народ на улице, инструктировать буду, — отдал распоряжение водителю подполковник. — Жень, я понимаю, что пропавшие девочки и... — он поднял лежащее на столике дело, — убийство гражданина... Трофимова, замначальника Ворошиловградского ж.-д. вокзала по АХЧ... административно-хозяйственной части! — подчеркнул он поднятым указательным пальцем, — 62 лет, ранее не судимого, не привлекавшегося и прочая, на первый взгляд, как бы не особо сочетаются. Но ты поверь старому оперу, какая-то связь тут обязательно присутствует. Вот какая — вопрос. Для чего, собственно, тебя, Векслер, к нам и прислали на усиление. Усиливай, старик!

* * *

Петр Петрович, пропустив вперед криминалистов, закурил с Векслером и указал на капитана.

— Знакомьтесь! Туманов, Никита Степанович. В органах — почти как у тебя выслуга, правда, без фронта. У нас по ротации, прибыл с Волги...

— Волга большая, — чуть прищурился Евгений Павлович.

— От родных Чебоксар до самой Астрахани, — ответил капитан.

— Мужик толковый, головастый, правда, предпочитает... кабинетный стиль работы, — плотоядно улыбнувшись, продолжил начальник ГОВД. — Надеюсь, сработаетесь.

— У меня вопрос к товарищу-майору, пока мы не начали, разрешите, Петр Петрович?

— Валяй...

— Вы примерно представляете оружие, которым был убит Трофимов?

— Почему примерно? — ответил вопросом на вопрос Векслер. — Нож разведчика или подобная по размерам финка.

— Как вы это определили без заключения судмедэксперта?

— По соответствию внешнего вида ран и использованного способа перевода гражданина из статуса «потерпевший» в статус «тело гражданина».

— Ты не ерничай, Женья! Нормально объясни человеку, правильно же спрашивает, — вмешался подполковник.

Векслер затаился и прицельно отправил окурочек в стоявшую в паре шагов урну.

— Первое. Чем учился, с тем и пригодился. Обучали его на нож разведчика. Он не новичок, это не первая его жертва. Значит, будет работать, чем обучен. Второе. Колото-резаная рана в подреберье идет с потягом на себя, значит, держал нож правильно, лезвием вверх. Нож разведчика так и сделан. Третье. Чуйка...

— Теперь понятно. Спасибо, товарищ майор!

— Так! У меня тоже вопрос! — вмешался начальник ГОВД. — Векслер, что ты делал вчера между полночью и часом ночи?! — Офицеры улыбнулись. — Согласен, кстати, очень похоже, — подытожил он, — идемте, с остальными познакомлю...

Милиционеры расступились перед руководством.

— Все посмотрели на гвардии старшину Узлова и его замечательную собаку Фриду, — представил начальник ГОВД кинолога группе. — Старшина — один из самых опытных специалистов, присланный нам на усиление из Красного Луча. Спасибо Сретенскому! Фрида — единственная в своем роде, такого верхнего чутья нет ни у одной служебной собаки на всю Ворошиловградскую область.

Старшина неуверенно кашлянул.

— Что, Николай?

— На весь Союз таких два-три пса, — ответил он.

— Вот, запоминай остальных. Плакида, — подполковник кивнул в сторону невысокого, но крепко сбитого старлея в форме, в фуражке на гладко выбритой голове, — официально в группу не включен, но будет помогать вам в случае подключения оперов городского ОВД. А вот начальник отделения участковых инспекторов Каменнобродского РОВД капитан Дробот как раз-то включен, несмотря на все свои художества... Да, Валек?! — начальник полоснул взглядом по сразу напрягшемуся капитану.

— Так точно, товарищ подполковник...

Петр Петрович повернул голову к Векслеру.

— Приятель твой никак не угомонится, — он еще раз выразительно зыркнул на участкового. — Приглядывай за ним, пожалуйста, за него теперь — с тебя спрос.

Вихрастый капитан, поправляя форму и ремень с наганом, чуть заметно подмигнул Векслеру. Майор в ответ едва потеплел уголками глаз.

— С криминалистами все и так знакомы, а я уехал в управление. Жду группу ровно в одиннадцать ноль-ноль на первый разбор полетов... с докладами! Будет больно, но вы со временем привыкнете, а кому-то даже понравится...

Он еще раз зло глянул на Дробота и кивнул майору:

— Командуй, Женя!

* * *

— Чего это он опять?

— Да никак мне не простит, что я того урку с Гартманской приморил до прибытия Плакиды, — улыбнулся Валек.

— Я понял... Сломать обе челюсти... Это — пять с плюсом, что тебе еще сказать...

— Да мне все уже рассказали, и даже с картинками, как в детском садике!

— В форме, на службе... Чего плачешь?

— Да я так... В жилетку тебе пожалиться, дядь Женя, — откровенно заржал капитан.

Майор внимательно посмотрел на собаку. Рослая и крупная в груди, с мощным лбом и широкими лапами овчарка все это время неподвижно сидела чуть поодаль с диском смотанного в круг брезентового поводка у ног. На шее красовался кожаный ошейник с толстыми стальными квадратами, словно черепица, приклепанными на него внахлест по кругу.

— Похоже, Фрида не только «в верхнее чутье» умеет? — отметил вслух Векслер.

— Фрося все работает, товарищ майор, — буркнул в ответ старшина.

— Фрося?

— То не я ее называл...

— Понятно, — Векслер дружески хлопнул его по плечу, — я тоже немецкое... не очень.

Он повернул голову к Дроботу:

— Бери Николая и собачку, дуй к себе, и чтобы они оба были устроены до начала совещания. Одна нога там, одна — здесь.

— Все будет путем, командир! Устроим в люксе шик-модерн, — засмеялся капитан, заводя свой мотоцикл.

Узлов неуловимым движением отдал какую-то команду. Собака, подхватив пастью поводок, аккуратно запрыгнула в коляску, а старшина, кинув туда еще и свой вещмешок, уселся на заднее сиденье.

* * *

— Давай знакомиться, капитан. Время есть. — Векслер, щелкнув кнопкой, протянул раскрытый портсигар Туманову.

Мельхиоровая коробочка с выдавленным на крышке борющимся с тигром витязем, судя по проступившей по всем углам желтизне, прошла бок о бок с владельцем немалый срок.

— Спасибо, не курю, — капитан, особо не прячась, рассматривал нового напарника. — Кстати, мы на «ты» или на «вы»?

— На «ты», конечно, что за вопрос, опер? — закуривая, улыбнулся майор.

Никита присмотрелся к наградным планкам.

— Что за медали после ЗБЗ*?

— Будапешт, Вена, Прага...

— А последняя внизу?

— «За победу над Японией».

— Да, точно! Ты был в Японии?

— В Маньчжурии...

— Круто. И в ногу там же?

Векслер, не сводивший до этого внимательных глаз с собеседника, затянулся и после краткой паузы ответил:

— Два осколка в Венгрии. Но то такое... Потом — пуля. Там же. Полтора сантиметра кости — в труху, ногу, как рождественскую утку, раскрыло. — Он помолчал. — Во дворце Хорти в госпитале лежал. Мраморные ванны. Красота... Но ты мне лучше скажи, чего Пэ-Пэ тебя макнул вместо «здрасьте»?

Капитан широко улыбнулся:

— Да то мы с ним разговор долгий поимели по поводу стиля работы. Он у вас предпочитает поле и ноги, а я считаю, что опер УГРО должен в первую очередь работать с делом, с вещдоками, вникать в малейшие детали и нюансы.

— Я понял. Ты у нас кабинетный ученый?

— Ну, где-то, может, и так, только если не утрировать, — примирительно улыбнулся Никита.

— В преф умеешь?

— Да нет, не очень, — удивился Туманов. — Семья, все такое... Жена, две девочки-погодки, свой бабский батальон.

— Семья — это хорошо. Правила-то хоть знаешь? Понимаешь, где игра втемную, а где карты на стол?

— Конечно!

— Тогда вскрываемся! — вдруг с нажимом отсек Векслер. — Пропали две девки молодые. Чую, что с концами. Убит замнач вокзала. И четко шлепнули, профи работал. Ты с Пэ-Пэ поговорил, но, видимо, не понял. Завтра с нас начнут снимать стружку, — он сделал глядящий по воздуху жест, — причем без наркоза, и подполкан вовсе не шутит про «больно». С него с первого спросят. Тогда уж не поздоровится всем — ты просто мало его знаешь и ведешься на эту ровную вежливость. Мне в группе астрономы не нужны. Или мы пашем и рвем сажу, либо я тебя тупо снимаю с расследования. Таков весь сказ до копейки. Твой ход, капитан!

— Пашем и рвем, — спокойно глядя в глаза майору, ответил Туманов.

* * *

Когда сзади послышался шум автомобильного мотора, тяжело шедшая по проселку женщина остановилась, поставила корзину, опустила стоймя завернутые в простыню лопату и тяпку и, выставив козырьком ладошку,

* «За боевые заслуги».

посмотрела на приближающуюся полуторку. Потом взяла свои вещи и сошла на обочину.

Машина сбавила ход и остановилась рядом. Совершенно седой старик, сидевший возле шофера, поздоровался. Она ответила, с интересом разглядывая двух мужчин.

Старик раскрыл карту и что-то спросил. Женщина улыбнулась, отирая пот со лба, а потом подошла к двери машины и заглянула в открытое окно. Седой ткнул пальцем в карту. Тетка махнула рукой по курсу, а потом, ласково тронув старика за плечо, о чем-то попросила. Он окинул ее взглядом и прикрикнул на водителя.

Шофер вылез, неторопливо потянулся, открыл задний борт и тоже внимательно посмотрел на женщину. После чего, ловко запрыгнув в кузов, протянул руку. Она подала ему тяпки, кошелку и, встав на стальную петлю, протянула руки. С усилием втянув женщину в кузов, он осмотрелся, потом дважды завернул сложенный на полу кузова брезентовый тент, помог ей сесть спиной к левому борту и показал рукой на угол кабины. Кивнув, она улыбнулась.

Водитель еще раз подоткнул под нее брезент и показал пальцем на край кузова перед кабиной. Женщина повернула голову. В это время шофер выдернул правой рукой из-под брезента плоскую киянку и наотмашь ударил ее в затылок. Тетка, охнув, стала сползать вниз. Он нагнулся и второй раз огрел ее по темечку. Тело, конвульсивно задрожав, тут же обмякло.

Шофер сложил рядом с женщиной вещи, накрыл все брезентом и, осматриваясь, встал в полный рост. Постоял, глядя по сторонам, потом закрыл кузов и забрался в кабину. Старик еще какое-то время осматривался в лобовое стекло, окна и зеркала заднего вида, после чего утвердительно кивнул. Машина поехала, оставив на месте стоянки едва заметную растянутую лужицу.

Глава 2. Железнодорожный вокзал

— Сейчас будут новости, — негромко сказал Векслер, так, чтобы его слышал только капитан.

От здания городского управления им навстречу быстро шагал Петр Петрович, по привычке придерживая левой рукой отсутствующую на боку шашку.

— Еще одна пропажа, встречаемся позже, — сообщил офицерам подполковник.

— Девушка?

— Нет, женщина. Пятьдесят восемь.

— Ух ты...

— Вот и я о том же... — Он махнул рукой старлею: — Садись в машину, Плакида, сейчас едем! — И, вновь повернувшись к операм, продолжил: — Сейчас солдатики прочесывают посадку между городом и Металлистом. Ушла на огороды и не вернулась.

— Затопчут...

— Давай ты это прокурору расскажешь, хорошо?! Меня есть кому... — он выразительно замолчал. — Ладно, перекурим. Ты со мной?

— Нет, Петр Петрович. Заберу своих, и поедem потрошить вокзал.

— Вот за что я тебя люблю, Жeня, так это за умение слышать. Наизнанку и не стесняюсь, вцепись в дело, как ты умеешь, — всей пастью.

Майор внимательно посмотрел на Туманова.

— Если вы не против, Петр Петрович, капитан от вашего имени даст команду собрать все дела о пропажах людей, начиная с момента освобождения города, и заодно попросит Сретенского, чтобы подобные дела свезли сюда со всех пяти городских районов, а также из Александровского и Славяносербского РОВД.

— Не против... — подполковник поднял лицо вверх, выпустив в небо столб дыма.

— На пару с Эдиком сравнишь, включая сегодняшнюю ориентировку по пропавшей. Работа для мыслителей. Накопайте хоть какую-то взаимосвязь, кроме Камброда. Как ты там говорил — нюансы и детали? Ну вот, как раз, — обратился майор к напарнику.

— Есть, — спокойно ответил Туманов. — Разрешите идти?

— Давай, капитан. Очень на тебя надеюсь, — ответил начальник ГОВД и, повернувшись к Векслеру, хлопнул того по предплечью. — Как вернешься, сразу ко мне. Удачи!

* * *

На платформу Ворошиловградского железнодорожного вокзала можно было попасть с двух сторон: между пустырем и брусчаткой подъезда, где, собственно, и было обнаружено тело Трофимова, или со стороны основной дороги с упирившимся в саму платформу поворотом тупика.

Пока Векслер разглядывал разношерстную группу нищих, стоявших аккуратно между подъездом и самым началом платформы, Дробот зацепился с торговками, оккупировавшими дальний выход на остановку.

— Сколько раз говорить: со своими оклунками на платформу не вылазить?! Схватили рухлядь и сдрыгнули на фиг, как мухи с собачьей какашки!

Он развернулся к старшему сержанту с красной повязкой на рукаве:

— Тебе, сержант, сколько напоминать?! Они у тебя скоро самогоном в разлив торговать начнут.

— От домахався. Шоб у нього в горли пирья поросло, — негромко сказала своей товарке молодая, немного потасканная торговка.

— Что ты там сипишь, пердлявочка?! — развернулся к ней капитан. — Уя! Язык не с того места выдернула? Да, глистоноша?! Сейчас заведу такую умную в дежурку, задеру твое жизнерадостное платице венерической расцветки и отхожу ремнем — до кровавых волдырей на плоской жопе! Поговори мне еще тут, овца базарная...

Он повернулся к сержанту:

— Всех за территорию вокзала. Быстро!

— Капитан, — окликнул его Векслер, в упор рассматривая нищих, — всех знаешь?

— А как же...

Немногочисленная группа вокзальных попрошайек выглядела достаточно живописно. Двое калек-ветеранов. Один, опираясь на костыль,

стоял на ступе деревянного протеза согнутой в коленном суставе левой ногой. Короткая культя поверх поношенного галифе была затянута носком. На груди тихо позвякивали две медали — «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией». У второго не хватало кисти правой руки, а красное, как вареный рак, предплечье, словно клешня, от запястья почти до самого локтя было разделено хирургом на два длинных пальца лучевой и локтевой костей, которыми он нервно тер теперь штанину никогда не глаженных брюк. На его рубахе вразнобой висели четыре наградные планки: две в сцепке и еще две порознь. Рядом топтались три испытые тетки, та, что помладше, — с синдромом Дауна, и несколько алкоголиков разной степени опущенности.

— Как жизнь, босота?!

— Сидим, пердим — небо коптим, начальник, — лениво ответил за всех инвалид с клешней и протяжно зевнул.

— Он ряженный, — вдруг сказал майор, не сводящий сверлящего взгляда с калеки.

— Конечно, дядь Жень! — заржал участковый. — Старый знакомый, в смысле состариться можно, его хождения пересказывая.

— А чего старый-то? Чего?! — взъерепенился вдруг мужик. — Я у тя шо-то крал?! Шо ты с меня жизнью цедишь? — заорал он благим матом на весь вокзал.

Дробот чуть набычился, опустил голову и сделал ровно один шаг.

— Ца приморю, падаль... Захлопни поддувало!

Мужик тут же заткнулся и, как-то разом выдохнув и сгорбившись, полез в нагрудный карман рубахи за папиросами.

— Старшина! — повернув голову, позвал Векслер. И когда тот подошел, скомандовал: — Этого — в дежурку!

* * *

В полуподвальном помещении дежурной части линейного отдела железнодорожной милиции, ютившейся с противоположного от платформы глухого торца вокзала, осталось пятеро: два офицера, кинолог с собакой и истеричный инвалид.

— Ну, колись: из-за чего в этот раз кальсоны в жопу забились, а? Чё пасть разнуздал при людях? Просохнуть не успел или на кочергу сел, синяя рожа? — терзал капитан заметно трясущегося мужика.

— Валентиныч! Хлебом клянусь! Штырит меня... Траванулся вчера чемером*, паскудно мне... Прости, родной, бес попутал!

— Мне такую родню, как ты...

— Валек... — перебил его вдруг Векслер. — Тут спиртное продают где-нибудь?

Участковый удивленно посмотрел на майора.

— Конечно, дядь Жень, в буфете за кассами...

— Узлов, не в службу, а в дружбу... — отсчитывая деньги, обратился оперативник к старшине. — Метнись, пожалуйста, с Фросей на вокзал и

* Местное название самогона.

купи один мерзавчик водочки. Прямо сейчас! — Векслер отдал ему деньги и добавил вслед уходящему кинологу: — И пирожок какой у бабок. Сейчас мы тебя полечим, — обратился майор к мужику.

Буквально через пару минут перед попрошайкой появился стограммовый пузырек и пирожок с капустой.

Отказавшись от стакана, тот буквально высосал водку из горлышка и лишь понюхал разломанный пополам пирожок.

— Харчами брезгуешь? — недовольно пробурчал Дробот.

— Закусь градус убивает, — пояснил нищий.

— Отпустило? — участливо поинтересовался Векслер.

— Ну, не так, шоб сразу, но дыхание в нашем организме теперь присутствует, — ощерился гнилым ртом собеседник.

Сидящий на кромке стола майор накренился к самому его лицу.

— Рассказывай. Почему ты так испугался, когда нас увидел?

Нищий заерзал на кресле.

— Твой испуг как-то связан с убийством замначальника вокзала?

Тот замер.

— Да я тут ваще не при делах, начальник! — чуть согнувшись, просипел он.

— Чего шепотом, кого боишься? — поднял брови Векслер.

— Не томи, гунявый! — вмешался участковый. — Ты не партизан в гестапо. С твоей-то красной рожей и глазами срущего лесника выглядишь совсем жидко. Будешь косить на вольтанутого — закрою в пердильник, посмотрим, сколько ты протянешь без своего стенолаза, — кивнул он на пузырек.

Мужика заметно трясло.

— Еще соточку? — участливо спросил майор.

Тот, икнув, лихорадочно качнул головой.

— Командир, расслабься, — остановил полезшего вновь в карман майора Дробот.

Офицер вышел на перрон и буквально через минуту вернулся с дежурным старшиной. Тот, густо покраснев, полез рукой за настенную панель и выволок оттуда запечатанную сургучом чекушку.

— Соточка сейчас, остаток с собой, премия... Но ты нам рассказываешь все и не пытаешься соврать. Договорились? — приготовился налить в чистый стакан Векслер. — Или, клянусь, мы тебе жизнь капитально испортим.

Мужик опять судорожно кивнул и впился глазами в пузырик.

* * *

Опергруппа, уместившись в легковушке областного отдела УГРО, легко катила по весеннему Ворошиловграду.

— Шила?

— Ага, Юрок Шилин, босяк с Горской. Все никак не закрою утырка. — Дробот недобро улыбнулся. — Чую ж ведь, крутится мелкий выпердыш в какой-то гнилой теме, а прихватить повода не было. Да... И за вокзал я не подумал, а его оттуда калачом не выманишь. Ну, теперь не

спрыгнет. Душу с этого сучонка я сегодня-таки выну... И пусть молится, чтоб взад поставил, — заржал участковый.

— Валек!.. — начал было Векслер.

— Да помню я, помню, командир!

— Смотри мне... — Оперативник вдруг повернул голову к Узлову: — Старшина, почему у тебя собака все время с правой стороны?

— Левша я, товарищ майор.

— Это я заметил. Как же ты наган вытаскиваешь?

— Да вот мой наган, — кивнул он на Фросю. — Сорок два патрона в обойме.

Собака, понимая, что речь о ней, чуть наклонила голову и впилась в хозяина преданным взглядом.

— Лады, уверен, что найдешь?

— Да что его искать-то? — хмыкнул капитан. — Раз не на вокзале, значит, или в Горького, либо у стадиона пиво дует. Ты не волнуйся, все сделаем, дядь Жень.

Высадив Векслера у Каменнобродского РОВД, участковый не вытерпел и высунулся в окно.

— Палыч! А как ты понял, что Клешня — ряженный?

— У него одновременно за Берлин и Прагу, — бросил на ходу майор.

— Вот же ж, — засмеялся капитан, и группа укатила в сторону городского парка.

* * *

Скромно приютившаяся с угла стоянки парка имени Максима Горького, прямо напротив декоративной колоннады, машина оперативников не была видна целиком со стороны немногочисленных гуляющих, зато вход и центральная аллея парка из автомобильных окон просматривались милиционерами просто насквозь.

— Вон он, наш герой, — участковый кивнул головой на шумную группу молодежи возле пивной палатки. — Восемь, девять, десять... Нет, этот не с ними... Девять... Девять рыл, — подытожил он.

— Не похожи на уголовников, — подумал вслух Узлов.

— Та то мы, дружбанчик, прямо сейчас выясним. Ты со стволом, Владушка?

— Да, товарищ капитан... У вас за сидухой.

Участковый перегнулся через заднее сиденье, выволоч ППШ и, отдав его сержанту, напомнил:

— Еще раз, бойцы! Владлен кладет толпу харей вниз, если кто возбухнет — очередь над головой и команда «лежать-бояться». Я нежно беру Шилу за жопу. Он в сером пиджачке и картузике — всем видно? Да, да — вот это жидкое, кручено-верченое, чернявое. Если пойдем в нештатную, то Фрося работает только по подозреваемому.

Капитан осмотрел группу:

— Да, надо было нам в цивильном выходить... Ну да ладно, пошли...

Выйдя из машины и неспешно переговариваясь, они двинулись по центральной аллее.

Дробот занял позицию слева — со стороны группы с Шилой. Влад чуть приотстал справа, чтобы раньше времени не светить автомат, висевший на правом плече по-охотничьи, стволом вниз. В центре возвышался Узлов с собакой.

Метров за пятьдесят до пивной их заметили, компания притихла, а шагов за двадцать Фрося вдруг выступила чуть вперед и, подняв нос, шумно потянула воздух. И тут у Шилина не выдержали нервы.

— Шухер! — взвизгнул он и рванул наискось по парку.

— Стоять! — дико заорал капитан и кинулся за ним, придерживая на ходу фуражку и вырывая из кобуры наган.

В ту же секунду, стелясь около его ног, мелькнула черно-бурая тень Фроси.

За спиной участкового остались крики милиционеров и лязг передернутого затвора ППШ.

Овчарка и правда умела многое. На невероятном, пружинистом галопе быстро догнав мчавшегося сломя голову парня, она без единого звука, буквально выстрелив, пролетела пару метров и, словно городошной битой, снесла его с ног, успев на лету основательно вцепиться в ляжку — взяла всей пастью чуть выше колена.

Парень истошно взвыл, но, не растерявшись, тут же попытался со всего замаха засадить ей меж лопаток выдернутую из-за пазухи заточку. Фрося все видела. В неувимое мгновение она отпрянула чуть назад и в сторону и тут же с хрустом ухватила парня за вооруженную руку. И рванула на себя с такой звериной мощью, что тот вначале захлебнулся собственным криком, а потом, словно борец на ковре, начал, вереща, плашмя молотить левой ладошкой по траве.

Дробот и старшина подлетели практически одновременно.

— Сторожи его, пока я со шпаной разберусь, — на ходу убирая револьвер, скомандовал участковый Узлову, бравшему на привязь собаку.

Шила, скрутившись калачиком, тихо поскуливал на травке.

Восемь парней с руками на затылках молча лежали в кружок на залитом пивом асфальте под прицелом Владлена, и ни о каком неповиновении или попытках разбежаться речи больше не шло.

* * *

Перевязанный бинтами Шилин со спущенными штанами и окровавленной, скомканной рубашкой совершенно не походил на преступника. Двадцатилетний худощавый, среднего роста мальчишка производил впечатление типичного обитателя послевоенного Камброда — такой себе молодой работяга паровозостроительного или патронного завода.

Войдя в коридор камер предварительного заключения, майор остановился, разглядывая задержанного. Тот, ссутулившись, сидел боком на табурете, баюкая порванную руку.

— Нарядно! — оценил старший группы внешний вид парня и его багрово-лиловую половину лица с отеком до узкой щелочки правым глазом. — Валек, мы ж договорились вроде...

— Кхм... Дядь Жень, вооруженное сопротивление, попытка к бегству, покушение на убийство... — неуверенно начал участковый.

Тут кашлянул вытянувшийся по стойке «смирно» кинолог.

— Виноват, товарищ майор. Моя вина. Осерчал, — пробубнил Узлов. Векслер вопросительно повернул голову к Дроботу.

— Да эта шелупонь чуть Фросю не пришила, ну, наш старшина ему свет и потушил... — И, повернувшись к кинологу, участковый взвился с пол-оборота: — Колян, ты лопатой в следующий раз по роже лупи, а не своей грабаркой, хорошо?! Со всех меньше спроса будет!

— Тихо, — негромко остановил их оперативник и, подойдя к столу, поднял за острие и торец рукоятки заточку.

— Видал, с какими свиноколами шпана ныне ходит? — повернулся он к участковому.

В руках опасно темнел штык от трехлинейки, переделанный в подобие стилета. Роль рукоятки выполнял пропитанный мебельным лаком шнур, намотанный сразу за спиленным креплением, а вместо гарды была насаженная по горячему шайба с загнутыми к лезвию боковыми дужками. Вторая сплюснутая шайба выполняла роль импровизированного навершия.

— Практически мизерикордия, или как оно там, в ляд, называется, — оценил поделку капитан.

— Угу... Вызови сюда Эдуарда Константиновича, — кинул старший группы дежурному и подошел к заметно сжавшемуся Шилину.

— У тебя ровно пять минут, чтобы подумать, а потом быстро ответить на несколько моих вопросов. Или продолжить знакомство с нашей собачкой и ее хозяином. Понял меня?

Задержанный затравленно смотрел на оперативника.

— Эдик на выезде, что нужно сделать? — раздался сзади женский голос.

— Возьми заточку на столе и пиджак. За пазухой, под левым рукавом, по шву вшиты брезентовые ножны. Сними с клинка пальчики и исследуй брезент на предмет следов крови. Только все это надо сделать очень быстро, — кинул Векслер вошедшей Зое.

— Все прям сейчас отработаю, Евгений Павлович.

Подождав, пока она выйдет, майор повернулся к дежурному:

— Перекур пять минут, сержант.

Взяв второй табурет, сел напротив Шилы. Опершись обеими руками на тросточку и немного наклонившись вперед, спросил:

— Почему ты зарезал Трофимова?

Шилин диковато оглядел офицеров, комнату, кинолога с собакой и с широко раскрытыми глазами прошептал:

— Я его не резал...

— Хорошо подумал?

— Клянусь мамой, не я. Мы с ним собачились пару раз, но это не мой грех. Не я его колол.

— Так кто? Скажи.

Парень вдруг сжался и опустил глаза.

— Я понял, — вставая, отрезал опер. И, повернувшись к участковому, отрывисто бросил: — Не бить. В рапорте укажете три атакованные конечности.

Он мотнул головой Дроботу: мол, идем.

Перед самой дверью их остановил истощный вой. Шила, корчась от боли, на коленях полз к ним и, мешая сопли с юшкой, голосил:

— Все, все расскажу, начальник, все!!!

Фрося, подбравшись, замерла в своем углу, вопросительно пожирая глазами Узлова.

* * *

Отдышавшись и выпив подряд три стакана сырой воды, Шилин с ходу заявил:

— Убил не я, кто — не знаю... Но это Криндычихина работа, больше некому.

Векслер посмотрел на участкового.

— Криндычева, тварина жирная. Самогонная герцогиня Камброда. Все уворачивалась, теперь не отпетляет...

— Я ее знаю?

— Может, и знаешь, — неопределенно пожал плечами Дробот, — такая гренадер-баба типа «ходячий сортир». Старая лярва...

— Дальше?! — повернулся майор к задержанному.

— Он, как пришел на вокзал, сразу стал порядка наводить, ну и нам всю работу ломать...

— Какую работу, Шила?!

— Ну, торговлю... Самогон, снедь всякую, нэп наш ломать...

— Ух ты, нэпманы! Слыхал, Валек? Твою ж дивизию... Сколько самогона вы продавали за сутки?

Парень затравленно посмотрел на опера и замолчал. Затянувшуюся паузу прервала знатная затрещина, чуть не швырнувшая Шилина на пол.

— Задрал цедить по чайной ложке! Отвечай по-хорошему, или я тебя вначале сам измордую, недоносок, а потом в СИЗО посажу к пиковым. Даже если ты оттуда выйдешь, то ходить будешь ссутулившись и застенчиво потупив зенки. Говори, падаль!

— Да шо я?! Я там ваще никто, только присматривал за копеечку... И теток лупили иногда, — захныкал уголовник.

— Еще раз: сколько самогона проходит в сутки? — вернул разговор в нужное русло Векслер.

— Два-три ящика, может, больше, да я не знаю точно!

— Каких теток ты там избивал?

— Пришлых, что торговать пытались мимо смотрящих.

— Кто смотрящие?

— Нюрка главная.

Майор поднял глаза на капитана.

— Дочка Криндычихина, — ответил участковый. — Ты гляди, в люди выбилась. А я думал, эта шлендра только мохнаткой своей барыжить умеет...

Старший группы встал, подошел к столу дежурного и поднял трубу.

— Дежурного по ЛОВД, — бросил он диспетчеру. — Старшина, ты?! Отлично! Слушай сюда. Дуй на перрон, удержишь Нюрку Крин-

дычеву — и к себе ее, мы сейчас приедем. Только так — без шуму! Мол, погугарить надо, подруга. Дескать, по делу. Деловой вопрос, все такое... Не вспугни товарок! Ага, вот-вот, молодец!

Положив трубку, он повернулся к задержанному:

— Ты там кто?

— Так, охраняю чуток, ну или там погонять кого надо, побазарить, терки там потереть...

Раздался телефонный звонок. Векслер вновь встал и подошел к аппарату.

— А когда будет? М-м-м... Ладно, старшина, не отходи от телефона. Майор обернулся к Шиле:

— Чего не сказал, что ее днем не бывает?

— Ну так это... Вы не спросили...

Оперативник жестом остановил шагнувшего было вперед участкового.

— Кто рулит нэпом в отсутствие Нюрки?

— Лысая, — презрительно скривился парень, придерживая израненную руку.

Старший вновь встал и пошел к телефону.

— Ульяна Лыско... Мелкая шмакодявка, что пасть свою сегодня открыла. Такая же шмара, как и Нюрка, только без жопы, — прокомментировал капитан.

— Старшина, Лыско тогда бери. Тоже по схеме Нюрки. Вежливо, но настойчиво веди поговорить. И не отпускай, пока мы не приедем!

— Где Нюрка живет?! — развернувшись, бросил он Шиле.

— Не знаю, я у нее не ночевал...

— Та кто ж тебе даст, задрот?! Говори точнее! — встряхнул его за ворот Дробот.

— Где-то на МЮДа... — заскулил Шила.

— Жень Палыч! Где живет Криндычиха — знаю, а та сучка либо у нее обретается, либо где-то рядом, они там все кучкуются, всей своей самогонной слободой.

Уже на выходе Векслер спросил:

— А где остальные?

— Так мы, кроме крысеныша, никого не брали, — ответил участковый.

— Почему?

— Та то ж центряковские пацаны! Он их благовал в какой-то мутный движняк вписаться, а те — просто пацанва, не при делах...

— В камеру! Никого к нему не подсаживать. И врачей не звать... Мы еще не закончили, — кинул майор напоследок дежурному.

* * *

— Еще стучим? — спросил участковый, прислушиваясь у высоких ворот усадьбы.

— Входим, — скомандовал Векслер и расстегнул кобуру.

Участковый осмотрел ворота и, не найдя тайной щеколды, пошел вдоль забора. Выбрав место, он с разбега взлетел на самый верх и, оглядев двор, спрыгнул вниз.

Старший группы удивленно посмотрел на бесцеремонно отодвинувшего его в сторону Узлова, зашедшего в открытые ворота первым. Собака на мгновение потянула носом и уверенно увлекла кинолога во двор усадьбы.

— Держишь улицу и ворота, — отдал на ходу приказ Владлену майор, и, вытащив оружие, офицеры двинулись к дому.

— Хм, двор без собаки, а будка на двух... — Оперативник огляделся и кивнул капитану.

Милиционеры по очереди скользнули в оказавшиеся незапертыми двери большого дома. Пройдя веранду, вошли в центральную прихожую, куда со всех сторон смотрели дверные проемы из кухни и комнат.

Первым привлек внимание слоноподобный шкаф, занимавший весь правый угол. Векслер показал глазами: «Давай» — и участковый аккуратно приоткрыл створку. Весь шкаф — от пола до антресолей — был забит рядами поллитровок с сургучными головками. Офицеры переглянулись. Во дворе мощно рывкнула Фрося.

— Вот веришь, чуял! — зло сплюнул старший группы и, раздраженно сунув свой трофейный «штайер» в кобуру, развернулся на выход.

Грузное тело Криндычихи лежало у дальнего дровяного сарая, откуда, несмотря на легкий ветерок, отчетливо тянуло брагой. Под ней натекла лужа почерневшей крови, неестественно выгнутая в суставе нога указывала куда-то вправо.

— Ищите Нюрку, — кинул майор Узлову и повернулся к капитану. — Не отпетяла твоя хабалка. — Оглядевшись по сторонам, он указал подбородком на тело: — Узнаешь почерк?

Участковый лишь кивнул в ответ.

— Валек, ты Плакиде давал адрес?

— Да.

— Когда собирался выезжать?

— Та следом...

— Нюрка где-то здесь. Найдете, оформите, а я погнал на жэдэ.

— Сам?!

— С Вадиком и ППШ...

Из дома гулко гавкнула Фрося.

— Вот и Нюра. Еще одно легкоранимое сердце...

Узлов стоял над люком закрытого погреба и осматривал розетку с подвешенным рядом на гвоздь витьем двух проводов со штепселем на конце. Векслер кивнул и, включив свет, милиционеры подняли ляду погреба.

В самом низу лестницы головой вниз, скособочившись, лежало переломленное тело дочери Криндычихи. Задравшийся халат оголил толстые ляжки и испачканные в предсмертной агонии трусы. Под головой убитой образовалась целая лужа крови.

— Найдешь ее сожителя с детьми и родней. Всех под охраной — в управу, — кинул на ходу майор.

Уже смеркалось, когда к торцу вокзала подъехал мотоцикл с коляской. Нищих не было, лишь с десятков торговки, гомоня, ждали московского поезда.

Один из приехавших, тридцатилетний парень в армейской гимнастерке, вышел на платформу и о чем-то переговорил с торговками. Те сразу стали расходиться. После молодой человек вернулся к товарищу.

Перекурив и взглянув на часы, мужчина в пиджаке и расшитой рубахе навыпуск подхватил из коляски корзину. Пара двинулась в дежурное отделение.

— Вы к кому, товарищи?! — попытался остановить их на входе сержант, но парень в гимнастерке молча ткнул ему армейским «вальтером» в подбородок и, ухватив свободной рукой за ворот, спиной вперед втолкнул в кабинет.

Старшина, увидев гостей, успел вскочить, но, упершись взглядом в направленный на него ствол в перфорированном кожухе, лишь молча поднял руки.

Ульяна, сидевшая на стуле напротив старшины, мраморно побелела и, откинувшись на спинку, вцепилась посиневшими костяшками в юбку на бедрах.

Подталкивая пистолетом, сержанта поставили под стеночку в угол рядом со старшиной. Засунув «вальтер» за поясницу, парень поднял корзину, в которой его товарищ пронес автомат. И пока тот держал милиционеров под прицелом, показал Лыско глазами: мол, доставай.

Загипнотизированная Ульяна, словно сомнамбула, двумя руками медленно вытащила и по очереди поставила на стол три поллитровые бутылки самогона.

Отставив принесенную корзину, парень подошел к дальнему столику и забрал оттуда объемную кошелку женщины.

Вновь вытащив пистолет, он посмотрел на часы. Раздались звуки подходящего состава. Оба бандита бесцветными, прозрачными глазами равнодушно, но уверенно смотрели на милиционеров.

Паровоз выполз на платформу и, закутавшись в облако пара, дал гудок. Первая же пистолетная пуля на выходе вынесла женщине затылок, а жирная очередь буквально перерубила по груди обоих милиционеров.

Глава 3. Острая Могила

Векслер не успел. Когда он примчался на вокзал, в дежурной уже работали криминалисты, а оперы Плакиды пытали персонал и потенциальных свидетелей.

— Петрович в бешенстве... — успел шепнуть старлей на входе.

— Насколько я понимаю, все свидетели зачищены под Котовского? — спросил начальник городского ОВД. — У нас с тобой начинаются веселые деньки, Женья... Мало никому не покажется. Порадуешь чьим-нибудь? — добавил он.

— Думаю, к ночи соберу все до кучи, и что-то проявится, — ответил майор, осматривая комнату.

— Постарайся, пожалуйста... К тому времени, как нас с тобой начнут свежевать, хорошо бы иметь хоть какую-то версию, — подполковник безрадостно посмотрел на тела.

Два убитых милиционера лежали в углу, навалившись друг на друга. Мелкая Лыско так и застыла сидя, запрокинув простреленную голову за спинку стула.

Эдик кивнул Зое и обратился к офицерам:

— У меня что-то непонятное...

Все повернулись. Аккуратно взяв обработанную алюминиевой пудрой бутылку со стола, криминалист поднял ее вверх, к свисавшей с потолка лампочке.

— Посмотрите. Мы видим отпечатки пальцев и ладоней двух рук — и больше ничего. Словно эту бутылку принесли по воздуху и впервые вручили в руки.

— Понятно, что подстава! — ответил подполковник. — Дактилоскопируй бутылки в корзине, небось, стерильные, — мотнул он головой.

Блеснула вспышка фотоаппарата Зои.

— Что по баллистике?

— Да как-то пока еще не разобрались, надо гильзы и пули смотреть, но то — не раньше утра, — ответил Эдуард Константинович. — С пистолетом понятно: выброс гильзы соответствует немецким образцам армейского оружия. С пистолет-пулеметом есть вопросы. Все гильзы — там. — Он указал влево.

— «Бергман»...

Офицеры повернулись к Векслеру.

— Пистолет-пулемет Бергмана. Стоял на вооружении полиции, гестапо, вспомогательных отрядов, — пояснил майор.

— Думаешь, надо МГБ подключать?

Старший опергруппы неопределенно пожал плечами.

— Ну так сам ведь говоришь: тема полицаев нарисовалась?

— Не знаю пока, Петр Петрович, слишком много фактажа и смертей сразу. Надо собрать мозги и материалы до кучи...

— Собирай. Там твой Туманов, похоже, даже отлить не выходил. Ройте. Как будете готовы — жду опергруппу на процедуры. Ночевать сегодня на стульях будем.

* * *

— Надеюсь, ты в курсе наших дел, — зайдя в кабинет оперсостава городского ОВД, рухнул на стул Векслер. — Сам-то нарыл хоть что-то?

— Да, я знаю общую канву. По подвижкам тоже есть что доложить, товарищ майор, — встал ему навстречу офицер. — Кажется, мы установили мотивацию...

— Предельно внимательно слушаю... — Он повернул голову к входящему в комнату участковому: — Валек! Организуй, будь ласка, чай

или хотя бы кипяток с сахаринoм — маковой крошки в рот за день не упало...

Как только участковый исчез за дверь, Туманов стал зачитывать свою сводку.

— Последняя пропавшая женщина — 58 лет, расчетный вес около ста килограммов. Девушки в розыске — 70 и 75 килограммов соответственно. Ушедший из дома и не вернувшийся два месяца назад подросток с кожзавода — 81 килограмм... Мальчик борьбой занимался, вес известен с точностью, — добавил он.

Векслер поднял ладонь с растопыренными пальцами, и Туманов замолчал, ожидая реакции руководителя.

— Сколько всего пропавших ты скомпоновал по новой вводной?

— Восемь.

— Все корпулентные?

— Меньше семидесяти нет ни у кого...

— Период?

— С середины февраля 1946-го.

— Твою ж дивизию! — выпрямился Векслер на стуле.

Повисла тишина. Майор закурил.

— Дай посмотреть... — Майор взял из рук напарника исписанный фиолетовыми чернилами лист и вчитался в таблицу. — Докладывал Пэ-Пэ?

— Нет.

— Почему?

— Тебя ждал.

— Зачем?

— Ну, ты же старший группы.

— Степаныч, ты обиделся?

— Да нет, Жень Палыч, субординацию блюду.

— Субординацию... — Он потянулся и взял трубку зазвонившего телефона. — Да, мы готовы!

* * *

Опергруппа в полном составе расположилась за т-образным столом начальника городского ОВД. Отсутствовала только Фрося, но и то Петр Петрович, то ли всерьез, то ли пытаясь разрядить обстановку перед началом совещания, спросил, куда дели собаку.

Со стены за спиной руководителя на милиционеров спокойно и доброжелательно, чуть прищурившись, взирал министр внутренних дел СССР генерал-полковник Круглов. Сергея Никифоровича качественно выписали маслом на классическом бордово-фиолетовом фоне. Строгая рама также соответствовала обстановке и вкупе с тяжелой, основательной мебелью, высокими окнами за зелеными портьерами и повисшей в кабинете звенящей тишиной создавала атмосферу фундаментальности и готовности к буре.

— И как, ухайдокались? Или еще повоюем? — спросил начальник, кладя на стол прочитанный рапорт Векслера.

Оперативники неопределенно шевельнулись на своих местах.

Петр Петрович, закурив, выпустил в потолок густой папиросный дым. Остальные молчали.

— Версия рабочая, даже не буду спорить. Шилина приняли красиво и заслуженно, тоже не в претензии. Однако проблема в том, вот это вот все — лишь «взагали по загалам» для нашего руководства... Чернила на бумаге. Наши великие — полковник, прокурор, партийное руководство, в конце концов, они же зададут простой и понятный вопрос: где убийцы — на воле, в морге или в каталажке? Вот и все. Что мы им ответим? Наш умница Эдуард Константинович выйдет перед строем и блеснет своим невероятным образованием — греков древних им цитировать начнет?

Подполковник театрално простер левую руку и хорошо поставленным голосом вдруг изрек:

— О боги, вы, вззирающие с Олимпу! Носитель горестных вестей, упавши ниц, взывает к снисхождению!

Остальные молча потупились.

— Не смешно, правда? Вот и мне тоже не весело, потому что наш добрый отец-полковник возьмет нас всей гурьбою за ушко и ласково шепчет каждому персонально: «Друг мой ситный, ты не понимаешь, что происходит? Я тебе сейчас расскажу...» Убиты милиционеры. Два милиционера... — Голос подполковника вдруг окреп, налился чугуном и зазвенел, рикошетируя от потолка и оконных стекол. — Убиты при исполнении, на боевом посту. Оба! Расстреляны в упор, как собаки! В городе орудует вооруженная автоматическим оружием банда душегубов, — он с грохотом треснул ладонью по столу, — режущая людей направо и налево, словно свиней на скотобойне. Более того, судя по почерку, разыскиваемые не просто бандиты, а гитлеровские недобитки и полицаи. Уже сегодня по городу ползут слухи, а мы тем временем строим рабочие версии. — Начальник ОВД чуть выдохнул и снизил голос: — Не подкрепленные ничем — ни единым высранным чебуреком. Кого это впечатлит? Как это повлияет на оргвыводы? Ответ вы знаете...

Он поднял крышку пачки «Казбека», раскурил еще одну папиросу и вновь выпустил дым в потолок.

— Векслер, помнишь, мы в «резалке» за лося говорили, моего партизана-разведчика?

— Да, Петр Петрович...

— Знаешь, у него примечательная судьба вышла. Он как-то зимой сорок третьего вышел с группой. Притопали в деревеньку, засели в хате прикормленного старосты и чуток загуляли — первачок, сальцо, картошечка. Согревшись, старший группы ушел к одной крале и там кувыркался с ней до утра. А на рассвете в село пожаловали немцы и взяли разведчиков пьяненькими. Всех, кроме него, — ушел наш матерый. Поскольку у каждого человека по десять пальцев на руках, то с помощью нехитрой приспособы — кирпича и молотка — у них узнали все, что те помнили, и даже чуточку больше. И быстренько потом всех троих уколошили, похвалив старосту и его посыльного за расторопность. Отряду пришлось менять стоянку, терять людей, запасы, уходить в морозную глухомань, отбиваясь от висев-

ших на хвосте карателей. Лось вместе со всеми сражался как герой, потом каялся, стоял на коленях перед отрядом. Вот. А командир издал по нему приказ. И я, как его заместитель, этот приказ тоже подписал. И ничего. Не снится мне этот нами торжественно расстрелянный, и даже имени его не помню. Лось, говоришь? Ну, пусть будет так...

Он помолчал полминуты, смял в широкой хрустальной пепельнице докуренную папиросу и, обращаясь к майору, спросил:

— Женья, ты когда-нибудь работал по людоедам?

— Сам нет, но старые опера рассказывали о таких случаях в тридцатые на севере области.

— Разрешите, товарищ подполковник?

— Говори, капитан...

Опергруппа повернула головы к Туманову.

* * *

— Колбаса в голодающем Поволжье — это интересно... — задумчиво произнес подполковник, окидывая взглядом милиционеров. — Людоедство как основа нэпа. Интересная теория. — Он выразительно помолчал. — Во всяком случае, здесь понятен алгоритм поиска и подключения к розыску участковых и оперов РОВД. Рынки, кооперативные магазины, столовые...

Он перевел взгляд на Векслера:

— Ты чего напрягся, Женья?

— Выпил — закуси! — ответил майор.

— В смысле?! — не понял руководитель.

— Что мы будем искать? — Векслер прямо посмотрел в глаза начальнику. — Петр Петрович, я настаиваю, чтобы опергруппа продолжила активный розыск, направленный на нейтрализацию банды, а сбором образцов сырья и пищевой продукции на рынках, в магазинах и столовых, прочими научными изысканиями... — он тяжело посмотрел на Туманова, — пусть займутся участковые и сотрудники РОВД.

— Обоснуй! — Подполковник быстро глянул на капитана и вновь перевел взгляд на Векслера.

— Согласно показаниям Шилина, реализаторы сбывали от 20 до 30 декалитров самогона в сутки. При этом на перроне с утра и до ночи работали до шести-семи торговых с беляшами, чебуреками, пирожками и бог весть чем еще. Также со слов работников вокзала мы знаем, что им подносили корзины по мере сбыта продукции.

— Да верно все, майор, только мы до сих пор не видели и не разговорили ни одну из торговых! — вмешался начальник ОВД.

— Разрешите закончить, товарищ подполковник?

— Давай, конечно... Извини, что сбил с прицела, — язвительно хмыкнул собеседник.

— Шесть-семь человек с ротацией продавцов и продуктов непрерывно обслуживают порядка пятидесяти формируемых и проходящих составов. Делим и получаем по две-три бутылки на каждый состав. Условных же беляшей уходит в разы больше. Сколько может стоить пол-литра само-

гонки из-под полы? Сотка. Сколько стоит свинина на рынке? 300 рублей за килограмм. В беляш, чебурек идет 50 грамм мяса и столько же теста. Тесто опускаем. Себестоимость фарша в продукте составит от силы 12—13 рублей, продают беляш за четвертную. Значит, одна бутылка стоит четыре беляша, а продают их под тысячу.

— Допустим, согласен... Вывод какой, Женья?

— Первое. Самогон — для отвода глаз, весь упор на мясо. Второе. Для такого производства нужен цех или специализированное домохозяйство. Третье. Тысяча условных беляшей — это пятьдесят килограмм мяса в сутки. Значит, не человечинной единой — надо искать свиноферму.

— Дельно... Думаю, Сретенский организует личный состав на закупку и анализы... Подключим все лаборатории, включая СЭС. Участковые, — он глянул на Дробота, — и наш оперсостав, — перевел взгляд на Плакиду, — пойдут по подворьям... Ты-то что планируешь?

— Перетрусим всех нищих, алкашню, еще раз допрошу сожителя Анны Криндычевой — я не верю, что он ничего не знает, хоть и живет с ее детьми отдельно. И надеюсь найти торговков... Не с Марса же они свалились?!

— Да... Нам станет понятен процент соотношения пирожков с говном и чебурек с человечинной. Чем это поможет ликвидации банды? — Подполковник помолчал. — Мы просто улучшим свою версию, мою шкуру же тем временем натянут на... — Он поднял голову и внимательно посмотрел в нарисованные глаза министра. — Багетную раму зеркала центрального хода... Ладно. Вариантов пока тоже не вижу. Но вот если мы и сейчас найдем только трупы, то быть беде. Долго я в одиночку не удержусь — все пойдем под монастырь.

* * *

— Да Фира Иосифовна, я тебе говорю, Валька! Ну шо я — дура совсем, в самом-то деле?

Женщина подняла метлу и раздраженно стукнула держак о брусчатку, насаживая голик.

Три офицера стояли в квартале от вокзала и смотрели на пустую подъездную дорогу, огибавшую по кругу привокзальный жилой сектор.

— Где она живет, знаешь? — допытывался у дворничихи Дробот.

— Так в школе же, в твоей. Как вернулась с эвакуации, так назад и пошла работать — куда ж ей еще, горемыке?!

Участковый пожал плечами и посмотрел на старшего.

— Поехали, — скомандовал Векслер.

Уборщицу и ее каморку нашли сразу.

— Как вы тут живете? — огляделся майор.

— Да как все, — отвечала, сидя на застеленном старой шинелью топчане, еще не старая женщина с тяжелым лицом.

Комната представляла собой подлестничную клетушку, огороженную фанерной стенкой с завешенным брезентом дверным проемом. Из мебели,

помимо лежака, тут помещался небольшой столик, табурет и комод, служивший, видимо, подставкой для всякой рухляди. Свободного пространства, кроме крохотного пятка перед ногами сидевшего на табурете майора, здесь больше не было.

— Так вы же учитель? — от двери спросил Туманов.

— Техничке хотя бы угол положен. Что я сниму на учительскую зарплату? — она горестно вздохнула. — От дома только куча мергеля осталась. Родни никого, последний прибыток — и тот вы забрали, — закончила она, прямо посмотрев на капитана.

— Скажите спасибо, что мы вас нашли раньше, чем ваши бывшие коллеги, — с нажимом сказал Векслер.

Она закручинилась.

— Да кому я нужна, ничего же не знаю. Эх... Дурные девки... В какую халепу влезли и всех за собой потянули за мизерный гешефт...

— Расскажите, как работала ваша смена? — заметив утвердительный жест старшего, спросил капитан.

Она неопределенно пожала плечами.

— Приходила к шести вечера. Торговали до начала первого. Позже нет смысла, пассажиры спят. Беляши и чебуреки только у нас с Ганей. Ганя продавала самогон. Остальные стояли с пирожками, но то они сами готовили и нам были для блезиру. Если два поезда сразу — то она отдавала дежурную корзину под отчет кому-то.

— Фамилия? — уточнил он.

— Чья?

— Ганина!

— Так Криндычева! — удивилась собеседница.

— Я понял.

— Вы вроде говорили, что Юрий Шилин тоже работал с вами? — спросил стоящий рядом с капитаном Дробот.

— Шоб я еще сказала, так то, где вы читали... Я просто вслух подумала! — оскорбилась она. — Работал! Гаденыш шестерил у Гани с Улькой. Когда-никогда той шлепер махорку, папиросы приносил краденые, чтоб мы продали. Работничек хренов.

— Кто доставлял беляши и чебуреки?

— Братики...

Милиционеры переглянулись.

— Какие еще братики? — спросил участковый.

— А я знаю?! Два брата. Один постарше — лет тридцать или больше, раз в темноте его чуть рассмотрела. Второй — около того, раза три всего видела и тоже только вечером... — Она помолчала и добавила: — И тем вечером тоже.

— Как они выглядели, на чем привозили продукты, откуда везли и сколько?

— Да обычно выглядели... Парни как парни. Откуда везли, не знаю. Только девки ходили за корзинами за вокзал куда-то. Обе их боялись до мокрого исподнего.

— Шила братиков знает? — уточнил Туманов.

В ответ она только презрительно скривилась.

— Что сказал младший в тот вечер? — вернулся к основной теме Векслер.

— Да что сказал... Брысь, говорит, отсюда. Чтоб хавалки закрыли на замок, а то всех вырежем, включая детей и комнатных собачек.

— Ну хоть что-то приметное в нем было? Не может же он везде серым быть?! — спросил он.

— Выделялся... — призадумалась Фира. Потом подняла просветлевшие глаза и сказала: — Так не местный он!

— Как понимать?

— Ну, так гутарит-то не по-здешнему.

— А как?

— Ну не знаю, быстро-быстро как-то и высоким таким голосом тараторит. Подошел и сразу какое-то смешное слово сказал вместо «здрасьте»...

— Что за слово, конкретно? — напрягся майор.

— «Тавой» или «таей», что-то такое.

Векслер замер, на неуловимое мгновение погрузившись вглубь себя.

— Может быть, он сказал: «Та йой»?!

— Да, точно, так и сказал, — удивленно ответила женщина и недоумевающе посмотрела на офицеров.

— Никита Степанович, сколько там до большой порки? — спросил вдруг Векслер.

— Два часа тридцать пять минут...

— Валец, Фирю Иосифовну — в мою машину и в управу, а мы с Тумановым пока на твоём мотоцикле покатаемся.

Когда в машину усаживали слабо протестовавшую женщину, офицеры шли к мотоциклу.

— Что значит это слово? И куда едем, майор?

— На Острую, — ответил он, резко дав ногой на педаль кикстартера, — а слово означает, что ребята к нам издали пожаловали.

Векслер завел мотоцикл и, наклонившись, громко сказал:

— Километров с лишком за тысячу отсюда... На запад.

* * *

С холма открывался бесконечный вид на раскинувшуюся до самого горизонта луганскую степь. Слева возвышался недавно восстановленный мемориал, но Векслер обогнул его, не останавливаясь, и по зелёной травке докатил до начала спуска с холма. Впереди и вправо до самой балки тянулись остатки инженерных сооружений.

Офицеры спешили, майор молча закурил.

Туманов с интересом оглядывался по сторонам. Он явно попал сюда впервые.

— Что это за место, Жень?

Тот, помолчав, ответил:

— Острая Могила... Место, где я набираюсь боли. Это помогает мне потом быть безжалостным.

— А поче... — начал было капитан, но напарник взял его левой за пуговицу кителя на груди и указал рукой с папиросой на окопы.

— Смотри сюда. Видишь вытянутые впадины там, за траншеями?

— Да...

— Это засыпанные противотанковые рвы, что мы копали в сорок первом, — боялись охвата Ворошиловграда с востока.

— Понятно...

— Весь город копал, и даже мы, менты. Вот тот, второй, копал и я, лично. И следующий тоже. Упорно, до кровавых мозолей рыли...

Он замолчал, два раза затянулся.

— Вот этими руками, — майор поднес ладони к самому лицу собеседника, — я вырыл могилу для собственной семьи. Получается, так...

Туманов положил руку на плечо майора.

— Я знаю, Евгений Павлович... Просто не думал, что здесь, в степи. Мои соболезнования...

— Софийка. Наши Риточка и Борюсик, долгожданный. Ее мама Сусанна Моисеевна...

Он бросил окурок под ноги. Достал портсигар, потом вытащил немецкую зажигалку, свинтил крышку, подкурил и, вновь закрутив, убрал в жилетный кармашек.

— Почему не эвакуировались?

— Потому что меня отправили на фронт, а у бабушки Сусанны всегда было свое мнение, непоколебимая уверенность в брахливости советской пропаганды и светлая вера в культурную миссию немецкого народа.

— Понял, прости...

— Ближе к концу октября людям объявили, что идет организованная отправка в Палестину. Велели взять ценные вещи и провизию на три дня. Утром первого ноября всех собрали на стадионе и начали грузить в машины. Везли сюда, по два грузовика в каждой партии. Смотри, вот рвы. Где сейчас заваленные дзоты, там выставляли пару «машиненгеверов» на станках. Останавливались вот здесь, — он указал рукой точку. — Вылезать никто не хотел. Тогда они запустили в кузов овчарок. — Милиционер внимательно посмотрел в лицо собеседнику. — Ты же понимаешь, что могут сделать две Фриды в грузовике с женщинами и детьми?

Выдохнул и продолжил:

— Потом все ценности складывали на расстеленный брезент, всех раздевали догола, строили и строем валили в ров длинными очередями в упор. Кто бежал — добивали из карабинов поштучно. Отработав две машины, встречали следующие — точно как наши мясники на перроне. Почерк!

Помолчав, Векслер взял капитана за предплечье и не спеша повел его к мотоциклу.

— Ты думаешь, зачем я тебя привез сюда? Для чего эти еврейские стенания? — Он остановился. — И тогда, и сегодня против нас — нелюди. Запомни, Туманов. Мы их найдем, по-любому. Как Фрида, я их верхним чутьем возьму — я ведь тоже немецкая овчарка по кличке Векслер. И когда мы их найдем, живым никого не выпустим. Никого — запомни. Как это животное сказало в тот вечер на вокзале: «Вплоть до комнатных

собачек»? Вот так мы и сделаем. И ты со своим ТТ будешь прикрывать мою спину. И не дай бог тебе дать слабину...

Он оценивающе посмотрел в лицо капитану.

— Поехали домой. Вытерпим все молча и продолжим, — подытожил майор.

Глава 4. Белая будка

Дореволюционный особняк Васнева нависал над брусчаткой перед местной Красной площадью всеми своими, как тогда говорили, архитектурными излишествами: балкончиками, массивной колоннадой и балюстрадой открытой террасы третьего этажа. Возле машины Векслера стояли трое — сам старший группы, его напарник и майор Сретенский, сменивший китель на больничный халат.

— Списывать меня, мужики, пора — третий криз за весну... — жаловался он.

— Ты держись, майор, нам без тебя совсем грустно станет, — приободрил его Евгений Павлович.

— Ладно, что у вас?

— Пэ-Пэ взял все на себя и пошел с полковником к первому секретарю. Мы по-прежнему ловим оборванные концы цепочек, но пока везде голяк. Похоже, бандиты тупо вырезали всех, кто что-либо знал, — развел руками Векслер. — О, Дробот! — указал он глазами на подъезжающий мотоцикл.

Участковый легко выскочил из седла и поздоровался с офицерами. Следом вытянулся во фрунт старшина. Фрося, издали обнюхав всех, вдруг шагнула к Векслеру и дружески слегка боднула его в бедро. Тот потрепал собаку за ухо и обратился к прибывшим.

— Что, Валек?

— Пропал Клешня. С момента разговора в дежурке как сквозь землю провалился... Як пороблено! — раздраженно треснул он себя по ляжкам.

— Не надо было отпускать! Всех в околоток, никаких доверительных бесед больше. Для их же безопасности, — жестко резюмировал старший.

— Жень Палыч, а кто вообще из привокзальной шелупони остался неохваченным? — поинтересовался Сретенский.

Векслер вопросительно посмотрел на Дробота.

— Да вроде все. А не, Культя остался, но тот... — Он безнадежно махнул рукой. — Что с бухарика взять?!

— Кто это?

— Безногий попрошайка на костылях, — ответил старшему участковый.

— Да, я помню, с медалями.

— Ага, ветеран всамделишный, кстати. Мы его пробивали. И документы настоящие, и ногу на фронте потерял, и медали его. Гарик... как его... Попытченко! — вспомнил капитан.

— Стоп, Валек! Еще раз: попрошайка без ноги, на костылях, с двумя медалями. Установленный ранее инвалид и ветеран войны Гарик, то есть Игорь, Попытченко. Так?

— Да, Жень.
— И он алкаш?
— Ну да. Стоит до обеда или пока насобирает. Берет четверть литра и уходит, счастливый, восвояси.

— Валец, я его видел и помню. И он не пьет.

— Слушай, Жень, ну ты-то откуда знаешь — раз посмотрел и определил по памяти?

— Рыбак рыбака... — задумался майор. — Так, надо с ним срочно познакомиться, пока и его под землю не укатали...

— Правильно говорит Евгений Павлович! — вступил в разговор Сре-тенский. — Надо поднять всех твоих участковых и выяснить, где он живет.

— Да я знаю где! Точнее, адреса как такового нет, живут за белой будочкой... — вмешался капитан.

Милиционеры, переглянувшись, улыбнулись.

— Да не в том смысле! — начал заводиться Дробот. — Конкретно за будкой жэдэ переезда, в самострое близ гравийки, между Камбродом и Большой Вергункой.

— Дорога туда идет из Камброда или из Вергунки? — поинтересовался майор.

— И так и так можно добираться, а если пехом, тогда вообще с любой стороны — через посадку или пустырями.

— Ух ты! Однозначно надо познакомиться поближе, — констатировал старший опергруппы.

* * *

Практически за окраинами Каменного Брода тоже жили люди. И до войны, и после здесь строились и селились целыми семьями. Как раз один из таких проулков раскинулся перед глазами оперативников метрах в семистах от грязно-белой будки путевого обходчика на железнодорожном переезде у гравийной трассы, связывавшей два городских поселка.

Мотоцикл и машина остановились чуть выше, а сами милиционеры разговаривали с хозяйкой дома, стоявшего у края улочки, отсыпанной буро-красно-фиолетовым печным штыбом, традиционно именуемым в Донбассе жужалкой.

— Ни с кем они не общаются, живут бирюками, сколько их тут помним, — рассказывала хозяйка. — Старший Попытченко с немцами сотрудничал, а они его казнили...

— Не кажи, чего не знаешь, кура! — Грохнув калиткой, на улицу вышел шестидесятилетний мужик в перепачканном глиной и сажей фартуке. — Здрасьте, товарищи! — поздоровался он с милиционерами, отирая руки от глиняных катышей и красной кирпичной пыли. — Не слушайте! Несет баба сама не знай що, — гневно глянул он на женщину.

Оперативники развернулись к мужчине.

— Старый Попытченко просто работал в депо. Немцы его спалили, а за шо — никто не знае.

— Когда это было? — уточнил майор.

— Было-было, известное дело, — вмешался Дробот. — Перед приходом наших, за неделю до штурма, фашисты, действительно, связали ключей проволокой, облили соляжкой и сожгли несколько работников депо, включая Попытченко. Их всех потом похоронили в общей могиле на старом кладбище.

— Так и есть, — подтвердил мужчина.

— И кто сейчас там живет?

— Упыриха, Вадько, брат его одноногий та его сынок — внук Станиславовны, — не выдержала долгого молчания женщина.

— Упыриха? — удивился Векслер.

— Помолчи! — вновь кинул мужик жене. — Леська, жена старого Попытченки. Бабы ее ненавидят. — Он вдруг ухмыльнулся. — Мабуть, взаимно!

— Что за брат, внук?

— Вадько? Та шофер с депо. Нормальный мужик, работающий. Внучок у ФЗО учится, добрый хлопчик. А вот Игорь — такой позор — жебрак с вокзала! А еще фронтовик... — Мужчина аж сплюнул от негодования.

— Чего Станиславовну ненавидят? — поинтересовался Векслер.

— Так вона нетутошная! Дед ее со службы привез. Самого гарного парубка у дивчин наших увела... повия, — вдруг захохотал мужик, весело зыркнув сверху вниз на сжавшуюся от злобы жену.

— Они свиней держат? — задал последний вопрос Векслер.

— Тут все тримают... — ответил тот.

* * *

Отойдя метров на пятьдесят от машины и разговорчивых соседей, Векслер начал инструктаж группы.

— Так, бойцы, собрались! Влад подкатывает и блокирует ворота — вне зависимости от того, одинарная там калитка или проезд для студебеккера. Валек бросает мотоцикл у самого края усадьбы и бежит к воротам. Если нам не открывают, первыми через забор идут Фрида с Узловым, следом — Дробот. Открываете, впускаете Туманова и действуете группой по обстоятельствам в следующем порядке. Первым за собакой идет старшина. Валек прикрывает их справа. Туманов всех троих — сзади. Влад стоит с автоматом в воротах и прикрывает всю группу, отслеживая улицу за спиной.

— А ты, дядь Жень? — удивленно спросил участковый.

— А я стою на номерах с заднего двора. Если вы их погоните, то встречу.

— Сам?!

— Ты за меня не переживай. Слушаем дальше. Второй вариант. Нам открывают, но не пускают. Тут все просто: рылом в землю и входите штурмовой группой в дом, оттуда — дальше по постройкам. Всех брать, вязать, стаскивать под ГППШ к сержанту. Третий вариант: впускают и беседуют. Тогда действуете по обстановке. Любая замеченная опасность — кодовое слово: «Время!» Значит, сдаем назад. Выходим. Вызываем подмогу.

Он еще раз посмотрел в глаза своим бойцам.

— Самое главное. Ни при каком раскладе вы, во-первых, не расходитесь и, во-вторых, не выпадаете с прицела Владлена... — Майор окинул группу взглядом, задержав его на мгновение на наградной планочке медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» на груди Туманова. — А чего вы все вырядились, как на парад?!

— Ну дык к полковнику с утра собирались.

— Лады, все готовы?! Тогда отлили, попрыгали, проверили оружие — и вперед!

Тут не выдержал Дробот.

— Дядь Жень, прости, но ты на самом деле считаешь, что там банда? Или Культя — один из братиков?

Векслер немного удивленно взглянул на участкового, словно тот предстал перед ним новой гранью, и повернул голову к Туманову.

— Никита Степаныч, ты у нас мастер деталей, скажи Валентину, почему ты в напряге последние полчаса.

Туманов улыбнулся, как будто его на чем-то подловили, и ответил:

— Меня смущает расстояние от вокзала до дома Попытченко.

— О! Ни секунды в твоей светлой голове не сомневался, — акцентировал майор. — Скажи, Валек, как одноногий пьянчужка два раза в день проделывает полуторачасовой путь туда и обратно? Или, может, его кто-то подвозит? Как на работу?

Он жестко закончил:

— По местам. Узлов — на переднее сиденье, Дробот — впереди нас. С богом, бойцы!

* * *

Ехали достаточно быстро, но не летели и пыли не поднимали. Оставив мотоцикл у края забора, Дробот первым оказался у дома и, пока оперативники высаживались у въездных ворот, громко постучал железной ручкой калитки. Во дворе, гремя цепью, злобным лаем заливалась собака. Фроря, внешне никак не отреагировав, лишь слегка приподняла шерсть загривка.

Массивные ворота, рассчитанные на грузовик или подводу, покоились под небольшой двускатной крышей. Вообще и ворота, и двухметровый забор, да и сам дом на высоком цоколе казались основательными и откровенно богатыми по сравнению с подавляющим большинством хибар Камброда.

— Алкаш, да?! — успел прошипеть участковому Векслер, скользнув за левый угол забора.

Во дворе послышалась возня, хлопнула дверь, раздались шаги. Потом лязгнул запор, за ним — щеколда, и в открывшейся калитке показалась невысокая полноватая бабулька лет семидесяти. Она удивленно осмотрела милиционеров и спросила:

— О! А вы до кого?!

— Здравствуй, Станиславовна! — Остановив жестом двинувшего было вперед старшину, Дробот поинтересовался: — Гарик дома?

— В хате он. Хворый... — недоуменно посторонилась она, пропуская милиционеров.

Первым во двор вошел старшина со своей собакой. Средних размеров кобелек, рвавший горло и встававший дыбом на цепи, вдруг упал на все четыре лапы и вместо заполошного воя перешел на озлобленный писклявый лай. Фрося, не глядя на него, совсем немного приподняла одну брылю, еле-еле оголила кончик клыка и чуть слышно заурчала. Кобель взвизгнул и, заскочив в добротную будку, отчаянно завыл.

— Та замовкны вжешь! — Старушка, перехватив клюку, мигом подлетела к будке и знатно треснула по дранке, прибитой к рубероиду крыши. — Нэ брэш!!!

Потом подняла глаза на оглядывавшую двор и дом опергруппу.

— Заходите до дому, раз пришли.

Дробот окинул взглядом огромный участок с флигелем, рядом сараев, отделявших задний двор, беседку, летнюю кухню и дворовый очаг с выварками*. Затем он повернул голову к хозяйке.

— Та хворый, кажу. У лижку весь час, — ответила она на немой вопрос.

Приметив ступу деревянного протеза у стены и ряд дворовой обуви, капитан решительно двинулся вперед. опередив его, Узлов развернулся и, первым поднявшись на невысокое крыльцо, вошел в коридор. Миновав длинную веранду, оказался в комнате и остановился за порогом. За ним проследовали Дробот, пожилая женщина и Туманов. Влад остался у ворот, цепко оглядывая двор и улицу.

Большая светлая комната с рядом окон и длинным столом в центре с дальнего торца оканчивалась двумя дверьми. Напротив милиционеров оказался письменный стол и книжный шкаф между крайним левым окном и входной дверью в углу, где теперь, контролируя пространство, остановился кинолог с собакой.

За столом перед тетрадкой с учебниками сидел подросток в белой с глубокими вырезами майке, синих трениках и парусиновых спортивных туфлях. Он, удивленно улыбаясь, с интересом рассматривал вошедших милиционеров. Хозяйка встала на середину комнаты между операми и мальчиком. Туманов остался в дверях, а участковый прошел немного дальше и замер чуть впереди и справа от старшины.

— Эй, малой, метнись резвым кабанчиком к бате, скажи, дескать, дружбаны пришли, пусть выйдет... — велел участковый и испытующе посмотрел на Лесю Станиславовну.

Мальчик встал и вопросительно поднял глаза на бабушку. Из дальнего коридора раздался стук костыля и протеза, и в открытую дверь вошел Попытченко. Он действительно был бледен, небрит, но при этом — в чистой, вышитой сине-голубым у воротника рубаше и пиджаке с двумя медалями. Новенький облегченный протез блестел светлым лаком.

— Здорово, командир, — доковылял он до середины комнаты, недобро уставившись на капитана.

* Местное название большой кастрюли, бака для кипячения белья.

— Ты чё такой сурьезный, дядька, а?! — чуть набывчившись, с ходу наехал на него Дробот. — Гостям не рад?

— Болею я...

Туманов, еще раз оглядев комнату и краем уха прислушиваясь к разговору, выскользнул назад — в коридор и на веранду. Не увидев ничего примечательного, осмотрел с крыльца двор и кивнул головой сержанту: мол, как обстановка? Тот неопределенно повел плечом, не спуская глаз с улицы и пространства перед собою.

Капитан огляделся. Двор тянулся за постройкой и целиком с крыльца виден не был. Показав Владу пальцами на глаза и кивнув на дверь, он неторопливо, словно прогуливаясь, вышел в центр двора и неспешным шагом двинулся вперед.

У летней кухни повел носом и присмотрелся к вываркам — они кипели, и от них шел густой бульонный пар.

Чуть дальше, между сараями и центральным флигелем, его внимание привлек аккуратный прямоугольник зеленой травы, выделявшийся на фоне укатанной автомобильными колесами земли.

Сделав еще несколько шагов, Туманов вдруг заметил заднее колесо и торец мотоциклетной коляски, стыдливо выглядывающей из приоткрытого сарая.

С противоположного угла заднего двора, откуда долетали звуки чавканья и похрюкивания, ощутимо потянуло гноем.

Оперативник, не таясь, широко потянулся. Развернувшись через правое плечо, незаметно расстегнул кобуру и с напускной беззаботностью не спеша двинулся назад.

Подойдя к крыльцу и выразительно посмотрев на Владлена, он повернул лицо ко двору и, не заходя в дом, крикнул в открытую дверь:

— Капитан, хватит лясы точить! Поехали... Время!

* * *

— Позорище просто! Ноги у него нет... Мы тебе и без ноги найдем работу, я ж тебе сколько раз говорил, — наседали на калеку участковый.

— Какую работу, командир? Вот моя работа, отработанный я, посмотри! — Попытченко правой рукой задрал рубаху на грудь. На крепком, плоском животе внизу виднелась глубокая воронка пулевого ранения. Еще один продольный шрам лилово отливал по всей ширине пресса.

— Ну и что? Ты один такой вернулся?! Найди бабу, завяжи с бухлом, будь человеком, в конце-то концов. Порадуй мать под старость лет!

— Бабу... — презрительно хмыкнул инвалид. — Мне при родительнице и пацане штаны снять, чтоб ты полюбовался на ту радость, что мне осталась?

— Ты пафосницу закрой, ладно? Меня жалобить не надо, — ответил милиционер.

Во дворе раздались шаги.

— Командир, говорю же, худо мне... — Повернув голову, инвалид обратился вдруг к сыну: — Дай сесть!

Мальчик подал отцу табурет и вернулся назад. Тот, тяжело опершись правой рукой, сел, вытянул протез с обрубком ноги и поставил костыль стоймя перед собой.

— Капитан, хватит лясы точить! Поехали... Время! — раздался голос Туманова с крыльца.

Дробот внимательно посмотрел на Культю, скользнул расфокусированным взглядом по длинной веренице домашней обуви под задней стеной, по обутым в сапог, тренировочные туфли и дворовые чуни членам семьи.

— Ладно, Гарик, времени нет. Но помни: бродяг и попрошаек у нас в городе не будет. Берись за ум, пока не поздно, — сказал он и, повернувшись к Узлову, добавил: — Идем, старшина, нет времени.

Кинолог успел сделать шаг вперед, когда мальчик, поймав повелительный отцовский взгляд, взял лежавшую на книжках скомканную тряпку и с криком: «Песик!» — швырнул ее в голову Фроси. Та лишь чуть отпрыгнула.

Под тряпкой лежал армейский «вальтер». Паренек мгновенно поднял пистолет, с трех шагов всадил старшине подряд две пули в центр груди и опустил ствол на присевшую собаку. Узлов, срывая горло, страшно захрипел и, отпуская ошейник, швырнул свою фуражку в лицо стрелка.

Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы Фрося, пролетев по воздуху, ухватила всей пастью еще раз успевшую выстрелить куда-то в потолок руку и снесла пацана к стене. Там, словно заправский борец, она крутанулась волчком, с хрустом перебросив парня через спину. Тот, хряснувшись плашмя об пол, успел лишь набрать полную грудь воздуха, а потом побелел и потерял сознание. Еще раз с треском рванув его за полуоторванную руку, овчарка окинула взглядом комнату.

После первого выстрела Дробот интуитивно присел и успел закрыться рукой. Табурет тем не менее припечатал по телу так, что он только охнул. Следом в голову прилетела подмышечная перекладина костыля, и неожиданно крепкая рука Попытченко резко рванула его за капитанский погон на себя. Первый удар финкой пришелся четко в подреберье. Участковый успел отмахнуть ребром правой в голову калеки и рвануть наган из кобуры. От второго удара ножа Валентин почти уклонился, треснув куда-то Культю рукоятью револьвера, поэтому лезвие вошло между шеей и трапециевидной мышцей, не задев горла.

Фрося, набрав с места скорость и походя сбив замахнувшуюся клюкой бабку, с разгона врезалась в Попытченко. Тот успел, присев, крутануться на месте, и овчарка взяла пастью его левое предплечье. Отдавая левую руку, бандит одновременно принял собаку на нож, разваливая ее грудину вспарывающим движением вверх. Правда, от таранного удара это его не спасло, и Культя кубарем улетел под стеночку к выставленной в ряд обуви.

Дробот оперся на косяк, зажимая рукой обильно кровоточащую рану на шее. От тела мальчика тяжело поднималась старуха. Офицер вдруг увидел, насколько отталкивающе и неприятно ее лицо с отвислыми щеками и

темными кругами вокруг бесцветных водянистых глаз. В ее руке чернел здоровенный «вальтер». От стенки с Попытченко вдруг гулко грохнул ГТ. Раз, потом другой... Одна пуля прошла в дверной проем, вторая выщербилась кусок щепы из дверной лутки над головой участкового. Тот два раза бахнул в ответ в сторону поднимающегося Культи, но не попал и буквально вывалился в коридор прямо в руки Туманова.

— Старая лярва! — с ненавистью прохрипел участковый и ударил из нагана в центр бабкиного корпуса. Старуха зашипела, словно из пробитого шарика стал выходить воздух, и стала грузно оседать на пол.

Фрося смогла подняться. Ее глаза уже заволакивала белесая пелена, из распоротого нутра свисало что-то сиреневое, а вместо дыхания раздавался силный хрип. Она с трудом сфокусировала на Попытченко уходящий взгляд, два раза глубоко втянула в себя воздух, роняя из пасти хлопья алой пены. А потом, накатывая мощной грудиной на передние лапы, разгоняясь, пошла в свою последнюю атаку.

Глава 5. Лесино подворье

Обойдя усадьбу, Векслер наконец дошел до поворота забора и за ним сразу наткнулся на въездные ворота заднего двора. Они, конечно, уступали центральным, будучи поуже и без крыши, однако так же массивно покоились на трех крепких столбах с отдельной калиткой слева.

Здесь мимо подворья шла еще одна укатанная грунтовка, параллельная гравийке у центрального входа. От нее к воротам тянулась выложенная жу-жалкой дорожка с отчетливо отпечатанным мотоциклетным протектором.

Осмотрев ворота, старший группы приметил высверленную коловоротом круглую дырочку чуть выше уровня глаз майора. Но, встав на цыпочки и заглянув в отверстие, он увидел лишь дерево закрывающей обзор задвижки. Постояв несколько секунд и оценив диспозицию, оперативник, стараясь не хрустеть, отошел на десять шагов и встал за одним из широченных орехов, высаженных с обеих сторон у въезда в усадьбу.

Услышав во дворе голос напарника, но даже не разобрав слов, Векслер тем не менее достал свой «штайер», а когда в доме раздались первые выстрелы — взвел курок. За все время перестрелки он несколько раз порывался кинуться вперед, но лишь протяжно выдыхал, останавливая себя.

Вдруг в какое-то мгновение майор учуял шорох и, поняв, что это задвижка, замер. Он буквально ощущал кожей, как кто-то рассматривает подходы к участку. Вскоре раздался звук хорошо смазанных петель — это открывались ворота. Пару раз заскрипел штыв, и по обе стороны невидимого барьера между опером и бандитами вновь все притихло.

Вскоре милиционер узнал звук катящихся колес. Он чуть отстранился от своего ореха, и в этот момент в зону видимости выкатился мотоцикл с коляской, энергично толкаемый за руль молодым мужчиной в солдатской гимнастерке. Он как раз заворачивал в противоположную от майора сторону, и Векслер, ни на мгновение не задумываясь, открыл огонь. Первая

пуля, угодив в область лопатки, выгнула мотоциклиста дугой, а вторая разнесла всю правую часть свода черепа.

От ворот прогремел картечный дулет. Заряд просвистел совсем рядом с майором, но несколько дробинок все же угодили ему в правую ногу. Оперативник, со свистом втянув в себя воздух, тут же выстрелил в ответ. Высокий, совершенно седой дед, успевший переломить обрез горизонталки, сложился пополам и с сиплым стоном нырнул куда-то за ворота.

Векслер, словно птица с подбитым крылом, далеко отставив левую руку и глубоко припадая на вновь травмированную ногу, доковылял до ворот и осторожно заглянул во двор. Раненый старик, не выпуская обреза, уже заползал в угловой сарайчик справа. Оперативник поднял пистолет и прицельно всадил ему тяжелую «маслину» точно меж лопаток. Деда скорезило, он часто и мелко-мелко забился всем телом.

От ближайшего флигеля по воротам стегнула автоматная очередь, и Векслер, вновь задохнувшись от боли, сполз на землю за створ калитки.

* * *

Подхватив Дробота, капитан, каким-то чудом не переломав ног, стащил его с крыльца. Из дома раздался глухой рык, громкий вопль и грохот падающего тела. Следом выстрел ТТ оборвал хрип Фроси, и буквально через несколько секунд, выбив шибку веранды, пистолет Культы ударил по милиционерам. В ответ Владлен разок прошелся по окнам веранды и дал несколько коротких очередей в створ дверей над крыльцом.

Когда на заднем дворе в первый раз рывкнул «штайер» майора, Туманов уже подтаскивал слабейшего на глазах участкового к воротам. Первая автоматная очередь враз «потушила» пистолет старшего группы, следующие ударили уже по оперативникам у центрального входа.

Владлен, коротко огрызнувшись из ППШ, нырнул за моторный отсек своей машины, а Туманов успел протащить капитана к ближайшему ореху в пяти-семи шагах правее. Уложив участкового за ствол дерева, он занялся перезарядкой нагана потерявшего сознание товарища.

Из дома донесся топот громающих по настилу сапог — кто-то ломился в сторону перестрелки. Оперативник понял, насколько неудобная у него позиция. Справа из-за мощного ствола он видел только уходящий в небо забор и часть крыши с чердачным окном, а слева — ворота и машину с присевшим за ней сержантом, но никак не двор и все там происходящее.

Услышав топот сапог, водитель успел лишь поднять голову, как сверху загрохотало, из открытого чердачного окна выдуло полуметровый сноп оранжевого пламени, а пулеметная очередь немецкого MG-42 буквально разорвала капот автомобиля и присевшего за ним Владлена. Вторым заходом «машиненгевер» врезал по забору и стволу ореха, но дерево не пробил и не попал по торчащим из-за него ногам Дробота.

Капитан затащил товарища под ствол и замер — на крыльце послышался характерный стук протеза. Культы старался идти неслышно, но предательское «тук... тук... тук...» выдавало его с головой. Пулемет

коротко прорычал еще раз, потом другой. С ореха летели крупные шматы древесины и щепа коры, а сам он содрогался от корней и до ветвей макушки.

Услышав глухой хруст протеза по утрамбованному гравию двора, Туманов набрал полную грудь воздуха и задержал дыхание. Присев, он выглянул из-за ореха с правой, невидимой с чердака стороны. Скрип раздался уже у самых ворот. Капитан лег плашмя на Дробота и наклонил голову к земле. За правой стойкой ворот виднелся каблук ялового сапога Попытченко. Капитан, не вставая, прицелился и два раза выстрелил сквозь забор в предполагаемый уровень поясицы калеки. Первым упал костыль, следом осело тело. Вновь ударил пулемет, метя в правую часть ствола.

Туманов вскочил, высунул руку и три раза подряд неприцельно выстрелил из нагана в сторону чердака из-за левой стороны ореха. И тут же, сместившись и присев, два раз всадил из ТТ с правой руки, целя сквозь забор в уровень нижнего края чердачного окна. Пару раз перенесся огонь, пулемет наконец-то оборвал длинную очередь. Послышался лязг затвора. Капитан, вскочив, выронил наган и рванулся к сержанту. Проскакивая мимо ворот, он, практически не целясь, ударил из ТТ по пытающемуся подняться Попытченко. А затем, подхватив ППШ убитого водителя, влетел в мертвую зону под домом.

* * *

Туманов крутил в руках автомат — пули пробили кожух и диск магазина. Вдруг, замерев под стеной, он с удивлением заметил колонну машин, спускающуюся к ним по улице.

Впереди шел броневладелец, метрах в ста от него тарахтели несколько мотоциклов с бойцами в синих фуражках, следом покачивала бортами армейская трехтонка с солдатами. На чердаке ожил «машиненгевер» и длинно ударил по БА-64. Броневинок встал, и «дегтярев» бронебашни стал методично рвать крышу дома Попытченко. С нее кусками полетела терракотовая черепица. МГ-42 враз заткнулся и больше не подавал признаков жизни.

Солдаты спешили, а три мотоцикла под прикрытием броневинок проскочили к усадьбе.

— Ты там цел, Туманов?! — закричал подбежавший к ореху побагровевший Сретенский в кителе и спортивных штанах.

— В норме! Дробота выносите, пока он дуба не врезал.

— Где Векслер?

— Держит тыл усадьбы...

— Живой?!

— Не знаю!

Под стенку к Туманову подскочил армейский майор с автоматом Судаева в руках.

— Что тут у вас, опер?!

— Полицай, похоже...

— Да?! — искренне удивился офицер. — Где еще ваши?

— Кинолог в доме. Убит вместе с собакой. Наш...

— Это я понял... — перебил его майор. — Старшина, бери отделение и вместе с капитаном заходите сзади, там еще один мент, возможно, жив, — отдал он приказание командиру отделения, занявшему позицию за подъехавшим бронев автомобилем.

— Старлей! — кинул майор офицеру со взводом у начала забора. — Формируй штурмовые группы — тут полицаи нас заждались...

Милиционеры Сретенского вынесли участкового и с ним на руках бегом помчали в сторону грузовика.

У поворота забора оперативник жестом остановил солдат и отрывисто крикнул:

— Векслер!

— Жду! — послышалось совсем рядом, и буквально через секунду: — Двигай!

Туманов вывалился из-за угла, за ним цепочкой проскочили армейцы. Майор, широко раскинув ноги, занимал позицию у левого столба калитки и держал под прицелом задний двор. Правую ногу выше колена стягивал брючный ремень.

— Что там, Никита, перемирие? — посмотрев на разворачивавшихся в цепь солдат, спросил он бледными губами.

— Перезаряжают...

Капитан, закинув руку Евгения Павловича себе на плечо и подхватив того левой, буквально перенес на руках свистящего от боли напарника на лавочку у палисадника метрах в двадцати левее ворот.

— Узлов, Влад, Фрося... — Туманов замолчал. — Дробот ранен, уже эвакуировали, но... Не знаю, короче...

Внимательно посмотрев на него, старший группы не спеша нажал кнопку выброса патронов, накрыв ладшкой, поймал вылетевшие из «штайера» три «маслины», положил их в боковой карман пиджака и достал оттуда полную обойму. Аккуратно поставив затвор на рычаг задержки, вставил ее в пазы, догнал большим пальцем патроны во внутренний магазин и спустил затвор. Тот, лязгнув, загнал патрон в патронник, оставив курок на боевом взводе.

— Закончить надо по-любому, дружище, — помолчав, сказал Векслер.

Со двора раздался грохот рухнувших под колесами бронев автомобиля ворот. Следом БА-64 щедро прошелся из пулеметной башенки по чердачному срезу, окнам дома и веранды. Несколько групп пехоты рывком подлетели к высокому доколю, и в выбитые окна полетели гранаты. Солдаты отхлынули. Дом гулко подпрыгнул и сложился крышей вовнутрь. Обвалившиеся местами беленные известью стены брызнули кусками мергеля и глины, обнажив сетку дранки крест-накрест. Буквально через минуту, взлетев, осели флигель и центральный сарай.

В палисаднике раздался треск ломаемой сирени — через кусты продирался мужик в замызганной кровью вышитой рубахе навывпуск. Пистолеты Векслера и Туманова в унисон «гавкнули» по три раза, автомат бандита с торчащим справа магазином полетел на улицу, а сам он со всего маха насадился грудью и подмышкой на столбы плетеного забора палисадника.

Пытаясь сняться с кольев, мужчина хрипел, захлебываясь кровью, и сучил ногами, скользя рукой по ивовой изгороди.

— Отставить! — резко осадил майор двинувшегося было к раненому солдата. — Пусть так подышает... — И, проследив взгляд напарника, кивнул на автомат преступника: — Говорил же, «бергман»!

* * *

Проводив глазами машину медиков, Туманов прошел во двор.

В центре, аккуратно меж руинами дома и чуть чадящими развалинами флигеля, по всему двору разлетелись кольца и куски копченой колбасы, выброшенные взрывом из сарая.

Солдаты стаскивали в рядочек под забор убитых бандитов. Тут же на расстеленной простыне складировали их оружие.

Накрытые покрывалами тела милиционеров и собаки были видны за пределами усадьбы, на дороге, где сутились у двух мотоциклов оперативники Плакиды.

Сам старший оперуполномоченный стоял возле армейского майора в центре двора, вытирая платочком сияющую на солнце лысину, и смотрел на проходящего мимо Никиту Степановича.

— Где Сретенский? — спросил тот.

— Уехал давление мерить... — ответил старлей.

— Так как, капитан, доблестный оперсостав поделится с дружественными армейцами колбасой?! — поинтересовался военный.

— Она с человечинной, — на ходу бросил Туманов.

Тот скривил нижнюю губу.

— Так ты же говорил: полицаи.

— Цирроз гангрене не помеха...

Подойдя к шеренге вытянувшихся тел бандитов, капитан внимательно на них посмотрел. Седой дед, двое молодых мужчин, женщина лет тридцати, с ног до головы покрытая мукою, Культа с раздавленными броневиком ногами и протезом, часть ноги с порыжевшей от спекшейся крови парусиновой туфлей.

— Где бабка и гаденьш? — поинтересовался он у Плакиды.

— Старуха застряла башкой вниз, — ответил за старлея военный. — Дом в подвал сложился, быстро не достанем. И она там, и мелкий... Но тот — по частям, — добавил он.

— Кто из них Вадим Попытченко? — спросил Туманов у старлея.

Тот в ответ лишь пожал плечами и кликнул одного из участковых Дробота.

— Кто из них Вадим?

Подошедший лейтенант внимательно посмотрел на убитых и ответил:

— Да нет его тут...

— Точно?! — повернулся к нему капитан.

— Да, конечно. Я Вадько лично знаю... К нему никого...

— Еще тела есть? — перебил его Никита Степанович.

— Нет, — ответил за всех армейский офицер.

— Плакида, сколько у тебя людей и транспорта здесь?
— Да все практически, — ответил старлей. — Два мотоцикла, можем и третий завести... Дробота.

— Кто знает, где работает Вадим?!

— Так в депо... Водитель он там, — ответил каменнобродский лейтенант.

— По коням! — скомандовал Туманов и направился к воротам.

У собачьей будки он остановился. Обезумевший от страха кобелек, крупно дрожа, забился в самый дальний угол и тихонько поскуливал.

Капитан вытащил из кармана галифе «штайер» Векслера и с двух шагов, прямо сквозь доски, пристрелил его с первого раза.

— Ты что творишь?! — ошарашенно спросил проходящий мимо Плакида.

— Так надо, — ответил ему Туманов.

Милиционеры сели на два мотоцикла. Старлей на ходу забрал у одного из своих оперов ПППШ с коробчатым магазином.

— Это что теперь — и свиней в расход пускать?! — глядя им вслед, удивленно спросил майор.

* * *

Два мотоцикла одновременно влетели в широкие ворота депо. Доехав до самых гаражей, они разделились: Туманов со старлеем и еще одним опером в цивильном кинулись к входу, трое других милиционеров мигом заблокировали всю шеренгу гаражных боксов.

— Попытченко?! — на бегу увлекая за собой вышедшего навстречу мастера, кинул Туманов.

Тот, рванувшись следом на ними, влетел в бокс, перешел на шаг и крикнул суетившимся под полуторкой водителям: «Вадько! Иди сюда, быстро!»

Один из шоферов вдруг пулей вылетел из гаражной ямы и, отшвырнув тряпку, стремглав кинулся к проему у противоположной стороны бокса. Оперативники ринулись за ним.

Захлопнув за собой дверь, тот задвинул засов и кинулся дальше вглубь раздевалок.

Капитан, два раза дико дернув за ручку, со второго выстрела вынес запор и первым рванулся вперед.

Влетев в раздевалку, оперативники едва успели пригнуться, когда три раза хлопнул пистолет. Пули, звонко рикошета от железных шкафчиков, прошли мимо.

Вскочив на высокий подоконник, Попытченко успел уже на полкорпуса выбраться в распахнутое окно, но отпускать его никто не собирался. Туманов прицельно всадил ему пулю в зад, а Плакида для острастки дал еще длинную очередь над головой. Бандит, истошно завыв и схватившись за ягодицу, грохнулся под шкафчики. Упав, он перевернулся на спину, сел. И, продолжая орать, швырнул «горбатый маузер» прямо под ноги капитану.

Тот на мгновение остановился и, наступив на пистолетик ногой, отправил его, словно шайбу, по кафелю назад — прямо под бок уголовника. Тот замер, даже перестал выть и уперся взглядом в Туманова. Капитан

поднял «штайер». Бандит все понял, заорал и закрылся двумя вытянутыми к милиционеру руками. Тяжелая пуля, пробив обе ладони, снесла половину черепа, оставив болтаться на какой-то белесой сопле окровавленный, бесцветный глаз.

* * *

Когда милиционеры вернулись к усадьбе Попытченко, военных там уже не было. По руинам деловито перемещались эксперты-криминалисты областного управления МВД, стояли несколько представителей милицейского руководства, прокуратуры и гражданских властей.

Начальник городского ОВД и офицер в форме майора МГБ негромко переговаривались отдельно прямо перед шеренгой разложенных на земле тел. Увидев подчиненных, подполковник глянул на Туманова и перевел возмущенный взгляд на офицера напротив.

— Капитан, если подтвердится информация о расстреле сдававшегося преступника, пойдете под трибунал... — Майор пристально разглядывал капитана в упор.

— Он убит при задержании, оказал вооруженное сопротивление, — выдержав взгляд, спокойно ответил капитан.

— Та мы все стреляли, он же до последнего отбивался, — влез в разговор Плакида и, глянув на подполковника, внезапно осекся.

Майор выдержал паузу, потом протянул руку руководителю:

— До свидания, Петр Петрович. На связи... — И, козырнув остальным, направился к своей машине.

— Простите, товарищ подполковник... — негромко сказал Туманов.

— Плакида, сколько вас непосредственно брали Вадима Попытченко? — спросил начальник ГОВД.

— Трое, — ответил старлей.

— Так вы как-то переговорите между собой... Предварительно, перед сочинением рапортов... Дабы разнобоя в общем хоре не случилось. Не красиво выйдет...

Помолчав, он перевел взгляд на капитана.

— Не ссы, Туманов. Циклоп циклопу, как говорится, глаз не высосет... — И, вновь повернув голову к телам, продолжил: — Видал, сколько красавцев собралось в одном логове?

Капитан подошел поближе.

— Старый упырь откопался, выходит?

— Не-е-е... — хмыкнул Петр Петрович. — Все значительно интересней... Дед, — он указал на труп седого старика, — это Бронислав... Бронислав, — поиграл милиционер ударением в имени, — Бронислав Станиславович Фобяк — родной брат Леси Станиславовны Попытченко. В девичестве, естественно, тоже Фобяк. Гарик и Вадим — это ее дети от брака с убитым немцами Попытченко-старшим. А вот эти двое — Лесь и Зорян Фобяки — дети Бронислава. И все трое — вахманы немецких шталагов на территории Западной Украины.

Начальник ГОВД выразительно посмотрел на капитана.

— Это еще не все. Самое удивительное, что по документам МГБ все трое проходят как погибшие. И лишь сегодня, когда подняли биографию старухи, — офицер кивнул на Упыриху, — все встало на свои места...

Петр Петрович еще раз серьезно посмотрел на капитана.

— Вот такой зверинец вы сегодня наглухо законопатили. И знаешь почему? Потому что сильные всегда бьют хитрых.

Глава 6. Десятая линия

Строй почетного эскорта занимал место справа, сразу за большой группой милицейского начальства, военных, партийных и советских руководителей. Впереди стояли два гроба, рядом — вооруженный почетный караул и знамена.

Перед закрытым, с синей фуражкой на крышке, где находился Владлен, на груди пожилого майора с фронтовыми медалями на армейском кителе замерла небольшая женщина с короткой стрижкой. Возле открытого, с телом Узлова, во всем черном, возвышалась статная вдова с опрокинутым внутрь взглядом, с потемневшим лицом и сцепленными большими кистями рук.

Военный оркестр ждал отмашки дирижера левее. Перед ним застыл строй сотрудников кинологической службы областного управления МВД. Начальник, пожилой капитан, не таясь, вытирал слезы левой рукой. В правой, чуть позвякивая наклепанной стальной чешуей, темнел ошейник Фроси.

Строй личного состава милиции, разбившись по коробкам представителей областных, городских и районных отделов и служб, занимал весь центр площади.

Когда зазвучал гимн, Векслер, тяжело опираясь на руки Туманова и Плакиды, неловко поднялся с инвалидного кресла, отставляя вперед загипсованную выше колена ногу.

Литаврист отбил начало и конец минуты молчания, руководители сказали положенные слова, сухо рявкнул тройной залп карабинов эскорта. Оркестр исполнил траурный марш.

Собаки прядали ушами и тревожно озирались...

* * *

На перроне вокзала у поезда Ворошиловград — Москва, как всегда, бурлил людской поток. Кто-то грузил вещи, другие обнимались и в который раз диктовали поручения и наказания «на дорожку». Какой-то мужик с двумя большими белыми арбузами под мышками, переминаясь у вагона, кричал вдаль: «Люся, быстрее! Опоздаем».

Два капитана — Туманов и Дробот — отошли чуть в сторону от этой толчеи.

— Ты не понимаешь, Никита... Что значит «родина»? Вперед — Москва зовет, потом в отпуск приедешь, всех вдумчиво расцелуешь по очереди. Где Чебоксары и где столица?! — горячился начальник отделения участковых инспекторов Каменнобродского РОВД.

Он внешне, казалось, абсолютно не изменился, однако чуть скособо-
ченная к правому плечу голова говорила, что ничего в этой жизни просто
так не проходит.

— Да все нормально, Валек. Приеду, маму обниму, а там видно бу-
дет — Москва, Астрахань, Казань... Союз — большой!

— И шо тебе лично с этих просторов? А девкам твоим?! Вот я тебе
историю расскажу... Знаешь, в городе, откуда я родом, был такой район —
шахтный поселок Верочка. И жила там в тридцатых знатная красотка Ра-
ечка Клейнерман. Что это за дева была! Словами не передать... Стройная,
тонкая, с точеной фигурой и правильными округлостями в нужных местах.
А глазища — царица Савская от жабы слюной бы захлебнулась. По ней
вздыхало полгорода, но решительно подступить к такой мамзели не ре-
шался никто. В двадцать лет ее, в конце концов, поимел Яша Ассириец.
Опылил без спросу маменькин цветочек. И даже не женился потом. Вот
так! А кто там за ней вздыхал душевно — никто уже и не упомнит...

— Ты к чему это?

— Да к тому. Появилась малейшая возможность — хватай! Плюнешь
на дар, судьба глянет на такое твое небрежение и обидится. Потом хоть
извернись и за жопу себя кусай — все без толку будет! — Он вдруг взял
капитана за предплечье. — Смотри, Палыч...

В голубовато-серой тройке и на полтона более темной шляпе Векслер
выглядел, как всегда, немного франтовато, невзирая на седину, палочку и
еще более заметную хромоту.

— Думал, не дождетесь, — приветствовал он коллег.

— Как же мы без тебя, дядь Жень, я бы поезд тормознул на крайний
пожарный, — хохотнул Дробот.

— За тобой не заржавеет... — улыбнулся Евгений Павлович.

И, повернувшись к Туманову, спросил:

— Все-таки решил вернуться?

— Да, вначале домой, там видно будет... Ты-то сам как? Как нога?

— Да прям не знаю. Надо либо святой водой ее окропить, либо куда-
то к старцам ехать на отчитку. Сколько можно-то — в одну воронку? —
улыбнулся Векслер.

— Ну а делать-то что собираешься? — пытливно вглядываясь в стар-
шего товарища, спросил Никита.

— У-у... Хороший вопрос. Годик отдохну, там видно будет. Может,
приму одно из предложений, может, преподавать пойду, а то и заведу себе
участок: курочки там, козочки... — И, подмигнув, добавил: — «Участок
Векслера» — звучит?!

Милиционеры засмеялись.

Посадка заканчивалась.

— Ладно, Туманов. Давай прощаться. Вот это — тебе. — Он про-
тянул капитану картонную коробку и на слабые попытки возражения до-
статочно жестко ответил: — Даже слушать не стану!

Из вагона спустилась привлекательная молодая женщина и, подойдя
к офицерам, ласково взяла Туманова за руку. Офицеры обнялись, и Ники-
та направился к вагону.

Женщина подошла к Векслеру, обняла его, прижав на мгновение к груди, и ласково поцеловала в щеку. Потом погладила, как бы сглаживая ладошкой невидимый поцелуй, и пошла следом за мужем к ступенькам тамбура.

Мужчины внимательно посмотрели ей вслед.

Паровоз дал последний сигнал и дернул состав. К вагону бежал опаздывающий молодой парень со свернутым пакетом из промасленной бумаги в руках.

Озорно улыбнувшись, Дробот резко развернулся и крикнул проводнице: — С беляшами не впускать! И не спрашивать почему!

* * *

Войдя в купе и перекинувшись с женой парой фраз, Туманов аккуратно положил на столик и раскрыл коробку. Там лежала в рыжей кобуре «пушка» Векслера, две полные обоймы и картонная упаковка с надписью на этикетке «50 patronier 9×23 mm Steyr». Капитан отстегнул кнопку на полированной коже и достал массивный пистолет. Видно, что он прошел и Крым, и рым: воронение стерлось по всем выступающим деталям, а на ромбообразной насечке деревянных щечек рукоятки остались многочисленные отметины.

Дверь тамбура открылась.

— Вот и ваш сосед — думала, не успеет! — Проводница пропустила вперед старшего лейтенанта с танковыми эмблемами на погонах. На груди офицера располагалась наградная планочка, где ленточки нескольких медалей однозначно указывали на его фронтвое прошлое.

— Здравия желаю, товарищ капитан! — приветствовал он милиционера, с ходу поймав глазами пистолет на столе.

— Милости просим, — по-цивилиному ответил ему Туманов, убирая подарок товарища.

— Хороший ствол, надежный. Правда, тяжелый, собака, и не очень удобный в перезарядке, — как бы извиняясь, проговорил старлей, забрасывая объемный брезентовый ранец под нижнюю полку.

— Ну, все... Зацепились мужики языками за оружие, — засмеялась супруга Туманова.

В дверях вновь показалась проводница.

— У вас еще один сосед будет, но тот уже в Валуях сядет. Я вам пока чайку заварю... С лимоном! — добавила она.

— Дмитрий, — разобравшись с вещами, протянул капитану руку танкист.

Мужчины познакомились. Старлей оказался земляком, ехавшим домой после демобилизации.

— Вам хорошо, прямо до Чебоксар доедете. А мне от Канаша еще день на подводе плестись до Цивильска, если попутки не поймаю, — смеялся он.

— Чем займешься дома?

— Не думал еще, учиться надо. Что эти лейтенантские курсы, не трактористом же в совхоз...

— Так давай к нам? В УГРО... — испытующе посмотрел на собеседника капитан, еще раз пробежав глазами по наградным ленточкам.

- Да тоже думал, но не знаю пока...
- Да-да, Т-34 потянул, как направили, а тут «не знаю»?
- Так там приказали, а тут самому надо выбрать — на всю жизнь.
- Это точно, — подтвердил Туманов. — На всю жизнь, не поспоришь...

* * *

Подходя к зданию областного УВД на улице 10-я линия, Векслер обратил внимание на милиционеров в фартуках, красящих забор, который закрывал боковой проход к зданию.

Поздоровавшись с командовавшим работами Сретенским, поинтересовался:

— Где вы такую краску берете? — Он кивнул головой на глубокий, с явным фиолетовым отливом шоколадный цвет свежееыкрашенных плоскостей. — Половина Камброда с такими ставнями и палисадниками...

Областник в ответ хитро улыбнулся.

— Ты, Женя, просто человек непрактичный. Что ты будешь на гражданке делать — ума не приложу! Смотри. Берешь десятилитровое ведро сурика с паровозостроительного. Смешиваешь с литром эмали кобальта с лакокрасочного... Готовченко!

— Ну ты даешь! — хмыкнул отставник.

— Только полковнику не рассказывай, — засмеялся вслед майор.

Поднявшись на второй этаж, Евгений Павлович по привычке без стука вошел к криминалистам.

— Всем привет, астрономы!

Его радостно встретили и усадили за стол напротив Эдуарда Константиновича. От чая Векслер отказался, внимательно приглядываясь к привычной обстановке.

Эдик, по обыкновению, тут же зарылся в бумаги. Зоя сидела за микроскопом. Рядом с мученическим выражением лица страдал над учебником ее одиннадцатилетний сын Коленька. В глубине за дверью лаборатории возилась Зинка.

— Что учишь? Математику? — спросил он у мальчика.

— Если бы, — ответил тот и показал раскрытую хрестоматию. — Отсюда и досюда, — ткнул он пальцем в разворот.

— ...Под ним сидел, и кот ученый свои мне сказки говорил», — прочел милиционер. — Это очень легкие стихи. Ты умеешь что-либо более сложное?

Коленька два раза неопределенно пожал плечами и с надутыми губами продолжил попытку зубрежкой.

— Ну стрелять, например, ты умеешь?

Зоя хмыкнула, озорно глянула на майора и снова нырнула в свои окуляры. Эдик, чуть приподняв бровь, отложил раскрытое дело и потянулся за бумагами в угол стола.

Мальчик, не сводя удивленного взгляда с милиционера, отрицательно помотал головой.

— Если хочешь, могу тебя научить, — продолжил Векслер.

— Дядь Жень, ты ж пистолет должен был сдать, — хихикнула, не отрываясь от своего микроскопа, криминалист-биолог.

— Ничего страшного, в нашем тире есть из чего выбрать, или у мамы ее ТТ возьмем...

— Зоя, я к Сретенскому, буду через полчаса... — кинул на ходу начальник криминалистической службы и, подхватив папку, ловко выскользнул из кабинета.

Та кивнула и подкрутила шкалу.

— Мама не даст... Велика радость — после работы переться в тир, а потом еще эту железяку чистить... — Она вдруг, замерев на неуловимое мгновение, осеклась на полуслове. Наконец оторвавшись от окуляров, женщина ошарашенно уставилась на отставника: — Дядя Жень, ты серьезно?!

— Конечно. Постреляем, потом сходим куда-нибудь поужинаем. Не всю жизнь ведь в кабинетах чахнуть. — Он подмигнул мальчику. — Пойдем, Николай. На свежем воздухе маму обождем...

Когда они вышли, Зоя неподвижно просидела почти минуту, а потом, резко вскочив, заметалась по просторному помещению. Схватив вещи, кинулась к двери, но остановилась. Вернулась, открыла сейф, достала ремень с кобурой и портупеей, сунула все в сумку и, подскочив к дверям, крикнула в сторону лаборантской:

— Зина, я убежала!

— Хорошо, Зоя Михайловна!

Она еще мгновение постояла, потом, беззвучно шевеля губами, три раза подряд быстро-быстро перекрестилась на пустой угол напротив входа и выскочила за дверь...

Сергей ВОЛКОВ

**«ЧТО УЛЫБКА ТВОЯ,
БЕАТРИЧЕ...»**

Merry Christmas

Пусть волхвы колдуют, и царят
Пусть цари, и тьма стоит в пещере —
Нынче все о Мэри говорят,
Только то и слышно — Мэри, Мэри.

И блестит снежок на волосах,
И скрипит снежок под башмаками,
В Ипсвиче двенадцать на часах,
В Норвиче двенадцать, в Ноттингаме.

Мэри Кростмас — так назвал бы я
Свой рассказ и подарил другому.
Мэри Кростмас — прачка и швея,
Помогает Диккенсу по дому.

А сегодня вымоталась вся —
Цельный день по городу кружила,
И на стол поставила гуся,
И колечко в пудинг положила.

И легла, уставшая, в постель,
А вокруг всю ночь стучали в двери.
Кто-нибудь, оклихни нас в метель,
Кто-нибудь, скажи нам: Мэри, Мэри!

Сирано

Понапрасну писал и листки целовал,
 Не листки, а слова — не слова,
 А лица проступавший за ними овал,
 Эти сонные веки сперва.

И проходит тоска коридорами лет,
 Чтоб тобой овладеть, например.
 И любовь уведет молодой Невильет,
 А великую славу — Мольер.

И проломают оглоблей височную кость
 За углом, в переулке глухом.
 Так скажи мне — куда вдруг девается злость
 С первой ласточкой, с первым стихом?

* * *

А. А.

Вы взять хотели «Илиаду» и «Одиссею» заодно,
 чтобы в ночи, включив лампаду, когда вам скучно и темно,
 там на страницу со страницы могли слетать свободно вы,
 пока ковидом все границы закрыты наглухо, увы,
 пока под снегом конь педальный и сап под коркой ледяной, —
 таков рассказ ваш был печальный, когда столкнулись вы со мной
 здесь, у дверей библиотеки, где надпись краткая «ремонт»
 передо мною в кой-то веки открыла новый горизонт.
 Я вам ответил, что рассею сегодня ночью вашу грусть,
 что «Илиаду», «Одиссею» я с детства помню наизусть,
 и песен ровно сорок восемь для вас одной солью в одну,
 и говорить могу всю осень, а также зиму и весну,
 и, чтоб пожить на тех страницах вы тем не менее смогли,
 готов разыгрывать я в лицах богов, людей и корабли,
 и вы поэтому не плачьте: я сам герой чужих стихов,
 и привяжусь еще я к мачте, и перебею вам женихов.
 Мы шли неспешно. Моросило. Нас обгоняли облака.
 Все ранней осенью красиво — Ульянка*, музыка, тоска.
 И я читал. Читал стихи вам, пока еще их не забыл,

* Ульянка — исторический район на юго-западе Санкт-Петербурга.

и настигающим Ахиллом, и павшим Гектором я был,
 как Телемах, я шел из дома на поиск блудного отца,
 Гермесом был и Посейдоном, и песне не было конца.
 Когда кругом одни химеры, лишь голос может быть высок —
 в нем красногрудые триеры волна бросает на песок,
 циклопы вырывают камни, Калипсо ждущие уста
 (давно прошли Симоняка мы, Героев, Доблести)... Звезда
 горит одна на горизонте, равно сочувствуя всему —
 библиотеке на ремонте и Трое, гибнущей в дыму.
 Но всю обратную дорогу уже я думал о другом:
 что поцелую вашу щеку у двери с кодовым замком,
 а все, что кроме, — грезы, грезы, что нет прекраснее звезды;
 шумели черные березы, дрожали мокрые кусты,
 навек застрявший в промежутке, я лез за мелочью в карман.
 Шел дождь. И первые маршрутки вскрывали утренний туман.

* * *

«У чаши», «У калиха», — старый трактор,
 Где, помнишь, бывали с тобой?
 Там песни, давно облетевшие мир,
 И блюда на выбор любой.

Там кнедликов горы, и поле приправ,
 И реки пивные текли,
 И чардаш на сцене, и твист, и Пиаф,
 И Дитрих Марлен, и Лили.

И сам опрокинул стакан, и куплет
 Пою, как умею, пою,
 Ногою стуча о дубовый паркет,
 Калинку-малинку мою.

На что мне гадалка, я знаю судьбу
 Доподлинно, наверняка:
 Там музыка вся вылетает в трубу,
 В огонь, в дымоход, в облака.

Там вальс отступает к порогу, кружась,
 Стихает Дунай голубой.
 И только у сердца печальная связь
 Навеки осталась с тобой.

* * *

Алене

Что улыбка? — Обычное дело.
Улыбнулась и дальше пошла.
Ничего ты сказать не хотела,
Может, просто сказать не смогла.

Даже имени я не узнаю,
Лишь улыбка, а следом за ней —
Снег, летящий к ночному трамваю,
Дальний отсвет маршрутных огней,

Крики поздних пустых электричек,
Ветер, ветер в разбитом окне...
Что улыбка твоя, Беатриче,
Только раз просиявшая мне?

* * *

Останься на сущёвской станции
Под самый августовский путч,
Как был никем, так и останься,
Эря только разум наш кипуч.

У стрелки часовой на кончике
Гудит вокзал, — хватай мешки!
Ордынцы грузятся в вагончики,
Шансон врубают ямщики.

Кто с жиру бесится, кто с голоду,
А мы стоим тут стороной,
И жаль не родину, а молодость,
Она-то и была страной.

А мы в буфете семки лузгаем,
Последний режем ананас,
И поезда великолукские
Летят в грядущее без нас.

Александр ЕВСЮКОВ

ГОНЕЦ ЦВЕТА

Р а с с к а з - д и п т и х

1.

Мальчик жил на свете недавно, но уже многое чувствовал и понимал. Понимал, что мама с папой рано уходят на работу и всегда поздно оттуда возвращаются. Поэтому им и приходится на всю неделю оставлять его в городе Шахтино с бабушкой, а не забирать к себе в поселок. А бабушка — она вроде бы и добрая, но все-таки ядовитая, как черная змея-ехидна из передачи «В мире животных». Маму она почему-то не любит. Видно, у нее были другие планы на папину жизнь.

Поэтому с каждым купленным ему гостинцем она просто не могла не вернуть что-нибудь язвительное про маму, и от этого самое лакомое мороженое, или пышная сахарная вата, или пузыристая газировка из сифона становились совсем не такими вкусными, как для всех других детей и некоторых взрослых.

— Я-то тебе вон что покупаю, а эта балбеска гонористая купит чего? Нет!

Мальчик принимал оскверненные дары с потухшим взглядом и уже не мог их никуда деть — бабушка не спускала с него глаз. Но он все реже о чем-нибудь просил ее, зато безоглядно наслаждался несчастными мамиными угощениями. И много раз наедине, а иногда даже при бабушке, он брался объяснять маме, что не надо, не надо, не надо оставлять его здесь, что он уже вырос и может быть дома один. Вернее, с обеими разноцветными кошками и лохматой собакой Бимкой, живущей во дворе. Но мама только ласково и грустно ему улыбалась, гладила и целовала в макушку, чтобы снова выйти на площадку и скрыться от него на пять долгих дней. Отец обычно прощался с ним как-то наспех и выскальзывал из квартиры пораньше.

Однажды мальчик проснулся от ярких вспышек с улицы, которые празднично и немного жутко освещали ночной двор и все вокруг. Он догадался, что это салют. Захотелось тут же выскочить из-под одеяла и подбежать к окну. Но вдруг мальчик заметил бабушку. Она, замерев, стояла на балконе в своей длинной ночнушке, куда-то вглядываясь. Похоже, ей салют совсем не нравился. Он разглядел, как сильно бабушка сжимала свои узловатые пальцы, поднимая руку, — будто крестилась кулаком. И заклинала вполголоса:

— Скорей бы Гонец Цвета... Скорей... скорей! Чтобы — всех!

Не понимая, что это может значить, спасаясь от ее жуткого шепота, мальчик с головой накрылся байковым одеялом. Но и сквозь него все равно просвечивали вспышки. То зеленоватый, то красный, то ослепительно белый, летел по небу над окнами огромный, сияющий и неуловимый Гонец Цвета. Наконец все вспышки растаяли, и стало привычно темно, как бывало каждой ночью.

Кроме бабушки, здесь же, в квартире, жил дед. Дед был хороший, он работал в шахте и был передовиком. Но когда-то давным-давно его незаметно отодвинули в сторону от всего, кроме работы. И с тех пор он жил как постаревший царевич, который так и не дождался своего царства. Вечерами обычно усаживался у телевизора, а в выходные дни всегда находил себе занятия во дворе или в подвале.

Почти про всех соседей бабушка говорила с насмешкой — было видно, что они трусили с ней связываться. Лишь одного — соседа снизу — она сама всерьез опасалась. Того самого, кого все вокруг дружно прозвали Анатолькой. Он был самым скандальным жильцом во всем подъезде и на каждый шум сверху или за стеной мог немедленно заявиться «качать права».

Вот из-за этого самого Анатольки нельзя было ни подпрыгнуть, ни как следует разбежаться вдоль большой комнаты, ни даже в голос позвать друзей с балкона. Коварный Анатолька всегда таился в темном подполье. Сам мальчик видел его только однажды, да и то со спины, но часто представлял во всех злодейских подробностях: как он похож на Коцея Бессмертного, только в низко надвинутой кепке, с длинным лицом и противным высоким голосом. Но голос и представлять было не надо — мальчик отчетливо слышал его много раз. «Прямо власть взял», — с завистью качала головой бабушка.

В начале лета пришла пора устанавливать новую дверь в квартиру. Вообще-то мальчик еще не разобрался, что же было не так со старой. Но в назначенный день бабушка с самого утра стала маячить взад-вперед по комнатам и кухне, то и дело выглядывая из окон или с балкона.

Однако нужные люди из ЖЭКа никак не приходили — ни сразу после обеда, как обещали сначала, ни в половине третьего, ни в четыре часа. Бабушка уже вся извелась: она ходила и ходила из угла в угол, рассеянно вытирая пыль на одних и тех же местах, и возмущенно стенала. Иногда она вдруг обращала внимание на мальчика, будто спотыкалась об него, и то предлагала повторно налить ему вчерашнего рыбного супа из большой эмалированной кастрюли, то бросалась включать телевизор, но вместо мультиков и интересных передач шла «профилактика» — всей огромной стране показывали только квадратики на экране.

Наконец, когда длинная стрелка совсем чуть-чуть не догнала короткую, раздался звонок. Едва присевшая на диван бабушка подскочила от неожиданности, а затем осторожно подкралась к двери.

— Кто там? — чужим, каким-то сгущенным голосом спросила она.

— Мастер, — раздалось снаружи. — Вызывали?

— Вызывали. А чего шел так долго?

— Заявок много, а я сегодня один.

— Как один? — изумилась бабушка.

— Так, один.

Нарочно громко заохав, бабушка отворила оба замка и сняла цепочку. Через порог шагнул крепкий широкоплечий мужчина с короткими упрямыми волосами на лобастой голове. От него пахло маслом, одеколоном и свежим потом. Все эти запахи были мальчику уже знакомы, но сейчас все равно вызывали какой-то непонятный интерес.

— Хозяйка, принеси пока воды попить, жарко на улице.

Бабушка скрылась на кухне.

— Игорь, — представился мастер и, присев на корточки, протянул мальчику руку. Впервые в жизни взрослый так здоровался с ним, мелким шкетом. Рука тоже оказалась большой и крепкой, с широкими пальцами и наколкой на запястье в виде якоря. Было страшно приподнять и вложить свою маленькую бледную ладонь в эту огромную бронзовую ладонь. И в то же время очень-очень хотелось этого своего первого рукопожатия. Мальчик украдкой взглянул на бабушку, она как раз вернулась с полным ковшом воды.

— Не бойсь, — по-доброму усмехнулся Игорь. — Как тебя звать?

— Л-ле-ня, — с трудом выговорил мальчик и наконец решился протянуть свою ручонку.

— Привет, Леонид! — Игорь осторожно обхватил его ладонь, слегка встряхнул и, дождавшись ответного пожатия, выпустил.

Залпом осушив полный ковш холодной воды, он привычными движениями разложил инструменты и взялся за дело. Начался веселый и бодрый шум. «Это вот — дрель. Это стамеска. Это молоток. А вот — замок ваш новый. Старую-то рухлядь снимем сейчас», — успевал пояснять ему Игорь. Вскоре оказалось, что в каждом инструменте жили свои звуки, своя музыка, притом такая разная, что одну ни за что не спутаешь с другой.

Вот и старая дверь, разлученная с таким же старым дверным косяком, встала, прислонившись к облупленной стене на площадке.

— А ну, не мешай дяде Игорю, отойди, — раз за разом повторяла бабушка и выпроваживала внука из коридора в комнату.

«Профилактика» уже закончилась, и начался долгожданный мультфильм. Но Лене почему-то становилось неинтересно от мультфильма, как было невкусно от мороженого после ядовитых бабушкиных слов про его маму. И уже через минуту он, как замороженный, снова оказывался в коридоре возле Игоря, глядя то на его широкое лицо, то на запястье с якорем.

— Видал? Я, Леня, на флоте служил. Три океана видел. Ну, и всякого там нагляделся... Но про все рассказывать пока что нельзя — я ж подписку давал.

Леня восторженно кивал. Три океана! И еще что-то, о чем вообще нигде и никому нельзя говорить, даже под самым большим секретом!

— Скоро ли? — вклинилась бабушка. — Без двери мы тут все равно что голые ходим. Может, вызвать кого на подмогу?

— Сейчас, бабуля! Потерпи чуток.

Игорь, широко расставив ноги и громко крикнув, приподнял новую дверь и стал сажать ее на петли. Леня замороженно ловил каждое его движение.

— Что ж ты — так один все и сделаешь? — Бабушка всплеснула руками и отступила в большую комнату.

Фигура в надвинутой кепке возникла внезапно — звука шагов Ленья не услышал. От нее разило чем-то кислым и прогорклым. Ленья сразу с ужасом понял, что перед ними тот самый грозный Анатолька.

— Я сосед снизу, — сдавленно прошипел он.

— Ну, здорово, сосед, — приветливо кивнул Игорь.

— Вы что это устроили?.. Я, значит, с работы — только отдохнуть собрался...

— Время разрешенное, а ночью отдохнешь, как другие граждане, — невозмутимо парировал Игорь, прищурив левый глаз и карандашом намечая отверстия в дверной коробке.

Мальчик замер. И зачем это Игорь отвернулся от него? Он же не знает — Анатолька что угодно может ему сделать!

Но пока Анатолька продолжал, как обычно, «братъ на голос». Правда, теперь он взвизгивал громче дрели, однако Игорь, ничуть не отвлекаясь, продолжал делать свое дело. Вдруг пронзительный взгляд Анатольки зацепился за мальчика в глубине коридора и даже в светлых его глазенках видел насмешку. Тогда он решительно шагнул вперед и нагло дернул дрель из рук Игоря. Сверло замерло, бодряя музыка инструмента оборвалась.

Уже не отпуская Анатольку взглядом, Игорь неспешно встал с корточек. Отложив дрель, он резко схватил его и притянул к себе, а ногой тут же прихлопнул дверь, чтобы Ленья не увидел чего-нибудь лишнего. Голос Анатольки снаружи вдруг зазвучал испуганно и сипло. Игорь тоже что-то негромко выговорил. Затем послышался короткий вскрик и drobный перестук по лестнице.

А новая дверь после громкого хлопка вновь приотворилась, так что взгляду мальчика открылась яркая щель. На верхней ступеньке лестницы в полоске солнечного света лежала смятая кепка. Игорь ловко наклонился, поднял ее и размашисто запустил вниз, следом за внезапно ставшим таким смешным и жалким Анатолькой.

— Что за горлопан у вас? — усмехнулся Игорь.

— Да так, — пожал плечами Ленья.

Через несколько минут они позвали бабушку:

— Готово, хозяйка! Работу принимай... Замок-то вам не высокова-то?.. Ну, сами так захотели! Вот, закрывается на два оборота... и обратно, значит, тоже на два. Дверь отличная — никакой приступ не страшен!

Бабушка смотрела на него, но только качала головой и ничего не могла взять в толк. На прощание Игорь вложил второй ключ в маленькую Ленину ладонь:

— Держи, мужик! Это дубликат называется. И не теряй.

Бабушка была не в себе до самого вечера. Только дождавшись припозднившегося деда и осыпав его всеми возможными придирками, она по-немногу отошла.

Больше двух недель Анатолькиного голоса совсем не было слышно. На время он стал тише воды ниже травы. А позже, подкрадываясь к новым скандалам, сначала озирался и примерялся, чтобы не встретить внезапный отпор от какого-нибудь нового Игоря.

2.

Бесконечно тянулась сырая вязкая поздняя осень. День за днем уныло шли дожди, так что вся земля замесилась в грязь. Однако что-то там, наверху, все-таки происходило. Слово *перестройка* звучало от взрослых все чаще и непонятнее. Зато слово *дефицит* Леня уже понимал наглядно и отчетливо. Бабушка то и дело таскала его с собой за этими самыми дефицитами, и время от времени он становился *вторыми руками*, в которые можно заполучить что-либо ценное. Но для этого ему надо было долго и терпеливо стоять, не вертясь под ногами, а только хорошо запомнив нужные ноги в потертых туфлях или в грязных сапогах, с сумкой, постиранным пакетом или растянутой авоськой. И медленно-медленно двигаться в этой душной тесноте. Да еще и мама так давно не приходила! Говорят, она болеет и ее *положили*, и поэтому она не может повидаться с Леньей. А отец сам находит вечные отговорки. Леня, как и все вокруг, стал сильно ждать снега — со снегом сразу станет легче.

В этот вечер дед пришел домой с каким-то особенным взглядом — немного растерянным и как будто по-новому оглядывающим квартиру. Леня уже знал, что совсем скоро деду предстояла пенсия. Правда, ему оставалось еще несколько рабочих смен. Но дед уже со всеми договорился, отработал заранее и на эти самые последние смены выходить не стал, чтобы *не дразнить гусей*. Скольких его товарищей заваливало в их последний выход! Вызволить живыми успевали далеко не всех. Видно, эти самые подземные гуси не пускали.

— Ну, чего встал? — сразу накинулась на него бабушка. — Разулся, так проходи уже!

— Эх-х, третья моя шахта... и последняя теперь, — сиротливо вздохнул дед.

Бабушка принялась, но ничего подозрительного, видимо, не учуяла.

— Все — отработал, значит? Лодырь ты теперь?

— Как ты, что ли? — вполголоса огрызнулся дед. — Иди, шастай по своим магазинам!

Бабушка не нашлась, чем ответить, и решила пока затаиться. Она окинула взглядом Леню, видно, хотела что-то скомандовать, но передумала.

— Ладно, тут посидите. *Щи* вон в кастрюле, — бросила она напоследок и закрыла дверь снаружи.

Ужинать дед не стал. Не включил телевизор. Не взял за газету. Все привычные дела стали вдруг совсем непривычными. Он сидел и напряженно думал, представляя, как там сейчас в шахте, кто ползет по проходу вместо него, кто первым даст сигнал на перекур и кто сделает главную выработку. Леня молчал.

Дед погладил его по макушке, стараясь улыбнуться.

— Мамка-то знаешь где твоя? — Дед оглянулся, будто кто-то мог их подслушать.

Леня мотнул головой.

— Сестренку тебе рождает или братика.

Леня удивился, а потом вдруг сильно обрадовался. Так сильно, что захотелось прыгать и кувыркаться. Он побежал вдоль комнаты. У него! Будет сестренка! Или братик! Но сестренка — лучше.

Он то и дело оказывался у одной, другой, третьей стенки, а радость все не унималась.

— Деда, а давай поборемся? — протянув руку, с восторгом предложил Ленья. — Ну давай, а?..

Они с дедом уже несколько раз боролись на полу, застеленном ковром. Дед ложился на спину, а Ленья забирался сверху. Обычно после веселой возни он «побеждал», по очереди прижимая к полу то одну, то другую дедову руку.

Несколько недель назад, пока внук праздновал свою очередную победу, дед вдруг почувствовал, как тесно становится его сердцу и как мало воздуха в комнате, но, отдышавшись, вскоре перемогся. Правда, после этого на пол он уже не ложился — говорил, что сильно устал. Но сейчас и эта радость внука, и охота сдвинуть с места свою новую, нерабочую жизнь так захватили его, что он согласился побороться.

Ленья тут же с веселым и яростным рыком набросился на него. Выскользнуть из захвата. Головой в бок. Держать, держать, не выпуская, эту большую взрослую руку. Ленья смеялся и рычал, рычал и улыбался. Вдруг рука деда сжала его сильнее, так что Ленья едва не вскрикнул, — и разом ослабела. Дед захрипел. Это, конечно, могло быть хитростью, поэтому Ленья не стал выпускать его. Но вдруг все дедово тело судорожно дернулось, и он с отчаянной мукой застонал. Лене стало ясно, что это всерьез, он тут же выпустил руку и слез с него. «Деда, деда?» — тонким голосом, будто входя в жуткую темную комнату, позвал он. Но деда не отвечал, а его лицо покрывалось пятнами. Ленья встал и кинулся искать выход. Он нарочно прыгал и громко топал по полу, но снизу, от ставшего вдруг таким нужным Анатошки, не донеслось ни звука. Залез на подоконник, пытаясь докричаться с третьего этажа в приоткрытую форточку. Но там, за окном, никого не было, только дождь стучал по стеклу.

Телефон, вспомнил Ленья. У соседей есть телефон! Но через стену не достучаться. Надо как-то выйти из квартиры. Ленья волоком притащил табуретку с кухни и прислонил к двери. Дверь хорошая — ее же Игорь поставил и ключ ему отдал. Должна же она... Ну пожалуйста!

Ленья встал на табуретку, чувствуя, как она шатается под ним. Вот и замочная скважина. Он вставил туда ключ и обеими руками повернул. Раз и два. Дверь распахнулась, и Ленья едва не рухнул вместе с покачнувшейся табуреткой, но вовремя уцепился за косяк. Спрыгнул вниз на площадку. Стал стучать в соседскую дверь. Но там очень громко разговаривал телевизор. Так его никто никогда не услышит. Надо как-то дотянуться до звонка и нажимать, нажимать, нажимать, пока не откроют. Он вытащил табуретку, краем глаза заглянув в большую комнату. Оттуда донесся одинокий глухой стон. Одна нога деда ровно лежала на полу, а другая согнулась в колене. Ленья подставил табуретку, но было все равно слишком низко. Заколотил в чужую дверь изо всех сил: «Ну кто-нибу-у-удь! Тео-о-отя Тома-а-а... дядя-а-а как тебя...» Табуретка сильно закачалась, и он бы точно грохнулся вниз на бетон, но кто-то вдруг подхватил его сзади.

Ленья устало повернул голову и при свете тусклой лампочки узнал Анатошку.

— Деду плохо? — спросил он Леню.

Леня беззвучно кивнул. Анатолька стал настойчиво звонить в дверь. Через минуту открыла соседка, тетя Тамара, с круглым, будто всегда чуть опухшим лицом:

— Тебе чего?

— Деда... Плохо ему, — сквозь рыдания выговорил Леня.

— Сейчас скорую вызову. Как ты до звонка-то дотянулся?

Леня повернул голову — Анатольки позади него не было.

Соседка подняла красивую красную трубку и вызвала скорую, дважды громко повторив их адрес.

— Теперь ждите. К моей-то свекрови на той неделе почти сутки ехали.

Но в этот раз доктора добрались быстро. Раскрыли деду рот, что-то проверили и поспешно унесли его на носилках. В сумерках у подъезда светились отблески «мигалки».

И бабушка, и внук точно знали, что рано им сегодня не уснуть. Про деда не говорили. Телевизор был включен, и они наперекор всему долго ждали *интересного кина*. Но фильма все не было. Долго-долго выступали громкие дяди в костюмах — депутаты Верховного Совета. Они все время спорили и перебивали друг друга.

«У соседей, кроме телефона, еще и телевизор цветной, — подумалось Лене. — А что толку — кина-то все равно нет».

Свет фар со двора заползал в их окна. Бабушка встала с дивана и гневно зашептала.

— Скорей бы, — повторяла она, — скорей бы Гонец Цвета!

Леня вдруг точно вспомнил, когда такое слышал. Но сейчас он не спрятался от нее под одеяло. Сейчас он мог ей ответить. Мог возразить. Вопреки всем этим крикливым дядькам в телевизоре, которые брались говорить и никак не могли остановиться.

— Не надо! — громко сказал он.

Бабушка удивилась. Отступила от окна.

А он встал и пошел за ней, повторяя:

— Деду обратно привезут. И мама за мной придет. Поняла?

Бабушка, не отвечая вслух, отходила из большой комнаты в узкий коридор, а оттуда в темную спальню, будто пытаясь где-нибудь укрыться от него, как затравленная дичь от настырного охотника.

— И Гонца Цвета не будет, не будет, не будет!

Слова стали глухими и тяжелыми. Бабушка бессильно опустилась на край застеленной кровати и сидела так, не поднимая головы. Только ее острые плечи чуть заметно вздрагивали. Будто бы Леня, ее родной внук Леня, этот маленький бледный мальчик, вдруг обрел над ней такую же грозную власть, какая раньше была у подпольного соседа Анатольки. И, ощутив это, Леня как никогда сильно удивился и перестал повторять одни и те же слова. Он понял, что не так ее расслышал. Но все это говорила не она сама, а огромный страх внутри. Леня улыбнулся и осторожно провел рукой по ее опущенной седой голове. Он уверился — конца света не будет.

За окнами дома над всем городом и поселком, над больницей и роддомом волшебными крупными хлопьями летел снег.

Мария БЕРДИНСКИХ

МОНСТРЫ ПРИШЛИ

Р а с с к а з ы

Ненастоящая мисс

— Проси, что хочешь. Все исполнится, — сказал Андрей. Обычно он напоминал мне запертый шкаф — красный, полированный, крепко стоящий на изогнутых толстых ножках. Но сегодня одна створка тихонько открылась и приятно заскрипела, намекая, что внутри — миллион разных сокровищ. Только загляни!

— Сколько желаний можно? — уточнила я. В детстве я читала много сказок, а там безудержное исполнение желаний к хорошему не приводило. Надо было обговорить все условия заранее.

— Одно! А то останешься у разбитого корыта.

Я села по-турецки и натянула растянутый свитер на ноги. У меня не было швабры, и я мыла пол, ползая по нему как придется, отчего мои колени были красными и ободранными. Перед Андреем хотелось их прикрыть. Я помолчала, делая вид, что размышляю над его предложением. Он развалился на диване и настойчиво тыкал пальцем в пульт от телевизора. Одна батарейка выпала и закатилась куда-то еще неделю назад, но я не собиралась ему об этом говорить. Пусть помучается.

— У тебя пульт не работает.

— Серьезно? Как жить теперь? «Поле чудес» даже не посмотреть!

— Надо новый купить.

— Телевизор?

— Пульт! На Мальшева есть киоск с пультами. Сходи и купи. Или давай я кого-нибудь попрошу.

— Обязательно! А то без телевизора нам даже не о чем поговорить.

Он на секунду замешкался, но решил сделать вид, что мое замечание его не обидело.

— Надумала желание?

Обычно я была с ним добрее. Ведь в процессе его ухаживаний мы подружились. Не настолько, чтобы он не пытался меня поцеловать, но

оставаться наедине я уже не боялась. Поначалу его квадратные плечи и телохранитель, который доставал пистолет и забегал перед нами в подъезд, приводили меня в ужас. Телохранителя звали Сашка, и он был неплохой парень, только щупленький. Я все хотела намекнуть Андрею, что в случае чего телохранитель не сможет закрыть его своим телом, так как в два раза тоньше.

На конкурсе, где мы познакомились, он был один. По крайней мере, Сашку я не запомнила. Видимо, туда, где светло илюдно, того не брали. На сцене кружил смерч. Все хотели затянуть в свою воронку победительницу. Шпилька, которой на мне закрепили корону, втыкалась прямо в голову, щеки свело от трехчасовых улыбок, и я очень хотела, чтобы все побыстрее закончилось. Нужно было срочно позвонить маме с папой и закричать в трубку, что я победила. Именно в этот момент кто-то оттеснил моего научного руководителя, чтобы вручить мне громоздкий букет с торчащими бордовыми розами. К целлофановой упаковке степлером была пришпилена визитка. Меня это взбесило. Хочешь поздравить? Встань в очередь и жди. За научным руководителем стоял мой преподаватель по теории государства и права и однокурсники с букетиком тюльпанов. Розы я отдала девочке, которая заняла второе место, а шкафообразного мужика забыла.

Через два дня он позвонил мне на домашний телефон и пригласил в ресторан. Я отказалась. Он звонил каждый вечер. Чтобы отвязаться, я согласилась прийти к нему на встречу вместе со своей однокурсницей Луизой. Мне казалось, что если я буду с подружкой, то ничего страшного не случится.

Так как свидание должно было стать последним, то я выбрала все самое дорогое в меню и два десерта — крем-брюле и наполеон. Очень скучала по маминому наполеону с орехами. В Екатеринбурге вообще была проблема со вкусными пирожными. Луиза опростоволосилась. В ресторане все было белое с золотым, а она заказала борщ. Даже я умела его варить, сверяясь с рецептом, который мама отправила мне на пейджер. Я представляла, как она диктует рецепт девушке-оператору: «В конце добавить дольку лимона», и мне становилось тепло, как будто мама была рядом.

Я так объелась, что перестала выделяться и стала спрашивать Андрея о книгах. Это был контрольный вопрос. Он честно сказал, что сейчас читает мало, а в юности ему нравился Ремарк. Так мы и подружились.

Андрей был помешан на конкурсах красоты. Ездил на финалы всех главных конкурсов в Москву и Питер.

— Зачем ты это делаешь? — спрашивала его я.

— Нет времени знакомиться, одна работа. Это же надо ходить куда-то, искать, ухаживать. А на конкурсе все девушки уже отобранные. И приходят с определенной целью.

— Какой?

— Найти богатого мужика.

— Прямо все?

— Процентом девяносто. Иначе какой смысл?

— А я?

— Ну, ты вообще ненастоящая мисс! «Мисс Студенческая Россия» — это что вообще за конкурс?

— Ты ничего не понимаешь, у нас даже олимпиада была перед конкурсом. Только самые умные прошли.

— Вот и я про то же. Хорошо, что в России столько красивых девушек, что среди них есть даже умные!

Между своими романами он делал попытки стать моим парнем. У него не получалось. Я никак не могла в него влюбиться. Легкость, с которой он расплачивался в ресторанах и менял девушек, меня не опьяняла, а отрезвляла. Эйфория от туфель «Дольче и Габбана», которые он купил мне, когда я сломала каблук, отплясывая вместе с ним на вечеринке в ирландском пабе, сменялась стыдом. Он относился к людям как к своим слугам и был помешан на православии. Периодически доводил официантов заявлением о том, что не ест скоромное, имел своего личного духовника и с важным видом размышлял о нравственной чистоте русского народа.

Как-то летом мы случайно зашли в церковь. У меня не было ничего, чтобы покрыть голову, и я взяла первый попавшийся платок из корзинки в притворе. Андрей посмотрел на меня и сказал, что я выгляжу нелепо. Я была одета в голубое льняное платье, а платок был красным с геометрическим черным узором. Мне казалось, он пошутил. Но он пошел и перерыл всю корзинку, чтобы вручить мне синий шифоновый шарф в белый горошек. Он помог мне его завязать, удостоверился, что я хорошо выгляжу, и начал прокладывать дорогу поближе к алтарю. Мы попали прямо на службу. Батюшка говорил что-то речитативом, а невидимый хор подпевал ему нежными девичьими голосами. Было очень тесно. Андрей тащил меня за руку, оставляя позади ветхих маленьких старушек, мам с дочками в линялых ситцевых платьях и мужчин без возраста, которые стояли в полупоклоне так, что не было видно их лиц — только склоненные головы. Пробираясь, я видела впереди только его квадратные плечи. В этот момент я поняла, что никогда с ним не буду. Не смогу.

Все продолжалось как раньше. Он звал меня в новый ресторан поесть суши или резиновых осьминогов. Почему-то в 2001 году в Екатеринбурге водились только резиновые. Я наряжалась. Мне нравилось слушать комплименты, жалобы на корысть «настоящих» победительниц и советовать знакомиться с девушками в библиотеке. Ему просто нравилось на меня смотреть. Казалось, стоит ему чуть-чуть поднажать, и мы будем вместе. Иногда мне тоже этого хотелось. После того как я час тряслась в промерзшей маршрутке или неделю ела только тушеную капусту, желание решить свои проблемы таким легким способом было особенно сильным. Но потом я вспоминала про церковь и представляла наше будущее.

Вот мы женимся и едем в свадебное путешествие в Испанию, где у него свой дом. Мама с папой рассказывают всем, что я очень удачно вышла замуж, и ставят мысленный крестик в графе об устройстве моей судьбы. Вот я оканчиваю институт и сижу дома, потому что работать за гроши не имеет смысла. Вот я рожаю ребенка. Андрей дарит мне кольцо с огромным бордовым камнем и абонемент в спортзал. После родов я потолстела и уже не соответствую его статусу. Вот он едет в командировку в Москву и покупает билет на конкурс «Мисс Россия», чтобы посмотреть на красоток в купальниках, которые еще никого не рожали, а просто натянуто улыбаются

и беззаботно идут по бесконечному подиуму. Вот он сидит на кровати в номере Хилтона с «мисс Рязань» и, делая ей знак помолчать, отвечает на мой звонок. Говорит, что устал и соскучился. Очень устал и очень соскучился. От «мисс Рязань» несет лаком для волос и сладким фруктовым дезодорантом, а от него пахнет кедром и мускусом. Я подарила ему селективную туалетную воду на годовщину знакомства. «Мисс Рязань» спрашивает: «А чем ты занимаешься?» «Мисс Рязань» хлопает в ладоши, когда официант на тележке привозит заказанную в номер еду. «Мисс Рязань» говорит: «От тебя вкусно пахнет». Они целуются. Когда они ложатся на кровать, то он придавливая ей локтем волосы. После всего он дает ей заранее приготовленный конвертик.

Андрей вел себя как властелин вселенной даже на моем продавленном диване. Что он хотел, чтобы я пожелала? Кашемировое пальто «Макс Мара», плату за квартиру на год вперед, билеты на концерт «Би-2», от которых я фанатела? Мне стало горько, как будто я случайно хлебнула очень крепкого чая без сахара, который он заваривал для себя в моей розовой кружке с надписью «С 8 Марта!».

— Я хочу, чтобы ты ушел.

— У тебя это дело, что ли? Ты какая-то нервная сегодня.

Дверка шкафа захлопнулась, и кто-то провернул в ней тяжелый железный ключ.

— Ты же сказал, что исполнишь мое желание. Я хочу, чтобы ты ушел.

Он ушел, и я не пошла его провожать. Без него стало очень просторно. Как будто кто-то вынес всю лишнюю мебель, которая загромождала комнату. Все эти серванты с пыльными застекленными витринами и старомодным хрусталем, нелепые старые ковры и коричневые стулья, обитые потрескавшимся дерматином, — все пропало. Остались только яркие пятна на выцветшем линолеуме. Надо было подготовиться к экзамену, заплатить хозяйке за квартиру, зашить колготки и пойти на институтскую дискотеку. Надо было жить своей настоящей жизнью.

Недели через три я сидела дома и зубрила уголовное право. Я была на тридцатой статье УК, когда кто-то стал трезвонить и стучать в дверь. Почему-то я подумала, что пришел Андрей. Я отложила учебник и, продолжая бормотать, потащила к двери. «Не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния...» Я верила в приметы и не мыла голову перед экзаменом. Волосы были грязными, а я сама уставшей и замызганной — в пижамных штанах и растянутом свитере. Мне не хотелось разбираться и выяснять отношения, стоя на пороге в таком жалком виде, но не открыть я почему-то не могла.

На пороге стоял не Андрей с цветами, а Луиза. Она была в валенках и в чужом пальто на два размера больше. Пальто было застегнуто на неправильные пуговицы, отчего у нее был в целом какой-то перекошенный вид. Она обняла меня и заплакала. Луиза была склонна к переживаниям по пустякам, поэтому я тоже обняла ее и постаралась затащить в прихожую. Мне не хотелось выслушивать жалобы на ее парня и отсутствие нормальной одежды вместе с соседями.

— Почему, почему ты не брала трубку? — закричала она на меня, когда я закрыла дверь. Луиза села на пол и заплакала. Фраза «ведешь себя, как будто кто-то умер» застряла у меня в горле. Я сбегала, принесла воды, села рядом и стала гладить ее по голове.

— Луизочка, Луи, Луиджи мой любимый, ну что случилось-то? Я уже не знаю, что думать!

— Я думала, что это ты, понимаешь? Подумала, что это ты! Звоню, а ты трубку не берешь!

— Луи, ты о чем?

— Андрея убили. В подъезде его дома. Вместе с девушкой. В газете не было написано, с какой. И фоток не было. Я побежала к вахтеру, звоню тебе на сотовый, ты трубку не берешь, а домашнего наизусть я не помню. Забежала к девкам на первом этаже, попросила одежду взаймы и побежала к тебе.

— Какая газета?

— «Вечерний Екатеринбург». Хотела посмотреть, какое кино идет в «Салюте».

Это было какой-то ошибкой. Зачем кому-то убивать его в подъезде? Уже ведь не девяностые.

— А девушка?

— Непонятно. Телохранитель вроде умер. А про девушку непонятно.

Я могла говорить, дышать, чувствовать сквозняк, а Андрей умер. И Сашка. Надо было что-то делать, но я не могла встать с ледяного пола. Я прижалась к Луизиному боку, чтобы согреться.

— Я знаю, что ты дома у него никогда не была, но вдруг! Вдруг бы это была ты! — прошептала Луиза, снимая пальто и накидывая его мне на плечи.

Я врала. Я была у него дома. Мы целовались, и, когда я леглась на бежевое мягкое покрывало, он случайно придавил мне локтем волосы. Боль меня отрезвила. Я начала его отпихивать, закричала: «Слезь с меня» — и убежала. На следующий день он пришел ко мне домой, заварил себе чаю и предложил исполнить любое мое желание.

Почему-то я не могла плакать или кричать. Мне было холодно. Луиза укрыла меня одеялом и всеми теплыми вещами, которые были в доме, и убежала в круглосуточное интернет-кафе. Минут через сорок она вернулась и сказала, что девушка, которая была вместе с Андреем, выжила. «В стабильно тяжелом состоянии», — ответили нам в больнице, когда мы туда дозвонились. Мы обе ее знали. Она заняла второе место на том конкурсе, где я победила. Она училась в другом институте, мы не дружили, но на конкурсе именно ей я отдала большой букет с бордовыми розами, к которому была прикреплена визитка Андрея.

Называл ли он ее ненастоящей мисс? Ходил с ней в церковь? Предлагал исполнить любое ее желание? Почему-то я думала об этом, а не о смерти и похоронах, на которые мне придется пойти, а потом жить дальше. Как-то жить дальше.

Сережкина свадьба

Через месяц после Сережкиной свадьбы я случайно встретила ее на остановке напротив, когда ждала троллейбус. Я как раз металась, чтобы найти угол, которого не видно из окна нашей квартиры. Боялась, что мама меня засечет. После двух недель ангины я поклялась ей, что не буду ходить с непокрытой головой до плюс пятнадцати градусов.

Но мама ведь ничего не понимала! Как можно таскаться в шапке, когда уже конец марта и все нормальные люди ходят с голыми шеями и распущенными волосами? Обычно я запихивала шапку в рюкзак в подъезде, но сегодня меня спугнула наша соседка тетя Люда. Тетя Люда работала в комиссии по делам несовершеннолетних.

Я боялась, что под шапкой волосы примнутся и на школьный конкурс чтецов я приду с помятой макушкой. Маме про такие страхи лучше было не рассказывать. Она сказала бы: «Да кто там на тебя смотрит?» — или: «Кому ты там нужна?» — или: «Заплела бы лучше косичку». Проще было поговорить с телевизором. Телевизор просил, чтобы я поделилась своей улыбкой, и убеждал, что я победитель, если у меня есть печенье «Вагон Вилз» (у меня как раз было). Его случайные реплики были больше в тему, чем мамины восклицания.

Я уже протягивала руку к шапке, чтобы стащить ее и сделать вид, что так все и было, как увидела Сережину жену. Сережка был моим троюродным братом. Он работал инженером на заводе. Я не совсем понимала, что именно делают инженеры. В моем воображении это было какое-то дело, связанное с трубами. Может, он проектировал трубы, а прокладывали их уже особые трубные специалисты? Я забывала спросить про это Сережку, потому что когда он к нам приходил, то мы играли вместе с ним и с папой в карты или смотрели индийское кино. Я боялась, что вопрос про профессию мог сбить его с настроем изображать Зиту и Гиту или не замечать, что я жульничаю в японского дурака. Сережка был уже совсем взрослым. «Старый парень», — говорил про него папа.

Мы думали, что он так и останется холостяком, но однажды позвонила его мама и пригласила нас на Сережину свадьбу. Представить Сережку женатым, покорно таскающим мерзлую картошку и банки с огурцами из овощной ямы, было сложно. До этого я ходила на свадьбу только в деревне, вместе с бабушкой. Для детей там был отдельный стол, уставленный салатами (в «зимний» в связи с нехваткой горошка положили кукурузу) и подносами с криво порезанными огурцами.

Все мужики, включая жениха, веселились и напивались. Все женщины были напряжены, так как должны были следить, чтобы их мужья не перепили, а потом громко материться и пилить пьяных. Я была в восторге!

Папа уехал в командировку, и мама решила взять на Сережину свадьбу меня. В кафе с одной стороны у меня предсказуемо оказалась мама, а с другой — молодая семейная пара, которая притулилась ко мне боком по мужу. Муж подливал мне морс и смешно шутил, но минут через двадцать жена начала ему выговаривать, чтобы он не позорился и не при-

ставал к девочке, которой всего шестнадцать! Я машинально повернулась к ним и хотела сказать, что мне пятнадцать, но мама наступила мне под столом на ногу и шепотом велела смотреть в другую сторону.

Я послушно посмотрела на жениха с невестой. Хмурые, чернобровые, нарядные — они казались очень гармоничной парой. Хотя Сережка был незнаком. Черные усы и живот были при нем, но он вообще не улыбался. Он ел, пил, сидел и вставал, когда кричали «горько», и все это — с лицом человека, который едет в семь утра к зубному. Я не понимала: почему? Это же самый прекрасный день в его жизни! Невеста ела фаршированное яйцо и тоже была сосредоточенна. Это было похоже на какой-то заговор. Жених с невестой были самыми серьезными людьми на всем празднике. Наверно, с Сережкой провели подготовительную работу, чтобы он вел себя достойно, а невеста не веселилась, чтоб никто не понял, как она счастлива. Ведь ее платье было ослепительно белым и таким широким, что, когда она входила в дверь, кринолин сплющивался по бокам и после расправлялся.

Через шесть месяцев Сережка стал папой, и еще до этого мы узнали, что жениться его заставила собственная мама, которая хотела, чтобы все было по правилам. Невеста, наверно, боялась, что Сережка что-нибудь выкинет, и поэтому сильно не радовалась.

Это была моя первая свадьба после того, как я стала взрослой, и я еще не подустала от того, что потом мне стало казаться глупым: плакатов, нарисованных от руки, тамады с крикливым голосом и дурацких конкурсов. Гости толпились в очереди, дарили утюги и фены и нудно зачитывали поздравления, напечатанные на открытках. Все это веселило меня и наполняло тревогой одновременно.

Когда я увидела Сережкину жену на остановке, то мне снова стало беспокойно. Со свадьбы прошел уже месяц, она была одета в обычные черные брюки и темную кожаную курточку, но казалось, будто она по-прежнему в платье с широким кринолином. В отличие от меня, метавшейся по остановке, она была наполнена спокойствием и уверенностью. Все главное в ее жизни уже сбылось. Она вышла замуж в белом платье, и дома ее ждали два подаренных утюга, которые она решила никому не передавать, — на случай, если один сломается. Ее будущее казалось мне предсказуемым и почему-то заманчивым. Глядя на то, с каким достоинством она заходит в подъехавший троллейбус, я поняла, что завидую. Все у нее было по-человечески, как сказала бы моя мама. Меня же ждал конкурс чтецов, не сданные в библиотеку книжки и туманное будущее, в котором белое платье с кринолином мигало мне как маяк, указывая дорогу к правильным поступкам.

Я быстро сняла шапку и запихала ее в полиэтиленовый пакет со сменкой. Наваждение прошло, и собственная жизнь с распущенными волосами, миллионом возможностей и перспективой постоянно разочаровывать маму снова стала казаться мне вкусной и притягательной, как двухцветное эскимо на деревянной палочке, которое я так любила есть на ветру и без шапки.

Когда через пятнадцать лет я выходила замуж, то у меня не было ни тамады, ни плакатов, ни Сережки в качестве гостя. Мы давно не общались.

Он развелся с женой, но почему-то не смог снова стать веселым. Зато у меня был жених, крепко державший меня за руку, и белое платье с пышной короткой юбкой. Когда мы заходили в ресторан, то юбка сплющилась с боков, и я вспомнила Сережкину свадьбу, которая казалась мне прекрасной и тревожной, как и любая мечта о взрослой жизни.

Лечь в лужу

Мне хотелось лечь в лужу. Быть невидимой и лечь в лужу. Если лечь как есть, то люди начнут меня дергать. Спрашивать: «Девушка, вам плохо?» Толпиться и передавать друг другу: «Там женщине плохо». Лицо будет наполовину в воде. Будет не совсем понятно, как меня правильно называть: девушкой или женщиной? Идущие в «Красное и Белое» недалеко от лужи будут интересоваться: «Девушка, вы пьяная?» Все пьяные женщины становятся девушками независимо от возраста. По крайней мере, для самих себя точно.

Я не была пьяной. Я пила только горячий черный чай с мятой. Две кружки. Две ложки сахара. После этого вышла из дома — и мне захотелось лечь в лужу. В луже плавали большие желтые листья, упавшие с дерева, породу которого я забыла. На вершине красной пластмассовой горки школьники шуршали упаковками с чипсами. Когда они открывали литровую бутылку с колой, то она вспенилась и облила половину обшарпанной горки. Дети заверещали, сняли куртки, подложили их под попы, чтобы было не сыро, обжились и стали похожи на положительных строителей из советских фильмов, которые в обеденный перерыв едят булки и пьют кефир из треугольных пакетов прямо на стройке.

Осень была нежной и напоминала прикосновение мягкого флисового шарфа. Осенью все шарфы, еще не выпустившие зимние колючки, расцветают осенними цветами — бархатцами из бабушкиного палисадника. А все люди скукоживаются и засыхают. Предчувствуют сезон зеленых соплей и задубевшей на морозе кожи. Осень — время расцвета шарфов и увядания людей. Можно будет додумать эту мысль в луже.

Лужа казалась приятно прохладной. Хотелось лечь в нее — с телефоном и сумкой. Телефон будет рад отдохнуть от моей болтовни в ватсапе и сразу пойдет ко дну, а сумка станет пузыриться на поверхности вместе с бумажками из карманов плаща — обрывками чеков, скомканными носовыми платками с прилепленной жвачкой и использованными билетами в кино. Ключ от дома с длинным брелоком в виде нанизанных друг на друга разноцветных кубиков заплывет под плечо, уткнется в него и будет напоминать о том, что в любой момент я могу встать из лужи и вернуться домой. Будет шептать мне: «Сашка, вставай, пошли домой».

Еще хорошо бы начал моросить дождь. Можно будет жалеть себя и плакать прямо в лужу. Только я разойдусь, как начнут приходить навязчивые мысли.

Первая придет в виде председателя ТСЖ — монументальной бабули из соседнего подъезда. Я почувствую ее осуждающий взгляд даже сквозь листья, которыми меня присыпало. «Из сорок второй?» — спросит она

меня. «Я же невидимая», — скажу ей я. «Разлеглась она тут. Прямо в луже! За коммуналку не плочено, а она лежит!» — «Всего за два месяца. Мы заплатим». — «Сначала за два, потом за полгода. К Яковлевым из восемьдесят четвертой уже приставы приходили. А тоже поначалу в луже лежали, расстраивались». — «Всей семьей?» — «Он — менеджер, она — бухгалтер и мальчики — близнецы, девять лет, никогда не здороваются. Я им говорю: повезло, что вы невидимые в луже лежите, а то я бы в опеку сразу позвонила!»

Бабуля уйдет, тяжело ступая и шаркая, а за ней появится Алена, мой тренер по йоге в гамаках. Ей я обрадуюсь, но она скажет механическим голосом: «Срок действия вашего абонеента истек, будете новый покупать или разово? Абонеент — выгоднее». Я скажу ей: «Разово». И Алена растает вместе с ковриком для йоги, скатанным в трубочку. Мне ненадолго захочется в гамак, в самый конец занятия, когда Алена зажигает свечи, выключает свет и старательно раскачивает наши гамаки, как качели. Но я вспомню, что из восьми занятий абонеента сходила только на три. Ярослав болел, доделывала отчет на работе, а потом не было сил.

Следом придет сотрудник банка в белой рубашке. Лицо будет видно расплывчато, но голос будет приятным. Он предложит кредит на мечту, которую я хочу исполнить. Я скажу ему, что мечтаю о том, чтобы мне не звонили из банков, и спрошу: «А у вас какая мечта?» Он ответит: «Получить премию!» — и уйдет.

Дальше появится мой директор, но изображение будет мутным и без звука, как будто кто-то отключил его микрофон во время совещания по зуму. По губам я прочитаю, что наше подразделение недовыполняет план на один процент, поэтому квартальной премии можно не ждать.

После директора появится целая очередь в детскую поликлинику. У всех будут талончики на прием к педиатру на одно и то же время. Сначала дети станут вопить, а взрослые ругаться между собой и спорить, кто за кем занимал, а потом вместе дадут отпор бабушке, которая захочет пролезть с внуком без очереди. Я очень от них устану, поэтому поверну голову в другую сторону.

На другой стороне будет толпа. Люди будут стоять неподвижно, как в ужастике, когда они уже превратились в зомби, но еще не кинулись на бегущего главного героя из-за своей зомби-заторможенности. Мне станет страшно, но я понадеюсь на магические свойства лужи, поэтому подогну под себя ноги, чтобы они тоже были в воде. Сначала от толпы отделится робкая учительница Ярослава и скажет: «Он опять лежал под партой на русском». К ней подойдет замученная завуч с черными бровями и с чувством произнесет долгую речь, из которой я уловлю только слова: педагогический процесс, коррекция и комиссия. Вперед выйдет женщина-психолог с сочувствующим взглядом. В руке у нее будет коробка с бумажными носовыми платками и квитанция о плате за прием. Коробка упадет в лужу, забрызгает ожидающих недозомби, и они разбегутся.

Убегая, детский стоматолог будет кричать мне про рассрочку на керамические брекеты за девяносто пять тысяч рублей. Родители одноклассников Ярослава будут хором что-то скандировать. Школьная медсестра

не уйдет вместе со всеми, а останется, прижмет руки к груди и скажет: «В пятом классе — и залез в шкаф! Охранника звали выволакивать. Обычная прививка — реакция манту». Она растает, а я буду думать про то, что я плохая мать, которая мысленно лежит в луже. Надо вернуться домой, накормить Ярика вчерашней едой, заставить его сделать уроки, спросить про прививку, перезвонить по поводу брекетов и не заорать, как меня это все достало.

Я пытаюсь не думать о плюс трех килограммах на весах, ипотеке, которую надо платить еще восемь лет, когда вдруг вижу перед собой Ярослава. Его шапка натянута на глаза, и из-за этого у него жалкий вид, как у сиротки из четырехчасового фильма по каналу «Россия». Ярослав протягивает мне записку и спрашивает:

— У тебя попа не замерзла?

Все время мечтания о луже я сидела на детской железной качельке. Я разворачиваю листочек, выданный из тетрадки по математике, и читаю вслух: «Мама, ты — мой лучший друг! Твой сын Ярослав». Я говорю:

— «Лучший» — сам написал или погуглил?

— Сам, только потом в интернете проверил, чтобы наверняка. Мама, я рис сварил. Помешал, чтобы не слипся. Может, пойдём рис поедем? Я еще сосиски искал, но не нашел. Сходить за сосисками?

— Папа сходит, сейчас ему позвоню.

— Мама, я ведь не специально под парту.

— А почему?

— Просто Паша матерился, девочки бросались записками, Артем тыкал ручкой Севу, а учительница все время кричала: «Тихо, тихо!» Понимаешь? Поэтому я забрался под парту, чтобы ничего этого не видеть.

— Может, ты будешь забираться туда мысленно? Помнишь, мы с тобой обсуждали?

— Ну, я еще не до конца отработал, я вроде хочу мысленно, а получается по-настоящему.

— А с прививкой что?

— Страшно стало. Там девочка передо мной в обморок упала. Я подумал, что они специально что-то вкалывают детям, чтобы те падали и превращались в кого-нибудь неживого.

— Девочка в кого превратилась?

— Так я не стал дожидаться и спрятался в шкаф.

— Разумно.

— Вот ты же меня понимаешь, а они почему нет?

Ярик берет меня за руку, как будто впереди — короткий зеленый светофор, и мы идем домой. По пути он показывает мне мою лужу и говорит, что она очень красивая, потому что в ней лучше всего отражаются облака. Мы останавливаемся у железной подъездной двери, на которой висит красный список должников за коммуналку с номером нашей квартиры. Я обнимаю своего сына, и он даже не сопротивляется.

— И ты мой самый лучший друг, Ярик, — шепчу я.

Монстры пришли

Они вошли в больницу, смеясь. Совершенно обычные мама с дочкой — невысокие, коренастые, похожие друг на друга, с лохматыми каштановыми волосами под темными вязаными шапками. Я обратила на них внимание из-за беззаботного вида. Поздней осенью в нашем городе никто не смеется. Все натягивают негреющие ломкие курточки, сутулятся и смотрят под ноги. Под ногами — глиняная жижа и застывшие лужи. От такого не хочется улыбаться.

Вот и я сидела серьезно. Мне казалось, что внутри меня все скукожилось. Хотя я всего лишь сдала очередные анализы. Ничего серьезного — кровь там, мазок.

— Залезайте на кресло, разводите ноги, потерпите. А сейчас не шевелитесь — ввожу зеркало. Одевайтесь, забор крови — в сто пятом кабинете.

Через пятнадцать минут размотаю бинт, выброшу окровавленную ватку и забуду.

— Здравствуйте, нам нужно сделать аборт, — бодро говорит мама девочки, — этот, который мини, таблетку выпить.

Девочка толчется рядом.

— Вы уже посещали нашу клинику? Назовите вашу фамилию, пожалуйста, — просит администратор.

Мама девочки снимает шапку и начинает шептать.

— Девочке?

— Да, моей дочке. Выпить таблетку нужно.

— Сколько лет вашей дочке?

— Четырнадцать.

— Мы не можем.

— Почему?

— Частным больницам запрещено делать аборт детям. Вам нужно в государственную.

«Она похожа на обычную девочку», — вот что я думаю. Троечница, которая перепила джин-тоника из жестяной банки и по глупости пошла с кем-то за гаражи. Администратор еще что-то говорит маме, и дочка, устав стоять, садится рядом со мной.

Я представляю, как мы выглядим со стороны. Девушка с усталым взглядом и подросток, дергающий нитки из своей шапки. На моих коленях — последний айфон в розовом матовом чехле, на ее — китайский ноунейм с раздолбанным экраном в трещинах. У нее есть то, о чем я мечтаю уже шесть лет, — ребенок. Он получился случайно. Она его не хотела. Она ходит в государственную больницу, выпьет волшебную таблетку и будет жить дальше — прогуливать физкультуру и пить теплое пиво, писать в дневник «у меня было с Толиком, и теперь мы встречаемся», курить с девками у школы и хамить учителям. Она забудет про таблетку. «Забей», — скажет она себе сама. «Жить половой жизнью в таком возрасте — очень рано. Но если вы будете продолжать — обязательно принимайте противозачаточные таблетки», — скажет ей гинеколог. «Выпишите, которые подешевле», — вставит мама.

Мама отвернулась от администратора и говорит дочке, чтобы та надела шапку и застегнулась. А почему же не сказала ей, что надо предохраняться, если спишь с парнями в четырнадцать лет? Волна моей ненависти, направленная им в спины, заставляет девочку обернуться прямо перед выходом. Она растерянно смотрит на посетителей и моргает, пока мама не хватает ее за рукав и не подталкивает к двери. Уходя, они уже не смеются.

Я получаю расшифровку мазка, где, как обычно, написано, что все мои показатели в норме, и вызываю такси. Сегодня к нам на ужин придут родители мужа. Мне не хочется никакого ужина. Мне не хочется ехать на вонючем такси и слушать, как водитель по имени Муходжан всю дорогу разговаривает на своем языке по громкой связи. Меня раздражают родители мужа, особенно его мама. Она опять будет спрашивать, чем я кормила ее зайчонка. От такого хочется сдохнуть.

Я нахожу номерок, сдаю его в гардероб и получаю взамен свое кашемировое пальто. Пальто успокаивает не хуже плюшевого мишки. Муходжан тоже не подводит. Приезжает куда надо, не просит, чтобы я показала ему дорогу, не включает радио и ни с кем не разговаривает ни на каком языке. «Спасибо, Муходжан, до свидания», — говорю я, выходя из машины. Муходжан — в шоке. Он молчит. За полтора года в такси в чужом холодном русском городе никто не называл его по имени. Мама мне говорила, что обращаться к людям по имени — это элементарная вежливость. Еще она говорила, чтобы я обязательно поднадевала рейтузы, а то не будет детей. Можно все себе заморозить, и не будет детей. Мама, это не помогло! Та девочка была в джинсах, из которых свисала половина попы, и она все равно забеременела. Мама, твои советы не работают!

- Ты чего стоишь перед дверью и не заходишь? Еще бормочешь!
- Задумалась. Где был?
- Майонез покупал. Как сходила?
- Нормально, все в норме.
- Здорово!
- Так у меня всегда все анализы в норме. Это ни на что не влияет.
- Может, тебе сейчас полежать немножко? Отдохни, а я тебе чаю

принесу.

Я ложусь, а потом встаю и пью горячий сладкий чай с лимоном. Муж сидит на моей половине кровати и гладит меня по не занятой чашкой руке. Хочу рассказать ему про ужасную девочку из больницы, но не могу. Я уже знаю, как все это закончится. Я буду реветь, а муж — говорить, что у нас все обязательно получится. Я уже не верю в это, как и в мамини советы, в гормоны, в таблетки, в аффирмации дня, в иглоукалывание и врача-китайца. Хотя китаец, послушав мой пульс, сказал, что у меня внутри холод и поэтому у нас не получается ребенок. Ему не выжить в моем внутреннем льду. Это похоже на правду. Я все время мерзну. Мои ноги — ледяные даже летом. Я всегда засовываю их между ног мужа перед сном, чтобы согреть. Но врач-китаец не смог растопить мой лед ни иголками, ни ужасным мраморным скребком для спины, ни даже бритвой. Шрамы от его процедур еще не зажили, а я уже перестала ему верить.

- Может, отменим ужин?
- Мы же за полторы недели договаривались.

— Ну давай перенесем на потом? Я так устала на работе, и больницы эти.

— Я сам все приготовлю. Ты только овощи на оливье порежь, я так не умею.

— Во время ужина мне тоже отдыхать?

— В смысле?

— Ну когда твоя мама начнет причитать, что квартира у нас есть, а счастья нет, мне тоже отдыхать?

— Какое счастье? Что ты мелешь?

— Детское счастье, внуков ей надо. У всех ее подружек уже внуки. Только ей не повезло!

— Слушай, ты совсем уже с этими детьми! Когда мама такое говорила?

— Если не говорит, то думает! Думает — как ее сыну не повезло!

— Да что ты! О чем ты вообще?

— Да мне надоело уже все это!

— А мне не надоело? У тебя бзик на этих детях, ты понимаешь? Ты помешалась уже на них! Бросаясь на всех! Ты же когда ребенка видишь, то тебя скрючивает всю! Думаешь, мне ребенок так нужен?

Мы оба тяжело дышим и набираем воздуха, чтобы переорать друг друга, но тут звонит его телефон. Он бросает взгляд на экран и отвечает: «Мам, привет! Да, все в силе, ждем вас. Да ничего не надо. Ну может, к чаю чего-нибудь».

Я в это время уже стою в прихожей и засовываю ноги в утги. Переодеться я еще не успела. Мне нужно только обуться, схватить пальто, сумку и убежать. Мне страшно, что муж догонит меня и мы продолжим скандалить на улице. Я ускоряюсь и натягиваю пальто на ходу. Шарф застрял в рукаве. Приду на остановку и сяду в трясущийся автобус, а он пусть празднует непонятно что со своими родителями. Интересно, что же он им скажет? Задержалась на работе? Пошла покупать годовой запас майонеза по акции? Я его достала, поэтому он меня убил и спрятал в выдвижной ящик нашего дивана?

Я наконец заматываю шарф и пытаюсь нащупать в сумке телефон. На остановке стоят люди, уставившись в свои гаджеты. Чтобы не подзаяржаться унынием друг от друга и заиндевелых мусорок, они не смотрят по сторонам. Наша районная сумасшедшая в сиреневых шлепанцах на босу ногу ни к кому не пристает, а тоже сосредоточенно смотрит в оборванное объявление. На детской площадке орут дети. На скамейке сидит женская компания и пьет пиво из пластиковых литровых бутылок. На улице — ноябрь и снег, а они изображают пикник под тополиным пухом. Иногда они отрываются от распития и вопят осипшими голосами:

— Славик, не лезь ты к ней, не пинай ты ее, мать твою!

— Анна-Мария, не ори, чего ты орешь?

Девочка в линялой розовой курточке валяется под качелями и матерится на всю остановку. Громкость ее воплей все нарастает, поэтому, оторвавшись от пива, к ней подходит женщина со скамейки. Она поднимает девочку с земли, прижимает к себе и начинает трясти на ручках, как малыша.

— Ну не ори, не ори. А сама виновата! Зачем так раскачивалась сильно? Анна-Мария, ну все, все! Давай, утрись. Сопли вон о курточку мою вытри. Головой ударилась? Крови нет? Ну все, сейчас еще посидим и пойдем за чупа-чупсами! Который с жевачкой хочешь?

Сумасшедшая всполошилась, уже всю машет своей газеткой и бредет к детской площадке. Люди с остановки оторвались от телефонов и пялятся на сопливую Анну-Марию. Мне интересно, почему ее так назвали? Хотели, наверно, чтобы в ее жизни было что-то красивое, хотя бы имя. Я так часто представляла, как назову своего ребенка, что не хочу снова думать об этом.

Надо скорее уезжать. Я залезаю в полупустой автобус и сажусь на первое попавшееся сиденье. Пахнет бензином. Кондукторша отрывает мне билет и просит девушку, сидящую у окна, передать за проезд. Та не реагирует. Кондукторша перегибается через меня и трясет ее за плечо. «Оплачиваем проезд», — угрожающе повторяет она. Кондукторская сумка из холодной пластмассовой кожи втыкается мне прямо в щеку, поэтому я невольно поворачиваюсь к девушке и вижу, что это та ужасная девочка из больницы.

— Я забыла кошелек. Можно, пожалуйста, мне до Ленина проехать? — шепчет девочка.

— Давайте я заплачу, — предлагаю я, пока кондукторша наливается ором, а девочка готовится заплакать. Я не в силах слушать завывания кондукторши. И мне неожиданно жалко девочку. Вблизи она кажется какой-то пришибленной — красные глаза, веснушки на переносице и голая шея из-под потрескавшегося воротника курточки.

— Спасибо, — говорит девочка. Мы обе узнали друг друга и не знаем, что сказать.

— У вас такая сумка красивая, нежно-нежно-розовая, — наконец бормочет девочка, — я еще в больнице заметила. Мы утром виделись. Вы помните?

— Помню.

— Вы не подумайте, у меня есть деньги. Я правда рюкзак забыла. С мамой поссорилась.

— Я тоже с мужем поругалась.

— Почему?

— Это дело должно начаться, все бесят.

Я не спрашиваю ее, почему она поссорилась с мамой. И так все понятно. И я уже не могу ее ненавидеть.

— Ты куда едешь?

— Не знаю, просто села в первый автобус. А вы?

— До драмтеатра хотела. Там есть кофейня рядом. Пошли сходим в нее? Я тебя угощу. А потом вызовем такси с твоего телефона, я свой дома забыла. Поможешь мне.

Я жду, что она начнет возражать, но она просто говорит: «Хорошо». Это так странно, что мы встретились в автобусе и у каждой из нас есть что-то нужное другой. У меня — деньги, у нее — телефон. У меня приближение месячных, у нее — ребенок.

Автобус останавливается, и в него заходит старушка в пуховом платке. Старушка почему-то улыбается, заведя меня, и на мгновение мне кажется

ся, что она тоже попросится в кофейню. Я уже представляю нашу странную процессию в очереди за капучино на кокосовом молоке, но старушка, отказавшись садиться и горячо пожелав нам с девочкой богатых женихов, выходит на следующую.

— Такой странный день, да? — говорю я.

— Да, — отвечает девочка.

— Если бы желания старушки исполнялись, то к нам бы сейчас пришли богатые женихи, — добавляю я.

Девочка улыбается, и становится заметно, какая она еще маленькая.

— Как бы выглядел ваш жених?

— Наверно, как мой муж, только с прической принца из диснеевского мультика. Ну знаешь, чтобы волосы на лоб немножко падали. И еще чтоб у него был дом на море — в Греции там или Италии. То есть он такой зашел бы в автобус, сдул волосы со лба и стал мне фото своего дома у моря показывать! А твой?

— Не знаю. Мне не нужно никаких богатых женихов. Я хочу, чтобы монстры пришли.

— Монстры?

— Ну да, эти дни, месячные.

— Слушай, загадывай поточнее. А то вдруг реально монстры придут. Ворвутся в автобус, сжуют сумку с деньгами у кондукторши, а потом примутся за людей.

— Хорошо, я загадываю, чтобы у меня начались месячные и я не была беременна.

— А я тогда загадываю, чтобы месячные не пришли и я была беременна.

— У нас же взаимные желания! Они точно должны сбыться!

В этот момент автобус трогается, старушка за окном оглядывается и смотрит на нас.

Мы обе успокаиваемся и, не доехав до драмтеатра, выходим у трамвайного кольца и вызываем такси с девочкиного телефона. Сначала мы завозим девочку, и я прощаюсь, так и не узнав ее имени. Я успеваю за пятнадцать минут до прихода гостей. Как раз вовремя, чтобы повязать фартук и начать резать овощи на оливье. Муж обнимает меня и целует за ухом. Его мама приносит тирамису с клубникой, который приготовила сама. Муж не ест сладкого, и у него аллергия на клубнику. Это все для меня. Мне хочется плакать от своей злости и чужой доброты. Мой внутренний лед наконец тает.

На следующий день я открываю электронную почту и вижу письмо с результатами остальных анализов из больницы. Мой ХГЧ — 184. Это значит, что я беременна. Это так невероятно, что я закрываю и открываю почту несколько раз. Мне хватает десяти минут, чтобы поверить в то, что по-другому и не могло быть.

На самом деле я знаю: все получилось потому, что девочка поменялась со мной своим желанием. А это значит, что у нее тоже все сбылось. Они с мамой пришли в государственную больницу, и выяснилось: у нее просто задержка из-за гормонального сбоя. Монстры пришли.

Вера НАЗАРОВА

В НОЧЬ НА ВОСКРЕСЕНЬЕ

Р а с с к а з

— Привет, — сказал Костя. — Что ты делаешь?

— Смотри, — отозвалась девочка.

Он тоже присел на корточки. И увидел крошечную темно-серую змею, путь которой, куда бы она ни направилась, преграждала ветка. Веткой орудовала девочка.

Зрелище было занятное.

— Ужик? — поинтересовался Костя.

— Не, степная гадюка. Гадючка, — усмехнулась девочка. — Знаешь, как их отличить? По желтым пятнышкам. У гадюк вот их нет. — И ветка легонько коснулась змеи.

Костя выгянул руку...

— Не трогай! Они опасны.

Не успел он возразить, что это не змея вовсе, а червяк, раскормленный, вероятно, туристами, как девочка встала, сломала и отбросила палку и уже другим, будничным тоном произнесла:

— Ну что, идем?

Вскочил и Костя.

— Идем, — согласился он. — А куда?

— В пещеру, конечно, куда еще!

Костя оглянулся — и они с мамой столкнулись взорами. Выражение маминого лица предрекало пытки и казнь, а может, даже месяц без компьютера. Костя отвернулся.

— Только поговорю кое с кем, — предупредил он девочку.

Та понимающе кивнула.

Костя нырнул в гущу экскурсантов и уже через мгновение стоял рядом с мамой.

— Имей хоть каплю совести, — заговорила она тихо-тихо. — Мы с отцом...

— Ма, — перебил Костя, — с этой девочкой мы давно знакомы. Это... Женька. Я к ней поздороваться подошел, вот и все.

— Поздоровался? Молодец. А теперь...

— Ма, — снова перебил он, — она тут все знает. Мы сами погуляем. Не сердись, — и тут же исчез в толпе туристов.

Девочка ждала его у подножия лестницы.
 — Ты ведь не Женька? — спросил Костя.
 — Нет. А ты?
 Оба рассмеялись.
 — Я Костя.
 — А я — Анфиса. Идем?
 — Идем!
 И они понеслись вверх по ступенькам.

* * *

Когда спать очень хотелось, а обстоятельства не позволяли, Костя закрывал один глаз — и жить становилось проще. Правда, как-то на уроке истории он не заметил, как закрыл и второй, а уже через минуту на него надвигалась, грозно стуча каблуками, Анна Александровна. («Костян!» — предостерегающе ткнул его в спину Андрюха Рачков.) «Спешу тебе сообщить, Туренко, что в школе тихий час не предусмотрен, — сказала она. — Не вернуться ли тебе в детский сад?» С тех пор Костя вел себя осмотрительнее.

Но сегодня остерегаться было некого и он умывался, завтракал и даже спускался в лифте, закрывая то один, то другой глаз. И беспрестанно зевая...

— Не кривляйся, — одернул Костю отец, когда вся семья вышла на улицу. — Такое утро!

Спать уже и вправду не хотелось. Костя распахнул глаза. Да, утро было замечательное! По ярко-голубому небу скользили маленькие облачка. Дул приятный ветерок. День обещал быть ясным, но не жарким. Костя закинул за спину рюкзак — не школьный, а для прогулок и походов. «Приключения ждут!» — радостно подумал он.

На Макарьевской станции толпились дачники. Тоже с рюкзаками, в кепках и кроссовках, так что Костя и его родители легко слились с окружающими.

— Сбегаешь за билетами? — попросила мама.

Выполнять поручения Костя не любил. Когда приходила его очередь мыть посуду или выносить мусор, он делал это медленно и неохотно. Но сегодня его наполняло что-то такое, от чего хотелось бегать, прыгать и даже лаять. Костя бодро двинулся к кассе. Возникло ощущение, что мама улыбается, глядя ему вслед. Он остановился... но не обернулся и зашагал дальше.

Электричка была старая и замусоренная. Поерзав на неудобной скамье («Всю пыль собрал!» — посетовала мама), Костя достал наушники и тут же услышал:

— Давай-ка мне это сюда...

— Что я сделал? — Тихая радость, пришедшая на смену бурному восторгу, скрылась за тучей.

— Я просто хочу, чтобы ты хоть на день оторвался от гаджетов, — объяснил отец.

— Нам ехать еще два часа... даже больше! Мне что же... — Тут Костя почувствовал, что переходит некую черту. Ну и пусть! Все равно той

праздничной приподнятости духа не вернуть. — Мне что же, стихи все это время сочинять?

— А что, неплохая идея! — усмехнулся отец.

— Андрей... — попыталась вмешаться мама.

— Надоело, Даша! Каждый вечер одно и то же — ни поговорить, ни... А, ладно! — махнул рукой отец. — На здоровье. Я просто думал, раз мы сегодня...

Воцарилось напряженное до звона молчание. Отец отвернулся и устремил невидящий взор в окно.

На душе у Кости стало пасмурно и гадко. «Ну чисто Элина! — вдруг вскипел он. — Всегда найдет, к чему прицепиться!»

— А у нас классная уволилась, Элина Васильевна, — как ни в чем не бывало заговорил он. — Как все радовались! У нее был прямо талант отравлять жизнь, когда человеку хорошо. Помню, она спросила однажды: «Откуда у тебя, Туренко, пять по математике? Временное просветление?»

— По-твоему...

— Не перебивай его, — усмехнулся отец. — Значит, — обратился он к Косте, — мы жизнь тебе отравляем? Ну-ну. Что еще?

До Кости дошло, что по-настоящему он пересек черту только сейчас. «Какой же после этого семейный отдых? Какая экскурсия, какая речка?» — с тоской подумал он.

Но вслух, насупившись, пробормотал:

— Ничего. Вот, пожалуйста... — и положил свой смартфон на скамейку родителей.

— Стыдно, — сказала мама и спрятала его к себе в рюкзак.

Остаток пути Костя ковырял ногтем ссадину на колене — две недели назад несся на велосипеде и врезался в дерево. От всевидящей мамы он отгородился рюкзаком. Отец прислонился лбом к стеклу и, казалось, дремал.

Да, прикорнуть минут на сорок было бы очень кстати! Костя прикрыл левый глаз. Но эти дачники... поистине, им нет конца! Заполнили все скамейки, забили проходы поклажей и велосипедами... Вот уже они лезут через окна, а выросшая перед ним Элина, почему-то в форме кондуктора, скалитя и говорит: «Доволен, Андрей?»

«Я Костя, Элина Васильевна».

«Посмотрите, какой умный! Временное просветление?»

«А что вам, собственно, надо? — возмутился Костя. — Проезд я оплатил, вот мой билет!..»

Кто-то коснулся его плеча.

— Просыпайся, сынок. Почти приехали.

«А я и не спал. Я так...»

Но не успел Костя издать и звука, как сбоку от него выплыл из густой зелени и тут же исчез сверкающий на солнце белоснежный исполин. Костя приник к стеклу и замер.

— Это они? Меловые горы? — прошептал он. И отчего-то заволновался.

— Не горы, а склоны, — уточнил отец. — Не могу больше сидеть, — добавил он, после чего встал, подхватил свой рюкзак и направился к выходу.

Мама последовала за ним.

— Костик, идешь?

— Да... сейчас... — откликнулся он, не отрываясь от окна. Однако ничего похожего на ту скалу уже не увидел.

Спустившись на платформу, Костя огляделся, и его сердце с силой стукнуло во второй раз. Но теперь к волнению примешивалась и радость — почти такая же, как утром... Да нет, гораздо, гораздо больше!

Потому что утром он лишь готовился к чему-то новому и необычному, а сейчас... Костя сделал глубокий вдох. Он знал, что это невозможно, но до чего хотелось вобрать в себя открывшиеся взору нежно-зеленые холмы, исчерченные узкими белыми тропинками, кустарники и пестрое разнотравье с его диковинными ароматами, и самый воздух, и все-все!

— А там что?

Его внимание привлек грандиозных размеров меловой выступ, торчавший, как зуб, посередине холма. На площадке перед выступом гудели люди.

— Там пещерная церковь.

— Здорово! А мы поднимемся к ней? — И Костя представил себе, как они взбираются по ведущей к храму металлической лестнице. — А туда, выше?

— Побываем везде, где можно, — успокоила его мама.

Отец тоже рассматривал лестницу.

— А ведь раньше была деревянная! — отметил он.

— Ты уже был здесь? — удивился Костя. И понял, что сморозил чепуху.

На днях отец рассказывал, как много лет назад друг-археолог по фамилии Вознесенский пригласил его на раскопки курганов недалеко от села Дальнедонского. Было, в общем, интересно, но не так, как переписываться с Андрюхой Рачковым, и Костя, поначалу внимавший отцу, не выпуская из рук смартфона, ушел в свою комнату и сел за компьютер.

Отец невозмутимо подтвердил:

— Почти двадцать лет назад. Тогда никакого музея здесь еще не было.

Вслед за родителями Костя перебрался через железнодорожные пути и свернул направо.

— Может, изучим карту? — Отец шагнул назад и остановился у большого информационного щита.

— Я бы сначала купила билеты на экскурсию. Ближайшая должна быть в двенадцать.

— Времени еще полно, успеем! — Отец разглядывал карту. — Тут и каньон какой-то есть. Странно! Я не помню, чтобы тут был каньон...

— Давайте сначала купим билеты, — настаивала мама. — Вдруг у них ограничено число экскурсантов в группе?

— Не так уж много нас приехало на электричке, — пробурчал отец. — А, ладно...

Он с сожалением посмотрел на карту, Костя — на лестницу, начинающуюся в паре метров от щита, и они поспешили за мамой.

По дороге в кассу им попала будка охранника, притаившаяся в тени старой ивы, парковка, сувенирная лавка и кафе. К магнитам, наклейкам

и брелокам Костя был равнодушен, а вот к мороженому... Возле кафе он вздохнул. Может, после экскурсии...

По левую сторону от широкой асфальтовой дороги, по которой взад-вперед сновали туристы и шли к кассе, не пропуская ни одного указателя, Костя и его родители, тянулись величественные холмы. «На склоны взбираться запрещено! Это может быть опасно для вашей жизни», — гласила одна из табличек, выглядывающих из высокой травы. «Просьба относиться к растениям бережно! Многие из них занесены в Красную книгу», — взывала другая.

Костя погрузился в содержимое своего рюкзака: ему захотелось снять на видео, как ветер качает серебристые колоски, которые, может, тоже есть в Красной книге. Но тут он вспомнил, что смартфона у него нет и еще долго не будет.

С досады он чуть не бросил оземь свою кепку. Оказаться не в сквере Молодежи, не у бабушки в деревне, а в известном музее-заповеднике — и не сделать ни одной фотографии! Не похвастаться в социальных сетях, не получить хотя бы двадцать-тридцать...

— Вот это очередь! — прервал его горестные размышления мамин голос.

Людей у кассы и впрямь сгрудилось много.

— А может, побродим сами? — сказал отец. — Или самим нельзя?

Мама ответила, что очень хотела именно на экскурсию.

— Тогда придется подождать, — пожал плечами отец.

Костя отошел в сторонку. Без камеры все это не имело значения. «Дурацкий день! — выругался он про себя. — Дурацкий музей! И... вон та, на склоне, тоже дура! Залезла!»

Напротив небольшого здания кассы сидела ровесница Кости. Ветер задумчиво полоскал ее волосы, но девочке, казалось, это не мешало. Она безмятежно откусывала по кусочку от яблока, взором и мыслями витая далеко-далеко.

И раздражение Кости мигом ушло, будто он понесся в облака вслед за этой девочкой.

Она потянулась, встала, отряхнула платье и с неожиданной резвостью принялась спускаться, подминая растения, «многие из которых занесены в Красную книгу». Костя обмер: она летела прямо на него.

«Да нет, не мог я обозвать ее вслух... — Он похолодел. — Или мог?»

Незнакомка приблизилась к Косте вплотную. У нее были белые руки и некрасивое красное лицо с облезшим носом. Бросив огрызок в урну, стоящую в полуметре от Кости, она направилась по переулку к лестнице.

В ее движениях было что-то от кошки, которая лениво обходит свои владения. «Местная, — догадался Костя. — Да, повезло ей! Зимой катаются, наверное, со склонов на лыжах...»

Но, встретив ее среди экскурсантов, обступивших щит с картой, Костя усомнился в своем выводе. Впрочем, девочка стояла поодаль.

— Здравствуйте! — К скоплению туристов подошел высокий мужчина с бейджиком на груди. Все разом замолчали. — Добро пожаловать в музей-заповедник «Дальнедонской»! Меня зовут Александр. Я проведу для вас обзорную экскурсию, которая займет полтора часа. — Шагнул к карте,

он достал карандаш-указку и продолжил: — Мы посетим следующие объекты: пещерный комплекс с церковью Мессинской иконы Богоматери...

Костя взглянул на девочку. Она сидела на корточках и водила пальцем по траве, преследуя, быть может, какую-то букашку.

— Впервые о необходимости создания здесь заповедника, — вещал тем временем экскурсовод, — заговорил Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский в начале двадцатого века. Ученый обратил внимание на разнообразии ландшафтов и места произрастания реликтовой флоры...

Костя поднял с земли камешек и принялся так и этак крутить его.

— Слушай, пожалуйста! — прошептала, наклонившись к нему, мама. — Это очень интересно.

— А в пещеру когда? — так же шепотом спросил он.

— Скоро. Слушай!

Но это было не так-то просто. Во-первых, вовсе палило солнце. Во-вторых, стоять на одном месте было скучно. Костя машинально оглянулся на девочку. Она по-прежнему копалась в траве.

Подойти бы к ней, узнать, из местных она или нет... Да и просто поболтать. Она была какая-то... настоящая.

Костя выпрямил спину, как перед выходом к доске. Он допускал все варианты развития событий, вплоть до того, что она посмеется над ним или скажет что-то унижительное. Но это казалось маловероятным.

Вдруг девочка подняла голову, откинула пальцами длинную челку и посмотрела прямо на Костю. Посмотрела внимательно и серьезно, но тут же улыбнулась. То была многозначительная улыбка заговорщика.

Все это походило на игру. И Костя, как пушинка, сорвался с места и в два шага преодолел расстояние, отделявшее его от незнакомки. Сердце у него билось спокойно и радостно.

— Привет, — сказал Костя.

* * *

Поначалу он пропускал по одной и даже по две ступеньки, всем своим видом демонстрируя, что если ей, Анфисе, ничего не стоит взбежать вверх по склону, то уж ему, Косте, и подавно. Но очень скоро стал задыхаться.

— Эй, ты где там? — крикнула значительно опередившая его Анфиса.

— Осмотреться хочу! — из последних сил крикнул Костя. — Красиво!

Внизу серебрились изгибы Татарки и Дона. Бархат пойменных лугов то вспыхивал на солнце, то нырял в тень от облака. У подножия холмов петляла железная дорога.

Закончив восхождение, Костя слышал:

— Сколько насчитал?

— Насчитал чего?

— Как, ты не считал ступеньки? — изумилась Анфиса. — Все считают!

Он пожал плечами.

— Неужели тебе все равно? — не унималась Анфиса. — Ну сколько, по-твоему?

— Восемьдесят, — брякнул Костя, лишь бы она отвязалась.

— Двести четыре! — и осуждающе («Эх ты!»), и торжествующе («Представь себе — двести четыре!») сказала Анфиса.

— Фантастика... — пробормотал Костя, но относилось это вовсе не к лестнице.

За спиной у Анфисы возвышалась похожая на средневековый замок меловая скала. Вершину этого крупного, не меньше загородного дома, природного столпа украшала икона, помещенная в специально вырубленное в мелу окошко — киот. Внутри скалы вели массивные железные двери, над которыми располагалось мутное зарешеченное оконце.

— Пещерная церковь Мессинской иконы Богоматери, — провозгласила Анфиса. — Пошли внутрь?

— Подожди, — попросил Костя. — Я еще снаружи не всю ее рассмотрел. Лучше расскажи о ней немного. Это ведь... не человеком все сделано, да?

— Меловой столб появился здесь естественным образом, — подтвердила Анфиса. — А помещения в нем вырыли монахи. В девятнадцатом веке.

— Чтобы молиться в уединении? — догадался Костя.

— Да. И по другим причинам... Видишь ли, в старину на этом столбе была обнаружена чудотворная икона. Так, во всяком случае, гласит легенда. Так что это место было для них... ну...

— Святым?

— Особым уж точно. О, Лариса Николаевна! Здравствуйте!

Из церкви вышла немолодая женщина в форме охранника.

— Сейчас папа? — с приветливой улыбкой спросила она.

Анфиса кивнула.

— Много с ним?

— Все пятьдесят, а может, и больше, — доложила Анфиса. — Лариса Николаевна, мы походим внутри? Мы тихо-тихо. Как мыши...

Перед входом в храм Костя встрепенулся от поразившей его мысли:

— Твой отец — экскурсовод?!

Анфиса ответила ему недоуменным взглядом.

— Да. А что в этом такого?

— Ох! — Костя стянул кепку. — Ну и попадет мне!

— За что?

— Да ведь я, считай, увел тебя с экскурсии.

Анфиса фыркнула.

— Может, стоит вернуться? — неуверенно произнес Костя.

— Вот еще! Я давно не хожу с папой за ручку. Я гуляю, где и когда захочу, ясно?

— И у тебя не нашлось в субботу дел поинтереснее, чем пойти с ним на экскурсию? С ним и целой кучей людей?

— Много ты знаешь! — огрызнулась Анфиса. — У меня своя цель. Я мониторю все, вот!

— Чего-чего?

Она закатила глаза.

— Мониторингом иногда занимаюсь. На мне ведь не написано, что я дочь музейщика. Иду с туристами, слушаю, как они отзываются об экскурсии, о музее... Понимаешь? В прошлом году жаловались, что лавок мало у

туалета. Почему, по-твоему, сейчас не жалуются? Благодаря кому их поставили?

Костя промолчал.

— С чего ты вообще взял, что я не могу просто так пойти с папой на экскурсию?

— У меня есть друг, Андрюха, у которого мама работает в музее — не таком, как этот, а с картинами. Так он этот музей вдоль и поперек облазил и экскурсию наизусть знает. Я и сам ее раза три слушал. Так себе удовольствие, особенно когда слово в слово...

— Можешь вернуться, если боишься, — прищурилась Анфиса. — Только я обратно не пойду.

— А сами они когда поднимутся?

— Скоро. Ну, пока...

— Я не боюсь, — перебил ее Костя. — Просто не хочу, чтобы тебя ругали из-за меня.

Анфиса опять закатила глаза.

— Хватит уже болтать! Заходи! — И она подтолкнула его к выкрашенным черной краской дверям.

Внутри церкви было темно, холодно и сыро. Ни икон, ни фресок Костя не увидел. Остановившись в притворе, он провел рукой по стене.

— Анфиса, а что это за зелень на стенах? Плесень?

— Водоросли. Не веришь? Спроси потом у папы.

Костя шагнул вглубь храма.

— Подумать только... Сколько сил, наверное, затратили монахи, чтобы вырезать эти колонны, эти... ниши, — подобрал он наконец слово. — Чтобы все было ровно, симметрично...

— Это точно, — согласилась Анфиса. — А знаешь, что удивляет меня больше всего? Их образ жизни. Неужели они спокойно жили в этих условиях? Это же... погреб, только большой!

— Так то же были монахи. Они сознательно удобств избегают. Чтобы думать о Боге и не отвлекаться...

— Легко тебе рассуждать — ты зашел сюда на пять минут и вышел. А ты представь, как ты тут ешь, спишь... Как дышишь этим воздухом месяцами, годами... Мне кажется, здесь можно свихнуться.

— Что же, они и на улице, по-твоему, не выходили? — усмехнулся Костя.

— Ничего ты не понимаешь! — разозлилась Анфиса. — Вот если бы...

Тут ее глаза таинственно сверкнули, и она умолкла.

— Если что?

Анфиса долго хранила молчание. Наконец Костя не вытерпел:

— Ну?

— Я давно еще придумала вот что... Я хочу... я хочу переночевать здесь!

— Здорово! — искренне восхитился Костя. — Только фоток нащелкай побольше. Вдруг тебе удастся заснять привидение?

— Я не верю в привидения, — снисходительно, как братишке-дошкольнику, сообщила Анфиса. — Интерес у меня, так сказать, научный.

Я хочу понять, как здесь жили монахи. Моя мама пишет статьи про эту церковь. Может, она и про мой эксперимент напишет...

— Так в чем дело? Боишься?

— Боюсь?! Да я в этом храме тысячу раз была!

— Что, и ночью?

— Ну...

— Я бы ночью сюда не пошел, — убежденно сказал Костя, — один уж точно. Да никто бы не пошел.

— Я бы пошла, — угрюмо возразила Анфиса, — но научные эксперименты не проводятся в одиночку. Иначе это не наука, а сплошной субъекти-визм!

— Я не то чтобы верю в привидений и всякую мистику, но такой шанс не упустил бы. Это же в сто раз круче, чем кладбище в полнолуние! И на храбрость бы себя проверил, — размышлял Костя вслух. — Но я же не живу здесь постоянно, как ты.

— Так и я только на лето приезжаю... — Вдруг Анфиса оживилась: — А ты когда уедешь? Сегодня?

— Завтра. Мы гостиницу на сутки бронировали.

Анфиса подпрыгнула и сделала вид, что хлопает в ладоши.

— Думаешь, я смогу сегодня выбраться? Совсем того? — Костя покрутил пальцем у виска.

— Слабо? Я так и знала...

Костя вспыхнул:

— Не слабо!

— Конечно, слабо! Только ты не скажешь: «Мне это не по зубам». Ты оправдываться будешь, а ведь это, по сути, то же самое.

Костя осознал, что Анфиса загнала его в тупик. «Я подумаю», — приготовился ответить он (потому что подумать и правда было над чем), но вырвалось у него совершенно другое:

— Может, и слабо. А может, и нет. Посмотрим. Лучше расскажи, почему ты этот свой «эксперимент» ставишь не с проверенными друзьями, а с первым встречным. Я же запросто могу наобещать всего, а потом не прийти. Или еще какой фокус выкинуть...

Анфиса посмотрела куда-то в сторону.

— Я с Севой илевой сначала договорилась, если тебе интересно. А Севка взял да и заболел в последний день... Во всяком случае, сказал, что заболел.

— А тот, второй?

— Лева? Это его младший брат. Без Севки он никуда.

— А других претендентов нет?

— Ну, Лизка есть... Только никакой она не претендент. Как она завизжала, когда летучую мышь здесь увидела! Я думала, пещера рухнет.

— А тут летучие мыши водятся? — любопытствовал Костя.

— Встречаются, но редко: слишком много людей.

Костя промолчал.

— Видишь ли, сегодня самый длинный день в году. А ночь, стало быть, самая короткая. Когда, если не сегодня?

«Через неделю. И Сева твой уже выздоровеет, и ночи еще будут короткими». Но и в этот раз Костя словно онемел. А когда обрел способность говорить, то выдал, кашлянув, старую заготовку:

— Я подумаю.

Потому что, несмотря на все, он *хотел* очутиться здесь ночью. Хотел перехитрить родителей, хотел доказать себе, Анфисе — да всем! — что он не трус. И будет просто потрясающе, если ее мама действительно напишет об этом статью. Интересно, как она ее озаглавит? Можно так: «Дети подземелья. Реально ли жить в толще мела?» А вот еще неплохой вариант: «Пещерные люди двадцать первого века».

Впрочем, и статья, даже если к ней приложат его, Кости, фотографию, — не самое важное. «Приключения» — вот от какого слова по коже бежали мурашки. Потому что, когда они с Андрюхой подкараулили и чуть не до смерти напугали Таньку Пузырькову, получилось, конечно, смешно (а как она гналась за ними, чтобы отлупить портфелем!), но разве это было приключение? Так, будни выпускников детского сада...

Но Анфиса поняла его слова по-своему. «Ну и ладно, — был ее неозвученный ответ. — Переживу как-нибудь». Она вытерла о платье белый от мела локоть и заговорила о том, как после революции храм хотели взорвать, а мел использовать для хозяйственных нужд, но Костя воспринимал ее речь как через толстое стекло. Голос у нее стал безжизненным, а жесты вялыми, будто нелюбимый учитель вытягивал из нее по строчке нелюбимые стихи.

— ...Но местные жители, — бубнила Анфиса, — вошли в церковь и сказали: «Взрывайте с нами». Взрывать, конечно, не стали...

Потом она провела Костю на второй этаж, где они посетили келью, кухню и трапезную. Все помещения были абсолютно пустыми и отличались лишь по размеру.

— Старинная или новодел? — Костя указал на сколоченную из деревянных досок дверь, ведущую со второго этажа на улицу.

— Новодел, конечно. — Во взгляде Анфисы блеснуло прежнее озорство. — Выпустить тебя здесь?

И, не дожидаясь ответа, она с грохотом отодвинула засов. Костя зажмурился: казалось, кто-то направил на него все прожекторы мира.

Когда зрение приспособилось к дневному освещению, Костя обнаружил, что стоит возле металлической лестницы, взбегавшей на самый верх склона. Внизу, перед центральным входом в храм, белела неровная меловая площадка, по которой перемещались, щелкая кнопками фотоустройств, туристы из группы Анфисино отца. А значит, и его родители!

«Хорошо, что я вышел здесь», — отметил, хоть и не без тревоги (а вдруг окликнут?), Костя, наблюдая, как Анфиса выскальзывает из церкви, ловко огибает экскурсантов и взбирается к нему по ступенькам.

— Ну что? На плакор*?

— Чего-чего?

— Догоняй, говорю! — И Анфиса помчалась вверх. — И не забудь пересчитать ступеньки!

* *Плакор* — плоское или слабоволнистое пространство, водораздел равнинной реки. Для плакора характерно глубокое залегание грунтовых вод и растительность, наиболее полно отражающая зональные черты природы.

Костя пропустил спускавшихся ему навстречу туристов с собакой и затопал по нагревшемуся металлу. На этот раз он не спешил.

— Эх, панорамную бы фоточку сейчас забалтывать! — поделился он с Анфисой наверху.

Она сидела в стороне от тропы и подкидывала невесть откуда взявшийся маленький, наподобие теннисного, мячик.

— Телефон забыл?

— Не совсем... О, а не могла бы ты мне дать свой? — осенило Костю. — А потом скинуть фотки во «ВКонтакте»?

Анфиса молча достала из кармана платья... облупившийся телефон с кнопками.

— Нет, — спокойно сказала она и спрятала свой раритет обратно.

— Наказали? — посочувствовал Костя.

— Говорят, вредно. А сами все вечера в них просиживают! — Анфиса затолкала мяч во второй карман. — Смотри, вон карьер меловой... Вон Татарка, она пониже в Дон впадает... Весной столько воды бывает, что они как бы в одно озеро превращаются. Полвека назад даже железную дорогу затопило. Это Дальнедонское, конечно...

— Сколько неба... И зелени сколько!

Анфиса встала, и они двинулись по огибающей верхнюю часть склона широкой тропе.

— Ковыль перистый, — знакомила она Костю с названиями растений. — Шалфей поникающий...

«Почему она не бросила меня там, в церкви? — думал Костя. — Рассказывает обо всем подробно... Может, надеется, что в благодарность за персональную экскурсию я все же пойду с ней туда ночью? Или забыла уже обо всем?»

Анфиса остановилась у невысокого стенда с фотографиями канюка, косули, сурка-байбака и других животных.

— Здесь экскурсия обычно заканчивается, но мы еще успеем сходить к каньону и обратно. Если хочешь, конечно.

— Хочу, — решительно ответил Костя. — Анфиса...

— Что?

Он зачем-то снял, а потом надел кепку.

— Да насчет ночной прогулки в храм...

— Забудь, — быстро и неожиданно резко отозвалась она. — Забудь, слышишь?

— Почему? — опешил Костя. — Я ведь, наоборот...

— Что, передумал? Ну так знай: я тоже передумала. Напарники мне не нужны. Я пойду одна.

Она сорвалась с места и теперь едва не бежала. Костя ринулся вслед за ней.

— Да почему?

— Надоело. — Мячик и телефон подпрыгивали в карманах ее платья. — Уговариваешь, уговариваешь... — Челка подпрыгивала тоже, остальные волосы спутались. — И что потом? — Наконец мячик выпал, но Анфиса этого не заметила (или притворилась, что не заметила). — Ничего. Ноль. А знаешь что? — Она остановилась и посмотрела Косте прямо в глаза. — Так даже лучше: никакой суеты. Да и вообще...

Он протянул Анфисе мячик.

— Значит, ты сегодня пойдешь туда одна?

— Пойду. — Она забросила мяч далеко в траву. — Только не болтай об этом. Ясно?

Они вновь зашагали по усыпанной отсевом тропе.

«Вот и славно! — Костя пнул лежавшую на дороге палку. — Все равно мама чутко спит. — Он пнул камень. — Отец так вообще встает... “Эксперимент!” — мысленно передразнил Костя свою спутницу. — “Субъективизм!” Ну прямо доктор наук!»

— Я тоже пойду ночью в церковь, — объявил он.

Анфиса округлила глаза:

— Что-о-о?

— Я тебе не болонка, которую можно взять, а можно и дома оставить, — холодно ответил Костя. — Раз решил, что пойду, — значит, пойду.

Она расхохоталась.

— Как же ты попадешь внутрь? Я-то знаю, у кого ключ, как замок открыть. Я как у себя дома. А ты что знаешь?

— Придется с тобой идти, — ровно отозвался Костя.

— Я тебя не звала и не зову, — усмехнулась Анфиса.

— «Люблю людей с избирательной памятью: с ними необыкновенно интересно», — процитировал Костя Элину Васильевну.

Анфиса посерьезнела.

— Раз ты такой крутой и самостоятельный, — вкрадчиво проговорила она, — иди к каньону сам!

Затем прыгнула, как кошка, в траву и скрылась в зарослях ясеня.

* * *

Вопреки ожиданиям блудного сына, родители встретили его благо-склонно.

— Все облазил? — спросила мама.

И только.

В кафе, поглощая какой-то суп (что было обязательным этапом на пути к блинчикам и мороженому), Костя чуть не выронил ложку, когда отец сказал:

— Ну и что вы там с Анфисой посмотрели?

— А откуда...

Родители переглянулись и засмеялись.

— Когда мы поднимались по лестнице, оказались рядом с экскурсоводом. «Вы не волнуйтесь, — говорит он. — Анфиса часто отбивает у меня юных экскурсантов. Никто еще не заблудился и не пострадал».

Все, что переполняло Костю: от радости пребывания в новом месте до досады и злости на Анфису и даже тупого упрямства, решимости во что бы то ни стало пойти ночью в церковь (он уже и не мог сформулировать для чего); от сожаления и стыда за сцену в электричке, еще глевших в нем, до облегчения и благодарности, потому что взбучки за прогул экскурсии не последовало; а также зародышевая мечта выучиться на биолога или другого специалиста, нужного музею-заповеднику, и тоже работать здесь, а не в душном городе, — все разбилось вдребезги, на миллион осколков.

— Я к ней сам подошел... — безотчетно пробормотал он.

Мама снова рассмеялась.

— Не переживай: через месяц ты ее и не вспомнишь. И слава богу: такую неопрятную девочку еще поискать надо.

— Курортный роман, — произнес отец.

Костя не стал спорить. Он уже давно смирился с нелепой привычкой взрослых видеть в любой девочке его «невесту».

И все же он расстроился от мысли, что Анфиса легко знакомится с другими ребятами. Точно так же показывает им церковь, музей, ведет полюбоваться на каньон (Костя так и не увидел его). Одинаково отвечает на одинаковые вопросы... И забывает предыдущего с приходом следующего.

После обеда Костя и его родители заселились в гостиницу — двухэтажное здание с темно-зеленой крышей, находившееся в двадцати минутах ходьбы от кафе. За гостиницей располагалась новенькая детская площадка с большими качелями, столом для пинг-понга и турниками, и она была безлюдна. «Ага!» — подумал Костя.

— Не пятизвездочный отель, но все необходимое есть. — Мама положила ключ от номера на пластиковый комод, сняла рюкзак и села на кровать.

— Вид зато какой! На Длинную балку, — сообщил с балкона отец.

— Ту самую, в которой вы с Вознесенским пугали сурков?

Отец вернулся с балкона.

— Вовсе не пугали... — Поймав вопросительный взгляд Кости, он пояснил: — Дело было ночью. Все собрались у костра. Не знаю, что нашло на нас с Денисом, но уж очень захотелось пойти в Длинную балку и поглазеть на сурков...

— Представляю, сколько вы выпили, — сказала мама и легла, подложив под голову скрещенные руки.

Костя тоже лег.

— А ночь была чудесная! — ностальгировал отец. — Красная, как апельсин, луна, вой деревенских собак... Кстати, Дениса я как будто видел сегодня.

— Здесь? Так почему не подошел?

— Вроде он был, а вроде и нет...

«Красная, как апельсин, луна... — Костя повернулся на бок и подтянул к себе колени. — И я ее увижу сегодня. Подстерегу Анфису у храма, а там уж она вынуждена будет меня впустить. А если нет, тоже в Длинную балку пойду. Только сурки, наверное, спать будут...»

И Косте приснилась Длинная балка. И, конечно, сурки. Игравшие почему-то в пинг-понг...

Проснулся Костя оттого, что его укусил слепень. «Сетку не могли повесить!» — раздраженно подумал он, затем потянулся и сел.

Родители дремали. В номере было жарко, и Костя отправился на детскую площадку.

На качелях, болтая босыми ногами, сидела Анфиса. Костя подавил в себе малодушное желание отступить.

— Привет, — невинно поздоровалась она. — Хочешь мармеладных червей? Только они жутко кислые...

— Мне приснилось, что сурки играют в пинг-понг, — вырвалось у Кости.

— Можем с тобой поиграть, — предложила Анфиса. — Нет, не выйдет. Ветер...

«Вот и отлично!» — обрадовался Костя. Потому что в пинг-понг не играл ни разу.

— Пойдем тогда ко мне, — пригласила Анфиса, опуская в урну упаковку от мармелада.

— А это далеко?

— Да через стену от тебя! Тебя же в четвертый подъезд заселили? Ну а я из третьего.

— Получается, здесь не только туристы живут?

— Нет, конечно! Вы тут вообще в меньшинстве.

Анфисина квартира была первым в жизни Кости вместилищем сотен полок и полочек, коробок и коробочек, рюкзаков, сумок и даже пакетов с одеждой и обувью, посудой и лекарствами, книгами и тетрадями; все это громоздились на стульях, столах и этажерках, на стеллаже и шкафу, упираясь в потолок, покачиваясь, предвещая обвалы и жертвы, потери и бытовые драмы...

— Мама говорит, что мы живем как цыгане. Потому что невозможно сохранять порядок, разрываясь между двумя домами.

— У вас не беспорядок. У вас пространства мало, — честно сказал Костя. — А вещей много... А почему вы разрываетесь между домами?

— Потому что зимой экскурсий почти нет и многие сотрудники — мои родители тоже — работают из города. Годовые планы разрабатывают, научные статьи пишут, — с умным видом объясняла Анфиса.

— Получается, вы только летом здесь живете?

— Летом живу здесь я, а родители приезжают в апреле и уезжают в ноябре... Прочитай-ка! — Анфиса стащила с письменного стола какой-то листок и протянула Косте. — Угадай, кто автор?

«Сюда ведет, карабкаясь с камня на камень, змееобразная лестница, и едва поднимешься над бездною, едва блеснет над церковью белый крест, — чудные виды степей, по которым катятся серебряные волны ковьяля, виды лугов с песнями пастухов и погонщиков, с морем камышей по берегам Дона, и вечером огни рыбацких костров, разложенных после обильной ловли, открываются с маковки горного хребта», — прочитал про себя Костя.

— Не знаю. Кто-то известный, видимо.

— Данилевский, — не стала его мучить Анфиса. — Был такой писатель в девятнадцатом веке. Не читал?

— Не-а. А ты?

— И я... Тут много побывало знаменитостей, даже Петр Первый.

Костин взгляд упал на бейджики, висевшие на вбитом в стену гвозде недалеко от стола. «Иловайская Инна Владимировна. Старший научный сотрудник», — прочитал он. «Иванов Александр Павлович. Научный сотрудник».

— Расскажи лучше о себе. Твои родители — биологи?

— Папа — географ, изучает ландшафты. А мама — историк, занимается церковью. Ну и вообще историей этого места...

— Мой отец тоже историк, — вставил Костя.

— Классно! Он в школе работает?

— Нет, — смутился Костя. — Он...

— В универе, значит? Или в музее? Ой нет, в музее мама твоего друга работает... — разоглась Анфиса.

— Он машины ремонтирует, — произнес Костя.

Белесые, едва заметные брови Анфисы взмыли вверх. «А он точно историк?» — хотела, судя по всему, спросить она.

Костя сделал вид, что рассматривает наваленные на стол книги и журналы. Уверенности в том, что отец по образованию историк, у него не было.

Перед глазами возникла серая от пыли электричка. Костя снова сидел напротив отца, но в лицо ему не смотрел. А может, его соседом был и не отец вовсе, а незнакомый мужчина? Костя боязливо коснулся его взором. «Вроде он... а вроде и нет...»

— Что ж, такое бывает, — сказала Анфиса.

Костя вздрогнул.

— Что с тобой?

— Ничего... — Он тряхнул головой, словно в волосы набились пожелтые листья. — Какой у нас план действий ночью?

Она поморгала.

— Ну ты и перескакиваешь! То о себе расскажи, то план действий тебе подавай...

— Данилевский и всякое такое — это круто, но хочется знать, к чему готовиться вечером.

— Если тебе так уж важно пойти ночью в храм, то пожалуйста, — смилостивилась Анфиса.

— Во сколько выходим?

— В двенадцать. Возьми теплую одежду и фонарик. И не опаздывай: ждать тебя не буду.

Они поспорили о том, что может пригодиться еще, и расстались.

Родители собирались на речку.

— Ты бы дал телефон своей подружки, — обратилась к нему мама. — А то прямо не знаешь, где тебя искать.

Они покинули гостиницу, спустились с холма и побрели узкими сельскими улочками.

— Да, — промолвил отец, — здорово все изменилось...

Костя вспомнил, как Анфиса подбрасывала в воздух мячик для пинг-понга, и представил, как делает это сам. Сердце забило спокойнее.

— Пап, — заговорил он, — а тебе нравилось учиться в универе?

— Ты бы школу сначала окончил, а уж потом...

— Я не потому спрашиваю, что про поступление думаю и всякое такое, — заторопился Костя. — Я просто так. Интересно стало, почему ты выбрал именно... — И он покраснел.

— Я очень ждал уроков истории, — не сразу ответил отец. — Наша историчка — Нина Михайловна, кажется, — всегда фонтанировала энергией. Она была очень добрая женщина... и с чувством юмора.

— Ты выбрал истфак только из-за учительницы? — удивился Костя.

— Мне и предмет нравился. — Отец почесал подбородок. — И получал я по истории только пятерки. Все...

— Туренко! — Костя и его отец одновременно застыли. — Забыл меня, старый чертяка?

У высокого забора, заслоняя плохо закрашенную надпись («...епелиные яйца», — прочитал Костя), курил мужчина с желтоватой бородой и необъятным, как старый дуб, торсом.

«Вознесенский», — подумал Костя.

* * *

Дверь в номер была заперта, а свет погашен еще полчаса назад. Но Костя не спал. Спать было нельзя. И он лежал, незаметно для себя шевеля пальцами ног и переваривая то, что принес этот день.

«Сегодня самый длинный день», — сказала Анфиса. (Или это был Дима? Нет, Анфиса.)

Наверное, потому Костя и устал. И в чистой прохладной постели это ощущалось как никогда... Но спать было нельзя.

Впрочем, пока и не хотелось. Внутри все бурлило и клокотало, как перед забегом на триста метров.

...Вознесенского Костя воображал таким героем сериала о любви. С неотразимой внешностью и нахальной улыбкой. Но сильно просчитался: это был испытый человек в спортивном костюме, и дом у него был наполовину развален.

— Купил здесь дачу? Так от города два часа добираться! — удивился отец.

— Москвичи по семь едут, — заметил Вознесенский. — И ничего. Не жалуются. Наоборот, их с каждым годом все больше.

И они перешли к воспоминаниям и обсуждению общих знакомых.

— Розанов умер?! Когда?

Костя заскучал. Возникло желание все тут осмотреть, потому что, несмотря на удручающее состояние дома, он не отказался бы здесь пожить. Выцветшие иконы за стеклом, остатки печи, едва различимый рисунок на обоях — все тут напоминало о середине прошлого века, и он пожалел, что с ним нет Анфисы: «Ей бы понравилось...»

У входа в комнату нарисовался высокий, но, вероятно, одних с ним лет мальчик в очках. Это был Дима Вознесенский. После каких-то банальностей, сказанных взрослыми, он повел Костю в чулан, где в коробках от обуви хранились разные окаменелости.

— Белемниты, или «чертовы пальцы»... Конкреции... Иноцерамы*...

— Круто! — вздохнул Костя. — Счастливчики вы с Анфисой... Ты знаешь Анфису?

Дима покачал головой.

— Вы в таком интересном месте живете... — Костя хотел развить свою мысль, но вовремя сообразил, что новый знакомый может счесть его нытиком, и умолк.

— Приезжай в гости, — просто сказал Дима. — Правда, удобства у нас на улице. Папа который год грозит все снести и построить новый дом, но..

* Белемниты, иноцерамы — виды окаменелостей, окаменевшие раковины древних моллюсков; конкреции — минеральные образования шаровидной или эллипсоидной формы, отличающиеся по составу от окружающей породы.

Костя заверил его, что к комфорту стремится в последнюю очередь, и Дима пообещал поговорить с папой. В благополучный исход верилось не особо, но настроение у Кости поднялось: войди к ним сейчас Элина Васильевна, он даже сказал бы ей «здравствуйте», а не «здрасте», что частенько выводило ее из себя.

Накупавшись в Татарке и заглянув на обратном пути в магазин «Березка», Костя и его родители доковыляли до гостиницы и обмякли за обеденным столом.

— Давайте обойдемся бутербродами, — предложила мама. — На большее я сейчас не способна.

«А я вот способен... Только бы не уснуть!» С тех пор как семья отправилась на боковую, прошел час, и возбуждение, вызванное переизбытком впечатлений, сменилось в нем чем-то нежным и светлым, как лунная музыка Дебюсси.

«Хороший день, — подытожил Костя. — Даже слишком. Лучше бы его и не было, потому что Анфиса и Вознесенские сразу обо мне забудут, а я буду ждать, надеяться на что-то... — Он зевнул. — В сущности, хорошие дни хуже плохих. После них того, что есть, мало, хочется большего, а это большее, — второй зевок, — не всегда от нас зависит...»

За окном показалась луна — ярче самого спелого апельсина.

«Пора!» — решил Костя, откинул одеяло и сел. Без лишних движений оделся, схватил рюкзак и прошмыгнул мимо родителей к выходу. Они не шелохнулись.

По небу торопливо плыли крупные, как дирижабли, тучи. Завывал ветер. Часы Кости показывали двенадцать, но Анфисы не было. Достав и натянув свитер, он повторно глянул на часы и направился к церкви. «Не нужен для нее никакой ключ, — подумал Костя. — Замка-то нет. Был бы замок — я днем бы заметил. Это Анфиса напутала что-то. Или насочиняла, чтобы я не пошел без нее...»

Замка действительно не было, но Костя уже не обратил на это внимания. На площадке перед храмом разгуливал Дима.

— А ты что здесь делаешь?

— Жду папу, — изрек Дима. — Наконец-то он все снесет и построит новый храм... А вот и он!

— Какой еще новый... — начал было Костя.

Но в это мгновение его сон оборвался: зазвонил отцовский телефон.

— Алло. — Голос у отца был сонный. — Это не Егор. Всего доброго... Спасибо, что не в шесть утра, — добавил он, отключив связь.

— А сейчас сколько? — уточнила мама.

— Половина восьмого.

Костя повернулся на живот и выдал в подушку:

— Епелиные яйца!..

* * *

Анфиса, конечно, обвинит его во всем подряд. «Раздолбай! — уже слышалось Косте. — Дезертир!.. Предатель!» И будет права. Поэтому в ответ он промолчит.

Можно было и схитрить. Предстать перед ней героем, побег которого сорвали происки врагов. «Я отбивался как мог, — гордо и грустно поведает Костя, — но силы были неравны...» Но если уж врать, так с чувством, а какой из Кости актер?

Детская площадка пустовала. На всякий случай обойдя гостиницу, Костя двинулся в третий подъезд. Осторожно надавил на кнопку звонка.

«Привет, — крутился в голове заученный текст. — Понимаю, ты сердишься на меня, но...»

Дверь открыла не Анфиса. И даже не ее папа.

— Заходи, — без колебаний разрешил незнакомый мальчик. — Ты ведь Костя?

— А ты — Сева, — догадался тот.

— Верно, — подтвердил мальчик. — Проходи.

«Как здоровье?» — хотел спросить Костя, но увидел Анфису и словно окаменел.

На ней был чистый выглаженный сарафан, а волосы ей заплели в косичку. Опухшее от слез лицо горело ненавистью. Сидевший рядом Лева (копия старшего брата) был опечален и чуточку смущен.

— Ты уже знаешь? — бросилась она к Косте. — Этого не может быть, это кошмарный сон! И откуда берутся такие... такие... — И Анфиса сжала кулаки.

Оказалось, этой ночью невменяемые туристы — а может, местные — поднялись к церкви и подрубили стоявшую справа от входа меловую колонну, из-за чего часть церкви обвалилась.

— Зачем? — изумился Костя.

— Да затем! — Анфиса стукнула кулаком по столу. — Потому что все для них: экскурсоводы, музей — все! Вот они и творят, что им вздумается... Как жаль, что их не завалило!

— Нельзя так говорить, — тихо произнес Сева.

— А им можно — вот это все?! Церковь не они строили! И восстанавливали потом не они, а сам знаешь кто!

Костя опустил рядышком с Левой.

— Как именно подрубили? Чем?

— Топорами, чем еще! — горячилась Анфиса.

— Известно доподлинно?

— Церковь под видеонаблюдением, — объяснил Сева.

— Так значит, там камеры? — Костя метнул взгляд в Анфису.

— Одна всего, — пожала плечами она. — Думаешь, сторож сутками в монитор пялится? Ничего подобного. Записи смотрят, когда что-нибудь вот такое происходит.

— Лиц не видно?

Все трое отрицательно качнули головами.

Костя вспомнил свой сон. А что, если к этому причастен Вознесенский? Бред...

— Полиция разберется, — подал голос маленький Лева.

— Да не разберется в этом никто! — топнула ногой Анфиса. — Сюда приезжает семьдесят тысяч туристов в год. Семьдесят тысяч! Это тебе не пять человек в день...

— Мы еще не знаем, туристы это или нет, — сказал Сева.

— Конечно, туристы! Это в их свинском стиле. Кто замусорил всю пойму и плакор? Кто рвет и топчет растения? А по Длинной балке кто на квадроициклах... Приветик, — кисло поздоровалась Анфиса с вошедшими в номер родителями.

— «Приветик»? Ты наказана! — возмущенно напонила её Инна Владимировна. — Мальчики, по домам!

Сева и Лева ретировались. Костя не успел.

— Мам! Пап! — взмолилась Анфиса. — Разрешите Косте остаться! Хотя на пять минуточек... Это очень важно!

— Да я... Мне надо... — бормотал, пытаясь вырваться, Костя, но Анфиса лишь крепче вцепилась ему в плечо.

Инна Владимировна вышла на балкон и откуда-то достала пачку сигарет.

— У меня нет слов. — Щелчок зажигалки. — Сначала ты сломала Лизин велосипед...

— Лизка — дура! — буркнула Анфиса. — Он давно уже сломан.

— ...потом чуть не подралась с Хатунцевыми...

— Никто и не думал драться. Пospорили немного, вот и все.

— ...не подмела, — продолжала Инна Владимировна, — пыль не вытерла. Еда в холодильнике как стояла, так и стоит! Саша, ты опять накопил всякой дряни?

— Почему сразу дряни? — обиделся Александр Павлович. — На обед мы сварили макароны. С сосисками...

Но Инна Владимировна его не услышала.

— Я так и знала, что вас нельзя оставлять одних. Вы же оба дети... И ты еще имеешь наглость ставить условия! — заключила она устало. — Да еще эта история...

Недалеко от гостиницы включили садовый триммер. Инна Владимировна откинулась на спинку пластмассового стула и закрыла глаза.

— Что теперь будет? — нарушила молчание Анфиса. — Нас... закроют?

— Закроют? — удивился Александр Павлович. — Что ты! Пригласим специалистов, составим план работ, наберем волонтеров... Наоборот, все только начинается!

— Тридцать лет назад, еще до появления музея, церковь была даже в худшем состоянии: завалы, надписи и рисунки на стенах... — заметила Инна Владимировна.

— Альпинисты на нее взбирались, — со вздохом добавила Анфиса.

— Забирались все кому не лень. Но ведь выстояла! И еще простоит, — успокоил ее Александр Павлович.

— Но как же больно!.. И никак от этой боли не избавиться: хоть ты беги, хоть скачи, хоть на кусочки разорвись...

Инна Владимировна вернулась с балкона.

— Пойдем, — обратился к ней муж. — Пусть посидят немного...

— Подождите! — вскинула руку Анфиса. — Мама, я все спросить хотела про монахов. Как они жили в этой церкви? В этой темноте, в холоде? Как заживо закопанные...

— На данный момент не известно ни одного источника, утверждающего, что в храме кто-либо жил, — ответила Инна Владимировна.

Анфиса была потрясена.

— Как так? А келья?

— Не только жить, но и проводить богослужения в меловых пещерах, коих в нашем регионе немало, было затруднительно, — сообщила Инна Владимировна. — Недаром рядом с пещерами монахи возводили деревянные, а потом уже каменные храмы. И не только храмы... В конце девятнадцатого века возле нашей церкви располагалась обыкновенная — не меловая — сторожка. Почитай Евгения Маркова.

— Но келья! — не сдавалась Анфиса.

— Возможно, в ней и жили какое-то время. Но без источников это все пустые разговоры.

— Да-а... — протянул Костя, когда они с Анфисой остались вдвоем. — Влипли бы по уши, и ради чего? Не дураки были монахи, жили как все...

— А я жалею, что нас там не было. Может, ничего бы и не случилось.

— Думаешь, те ненормальные испугались бы нас? — хмыкнул Костя.

— Теперь не узнать, — серьезно сказала Анфиса.

— Я проспал, — сознался Костя. — Просто проспал. А ты, наверное, прождала меня?

— Ага, — усмехнулась Анфиса. — До самого утра. И еще два часа проревела в подушку. Скажешь тоже! Папа до полвторого на кухне сидел, в «Цивилизацию» играл. Я и не пыталась...

Они помолчали.

— А Сева не выглядит больным, — вдруг сообразил Костя.

— Да ну его!

Чтобы уговорить Хатунцевых принять участие в «эксперименте», Анфиса потратила без малого неделю. Но в пятницу вечером Сева доложил, что у него насморк и беспокойная ночь, да еще в пещере, едва ли будет для него полезна.

Анфиса была с ним честна. Она заявила, что он старая дева — бесхребетная и трусливая, что она, Анфиса, связалась с ним только потому, что больше не с кем, и что впредь это не повторится ни при каких обстоятельствах. Почему-то решив, что этого мало, Анфиса потребовала от Севы кашлянуть на нее. Сева отказался. Она взвилась: «Я так и знала. Врун! Нет и не было никакой болезни!» Тут терпение Севы иссякло...

— С тобой опасно связываться, — отметил Костя.

— Детки-конфетки пусть и не связываются. То у него ручка, то у него ножка... Сыночек маменькин!

— А я? Тоже маменькин? Ведь и я не сразу согласился...

— Нет, ты не маменькин. Ты на меня похож.

— Это чем же? — развеселился Костя.

— Ты тоже любишь это место, хоть оказался здесь только вчера. И поэтому, — Анфиса шагнула к письменному столу, — ты просто обязан увезти отсюда что-нибудь на память.

Это был набор открыток с видами на запорошенную снегом церковь и на весенний разлив, каньон и Длинную балку; были здесь и фотографии животных — лисы, сурков, свернувшейся кольцами гадюки...

— Ты и про такую бы сказал, что это раскормленный туристами червяк? — поинтересовалась Анфиса со смешком.

— Семьдесят тысяч человек и муху до размеров слона раскормят, — произнес Костя. — Спасибо. Такие фотки у меня бы точно не получились, хоть расстарайся.

* * *

Костя и его родители стояли, опершись на металлические перила, и ждали электричку. Его взгляд то и дело взлетал вверх, к церкви, словно забор, которым ее обнесли, вот-вот должен был исчезнуть. Забор не исчезал, и Костя довольствовался самым верхом мелового столба, некогда увенчанным, если верить Данилевскому, крестом. Костя вспомнил Инну Владимировну. Интересно, рассказ Данилевского — это источник?

— Анфисин папа сказал, что понадобится помощь волонтеров. Ну с реставрацией, — заговорил Костя. — Если бы Денис Валерьевич разрешил пожить у него хотя бы неделю... — Он не закончил и вопросительно посмотрел на отца.

— Без проблем. Только в июле не получится: у него экспедиция в Подмоскowie.

— Значит, в августе... Пап, а это точно? В смысле, он в курсе, что я хочу приехать, и не против?

— В курсе, в курсе. Не я же это придумал.

— Почему же ты сразу не сказал? — обиделся Костя.

— Я решил, что он пригласил тебя из вежливости. Если бы я знал, что ты всерьез собираешься здесь погостить, то, конечно, сообщил бы сразу, — объяснил отец.

— Это наследственное, — произнесла мама, не отрываясь от изучения открыток, подаренных Анфисой. — Я имею в виду — тяга к этим местам.

— Тебе тут не понравилось? — расстроился Костя.

— Почему же, здесь мило... Но не более.

Костя сник.

— Мама у нас по городам любит ездить. Ей Питер, Прагу подавай...

— Да нет, все так, — вздохнул Костя. — Здесь мило. И только... Анфиса сказала, что я полюбил здесь все, но я не место полюбил — деревья, реки, эту церковь, — а себя в этом месте. Потому что я хочу собирать здесь белемнитов, смотреть на звезды... Хочу найти растение, которое здесь еще не находили...

— В таком случае ни в какие волонтеры тебе записываться не нужно. Или это тоже способ развлечься? — полюбопытствовал папа.

— Развлечься?! — вознегодовал Костя. — У всех горе, все будут трудиться, а я — развлекаться?

Отец улыбнулся:

— Выходит, Анфиса была в чем-то права.

Алена БАБАНСКАЯ

ТОЧКА БОЛЕВАЯ

* * *

Мы выросли в одной пятиэтажке,
Там во дворе то прятки, то пятнашки,
Гогочут мужики за домино
И мать домой зовет через окно.
А в городе всего одна пивнушка.
Никто-никто не плачет о минувшем.
С авоською бежишь в универсам,
И голуби взлетают к небесам.

* * *

За дымкой — Киевский вокзал.
Неважно, кто чего сказал,
Не разберешь за талым снегом
По понедельникам и средам.
Поймешь в один из четвергов:
Все сказанное — про любовь.
Под белоснежной пеленою
Иного не было со мною.

* * *

Погадай, милоч, на кофейной гуще,
На войне миров, стороной бегущих,
На клубящихся в небе седых валах,
На верблюдах, овцах и на волах.
А какую долю сулит гаданье —
Все тебе отрада и состраданье.
Дальше носа видится темнота,
Хоть живи до старости, лет до ста.

* * *

Кому за это попенять,
Что мысли думают меня?
Что жизнь живет, играя мною,
Покуда я смеюсь и ною,
Смотрю на солнечные пятна,
Смотрю на вальдшнепов и дятлов,
На эту белую пургу
И оторваться не могу.

* * *

В чистом поле грохочет откуда невесть.
Это нынче плохая, недобрая весть.
Мы с тобою сегодня не вместе —
Это тоже недобрые вести.
Наползает ли тьма, белый свет обобрав,
Я сегодня живу от добра до добра.
И куда бы сейчас ни уехать —
То ли грохот вдали, то ли эхо.

* * *

Я лишь только обыватель,
Всех подушек оббиватель,
Обживатель всех углов,
Неказистый мой улов —
Солнце, ветрено местами,
Стаи галок над крестами,
Тень ложится поперек,
Дым резвится, как зверек.
До весны живу, до лета,
От заката до рассвета,
Как живали в старину.
Никого не прокляну.

Марфе

Не торопи ты сыночка домой
Осенью, летом, весной и зимой.
Пусть погуляет, пока молодой,
Дышит свободой и талой водой,
Солнцем, рекою, внезапным дождем.

Дом-домовина его подождет.
Сила любви твоей велика,
Не торопи ты домой старика.
Он возвратится издалека
Божьей коровки попить молока,
Хлеб разделить твой, покой и нужду,
Спелые яблоки в райском саду.

* * *

Отыгаться флейтой-пикколо
От беды и от нужды.
Чтобы тикала и тикала
В поднебесные сады.
Из такого мрака выручит,
Примостившись у губы.
В полом теле много дырочек
Для дудения судьбы.

* * *

А кто кого одолевает —
Так это точка болевая,
Так это догадайся сам
По птицам или небесам.
Гадаем на кофейной гуще,
А облака все гуще, гуще.
И солнца диск над головой
Сочится точкой болевой.

«ПРОШУ ЛИЧНО РАЗБИТЬ В ПУХ И ПРАХ РАЗЛИЧНЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ И ОТГОВОРКИ...»

*О положении новосибирских писателей и художников
в Великую Отечественную войну*

Документы, представленные вашему вниманию, принадлежат весьма краткому промежутку времени: с апреля 1943-го по июль 1943 года. Почти все они из одного дела, из одной папки, хранящейся в Государственном архиве Новосибирской области, и публикуются впервые.

Перед нами встает вполне банальная и, как ни странно, близкая нам история. История бюрократическая — история появления, а затем и выполнения (невыполнения) решения бюро Новосибирского обкома ВКП(б) № 402/012 от 26 апреля 1943 года «Об улучшении условий творческой работы и быта писателей и художников». Это в узком смысле. Однако за каждым словом, за каждым канцеляризмом встают и истории живших тогда людей — художников, писателей, чиновников.

Орфография и пунктуация сохранены. Редакция журнала благодарит Государственный архив Новосибирской области за предоставленные документы.

Справка о составе новосибирской группы писателей на 5 апреля 1943 г.

[Не ранее 5 апреля 1943 г.]

1. АЛЕКСАНДРОВ Михаил Александрович. Род[ился] в 1894 г. Беспартийный.

Семья: жена — работник ДКА¹, старуха-мать жены.

Адрес: [ул.] Транспортная...

Средний заработок 1500—2000 р. в месяц.

Нуждается в овощах. Зимой у него украли зимнюю и летнюю одежду.

Малоформист. Пишет стихи, песни, фельетоны по заказам ДКА, Комитета по делам искусств, цирков, клубов. Художественное значение этих вещей достаточно низкое².

---

¹ Дом Красной армии. — Здесь и далее примеч. ред.

² Подчеркнуто красным карандашом.

2. АЛЕКСЕЕВ Никандр Алексеевич. Род[ился] в 1891 г. Член партии с 1927 г.

Семья: жена, дочь-школьница.

Адрес: ул. Байдукова...

Средний заработок 1000 р. Корреспондент «Последних известий» Всесоюзного Радиокомитета.

Материальное положение тяжелое: больная жена, временами лежит в постели по несколько недель, болеет и дочь. Овощей нет.

Как поэт за время войны почти не работал³. За все время им написано 3 стихотворения. Вообще же способный поэт, могущий хорошо работать.

3. БРАУСЕВИЧ Леонид Тимофеевич. Род[ился] в 1907 г. Член ВКП(б) с 1941 г.

Семья: жена — артистка театра кукол Образцова.

Адрес: Красный пр., гостиница «Советов», комн. 82. Тел. 35-125⁴.

Средний заработок 1300 р. Работает в театре кукол.

Материальное положение хорошее, однако совершенно не имеет белья, одеял, подушек и т. д., пользуясь всем в гостинице⁵.

За период войны им написан ряд пьес для кукольного театра. Пьеса «Калевала» одобрена и идет на сцене карельских театров. Писатель молодой, интересный. Эвакуирован из Ленинграда.

4. БРУШТЕЙН Александра Яковлевна. Род[илась] в 1884 г. Член ВКП(б) с 1943 г.

Семья: муж — заслуженный деятель науки, дочь — балерина ДКА, жена сына и внук 5 лет.

Адрес: ул. Урицкого...

Средний заработок 2000 р. в месяц.

Эвакуирована из Москвы в конце 1941 г.

Нуждается в овощах.

За время войны написала пьесы «День живых», «Король-паук», которые идут на сцене сибирских театров. Написала пьесу «Последнее слово» и готовит «Деды и шкеты». Активный общественный работник, талантливый писатель.

5. ВЕНЧЕР Дора. Эмигрантка из Германии, антифашистский писатель. Эвакуирована из Москвы в с. Искитим Новосибирской области в 1941 г.⁶

Материальное положение чрезвычайно тяжелое. На ее руках еще одна пожилая женщина. Заработок более чем мизерен. Овощей и продуктов нет. Обещают прикрепить к столовой и отоваривать карточки. Два раза получала ссуду от Литфонда ССП. Страдает острой формой болезни сердца. Нуждается в обуви и одежде.

За время войны написала ряд рассказов, которые вышли отдельной книжкой «Ненависть». Пишет на немецком языке. Печатается в журнале «Интернациональная литература».

³ Подчеркнуто красным карандашом.

⁴ Напротив этой строки пометка на полях синими чернилами: «Кв[артира]».

⁵ Подчеркнуто синими чернилами.

⁶ Пометка на полях синими чернилами: «Искитим. Эвакуир[ованная,] очень нужд[ается]».

6. ГЕРМАН Анна Ивановна. Род[илась] в 1902 г. Беспартийная.
Семья: мать, дочь-школьница и дочь студентка института.
Адрес: ул. Челюскинцев, 39, кв. 11. Тел. 32-695.
Средний заработок 400—500 р. После поступления в Радиокомитет — 1000 р.

Материальное положение очень тяжелое.

За время войны написала несколько небольших очерков и книжку о Кузбассе «На больших пластах». Особой ценности она не представляет⁷. Работает над пьесой по договору с театром им. Пушкина. Нужна ей творческая помощь.

7. ДРЕЙДЕН Симон Давыдович. Род[ился] в 1905 г. Беспартийный.

Семья: жена, ребенок 1,5 лет.

Адрес: ул. Романова...

Средний заработок 1500 р. Эвакуирован из Ленинграда в 1941 г.

Работает в Ленинградской Госфилармонии.

Как писатель за время войны ничем себя не проявил.

8. ЕМЕЛЬЯНОВ Борис Александрович. Род[ился] в 1903 г. Беспартийный.

Семья: жена, сестра и мать жены.

Адрес: [ул.] Спартаковская...

Материальное положение среднее. Нуждается в овощах.

Эвакуирован из Москвы в конце 1941 г.

Во время войны им написана книга рассказов «Возмездие», напечатан ряд рассказов и очерков в сборниках и альманахах. Вообще способный писатель, могущий расти и крепнуть, но наряду с хорошими рассказами у него встречаются слабые и беспомощные.

9. ЕРШОВ Артемий Ильич. Род[ился] в 1887 г. Беспартийный.

Семья: жена, сын студент Томского индустр[иального] института.

Адрес: ул. Челюскинцев, 39, кв. 2. Дом. тел. 34-693.

Инвалид. Получает пособие 140 р. Из-за болезни глаз не мог писать несколько месяцев.

За войну написал 3—4 рассказа и книжку для детей «Тимкино счастье». Книжка для детей хорошая, рассказы слабые.

10. КАНТОРОВИЧ Евгений Тимофеевич (Е. Танк). Род[ился] в 1899 г. Беспартийный⁸.

Одинокий.

Адрес: просп. Сталина... Эвакуирован с Кавказа. Контужен.

Средний заработок определить трудно, так как все время болеет, находится на бюллетене Литфонда ССП. Материальное положение очень тяжелое: нет совершенно белья, нечем сменить грязную рубашку. Нет овощей. Возбуждено ходатайство перед Москвою о вызове его туда к родственникам.

Журналист. В Сибири ничего не написал.

⁷ Подчеркнуто красным карандашом.

⁸ Пометка на полях синими чернилами: «Болен хронич.-психич.» (так. — Ред.).

11. КОНДЫРЕВ Лев Николаевич. Род[ился] в 1910 г. Беспартийный⁹.

Семья: жена (работает на заводе).

Адрес: Красноярская ул[ица]...

Средний заработок 700 р.

Материальное положение надо считать достаточным, нет только овощей.

Молодой еще поэт, способный, но не умеет или не хочет работать над собой¹⁰, над своими произведениями. Наряду с хорошими стихами много весьма слабых. Его книга «Смелое сердце» получила отрицательную характеристику.

12. КОЖЕВНИКОВ Савва Елизарович. Род[ился] в 1903 г. Член ВКП(б) с 1924 г.

Семья: жена — директор кинопроката, сын-студент, сын-школьник и старуха-мать. Болеет туберкулезом легких в открытой форме.

Адрес: Красный пр[оспект]...

Средний заработок 1500 р.

Материальное положение в среднем удовлетворительное. Нуждается в овощах.

Критик и очеркист. За время войны написал книгу «Сибиряки», ряд исторических и военных очерков. До войны написал книгу «Сибирь в художественной литературе», «Горький и Сибирь» (составил).

13. КОПТЕЛОВ Афанасий Лазаревич. Род[ился] в 1903 г. Беспартийный¹¹.

Семья: жена — школьный работник, сын — лейтенант, сын — боец Кр[асной] армии на фронте, дочь — учительница, дочь школьница, больная туберкулезом, лежит в больнице более года.

Адрес: ул. Челюскинцев, 39, кв. 10. Тел. 31-250.

Материальное положение хорошее.

Известный талантливый писатель. Перед войной вышел из печати его роман «На гора!» о Кузбассе. За время войны ничего значительного не написал. Мелкие рассказы сделаны слабо¹².

14. МЕКЛЕР Густава Исаковна. Род[илась] в 1905 г. Беспартийная.

Семья: жена писателя Успенского А. В., см. дальше.

Средний заработок 1000 р.

Драматург-переводчица. За период войны написала две антифашистских пьесы «Дамоклов меч» и «Семья Йогансен».

15. МИСЮРЕВ Александр Александрович. Род[ился] в 1910 г. Беспартийный.

Семья: жена работает, двое маленьких детей.

Адрес: пр. Сталина...

⁹ Пометка на полях синими чернилами: «Едет в Барнаул, Кузбасс...» Далее неразборчиво.

¹⁰ Здесь и далее по абзацу подчеркнута красным карандашом.

¹¹ Пометка на полях синими чернилами: «На фронте[,] возвращ[ается] к 20/IV».

¹² Подчеркнута красным карандашом.

Средний заработок ничтожный. Ряд месяцев не зарабатывал совсем. Материальное положение чрезвычайно тяжелое. Очень нуждается в деньгах. Овощей нет. Семью обокрали, нет одежды и обуви.

Талантливый писатель, но пишет крайне медленно и мало. Сейчас работает над книгой «Героические сказы шахтеров Кузбасса».

16. МУХАЧЕВ Илья Андреевич. Род[ился] в 1896 г. Беспартийный.

Семья: жена.

Адрес: ул. Челюскинцев, 5, кв. 18.

Материальное положение тяжелое. Печатается очень мало, заработок ничтожный, овощей нет. Больная жена.

Старейший талантливый поэт Сибири, автор ряда книг. За время войны написал несколько стихов, напечатанных в сборниках. Сейчас работает над большой поэмой о шахтерах Кузбасса.

17. ПАВЛОВ Георгий Павлович. Род[ился] в 1895 г. Кандидат в члены ВКП(б)¹³.

Семья: жена — работник Облпромсовета, двое маленьких детей, племянница, эвакуированная из Ленинграда, старуха-няня. На днях приезжает из Ленинграда слепой брат жены.

Адрес: ул. Челюскинцев, 39, кв. 6. Дом. тел. 33-693, служ. 33-072.

Средний заработок 1000 р.

Материальное положение тяжелое. Больные дети, большая семья, нет овощей, обуви.

За время войны как писатель почти не работал¹⁴, если не считать одного очерка в книге «Сибиряки-гвардейцы», очерков и фельетонов в газете «Красноармейская звезда».

18. ПУШКАРЕВ Глеб Михайлович. Род[ился] в 1889 г. Беспартийный.

Семья: жена и сын-боец на фронте.

Адрес: ул. Челюскинцев, 39, кв. 4. Дом. тел. 34-193.

За время войны написал 5 рассказов, закончил вчерне пьесу «На запад!» и работает над повестью о сегодняшнем дне.

19. СВИРИН Юрий Михайлович. Драматург-артист Ленинградского театра им. Пушкина. Род[ился] в 1900 г. Беспартийный.

Семья: жена и сын-школьник.

Адрес: ул. Урицкого... Эвакуирован из Ленинграда.

Материальное положение среднее. Нуждается в овощах.

За время войны написал две пьесы-миниатюры «Рай» и «Буква В», рассказ «Цапля», пользующиеся успехом на эстраде. Работает над большой пьесой.

20. СМЕРДОВ Александр Иванович¹⁵. Род[ился] в 1910 г. Член ВКП(б) с 1942 г.

¹³ Пометка на полях синими чернилами: «В командир[овке] на фронте[,] возвр[ащается] к 20/IV».

¹⁴ Подчеркнуто красным карандашом.

¹⁵ Пометка на полях синими чернилами: «Болен[,] в госпитале еще пролежит дней 10—12».

Семья: жена, сын 3 лет.

Адрес: ул. Челюскинцев, 39, кв. 5. Дом. тел. 33-713, служ. 32-366.

Средний заработок 1000 р.

Сын Смердова болеет туберкулезом кости¹⁶ и два месяца лежит в больнице¹⁷.

Способный поэт. За время войны работает особенно продуктивно. Его книжка стихов «Сибиряк Тарас Клинков» вышла в двух изданиях и пользуется большой популярностью среди бойцов Красной Армии. Написал ряд песен, одна из них — для фильма «Сибирь в дни войны». Много стихов напечатал в сборниках и газетах.

21. СТЮАРТ Елизавета Константиновна. Род[илась] в 1906 г. Беспартийная.

Семья: дочь-школьница и мать.

Адрес: ул. Октябрьская...

Средний заработок 1000 р.

Материальное положение среднее. Нет овощей.

От стихов для малышей, которые она писала до войны, перешла к стихам для взрослых. Вышло из печати две книжки стихов — одна для школьников и другая для взрослых.

22. ТАЙЦ Яков Моисеевич. Род[ился] в 1905 г. Беспартийный¹⁸.

Семья: жена — служит, двое маленьких детей. Дочь болеет туберкулезом.

Адрес: ул. Ленина...

Средний заработок 1000 р.

Материальное положение достаточно тяжелое: плохая квартира, нет овощей, больная дочь, не хватает белья и одежды. Эвакуирован из Москвы.

Малоформист. За время войны им написано много миниатюр, стихов, скетчей для ДКА, Комитета по делам искусств, кукольного театра. Квалифицированный писатель.

23. УРМАНОВ Кондратий Никифорович. Род[ился] в 1894 г. Беспартийный.

Семья: жена.

Адрес: ул. Челюскинцев, 39, кв. 8.

Материальное положение тяжелое. Заработка почти нет.

Старейший, способный сибирский писатель. Писал всегда очень медленно и мало. За период войны написал 2—3 рассказа, сейчас работает над пьесой о партизанах.

24. УСПЕНСКИЙ Андрей Васильевич. Род[ился] в 1902 г. Беспартийный.

Семья: жена — писательница Меклер (см[отри выше]), два маленьких сына, старуха приемная мать. Эвакуирован из Москвы в конце 1941 г.

¹⁶ Подчеркнуто синими чернилами.

¹⁷ Пометка на полях синими чернилами: «усил[енное] пит[ание] нужно».

¹⁸ Пометка на полях синими чернилами: «Выехал 17/IV на 4—5 дней в Барнаул по зад[анию]...» Далее неразборчиво.

Адрес: Красный пр[оспект]...

Средний заработок 1000 р.

Материальное положение благоприятное.

Драматург. Его пьесы идут на сцене ряда театров. В Сибири написал пьесу «Испытание чувств», принятую одним из сибирских театров, и работает над пьесой о Кузбассе.

25. ШЕНВАЛЬД Люциан Яковлевич. Род[ился] в 1909 г. Беспартийный.

Одинокий. Эвакуирован из Львова.

Адрес: Кировский район, 83, раб[очий] батальон.

Заработок 400—500 р.

Не имеет ни белья, ни одежды, ни обуви, ни овощей.

Пишет на польском языке.

26. ЯКУБ Эсфирь Яковлевна. Род[илась] в 1911 г. Кандидат в члены ВКП(б).

Семья: сын, старики отец и мать. Муж на фронте.

Средний заработок 800—900 р.

Адрес: Красный пр[оспект]...

Материальное положение достаточно трудное. Овощей нет.

Молодая писательница, общественник. Временно работает в выездной редакции газеты «Правда» в Кузбассе. За время войны напечатала книгу «Высота “С”», небольшую пьесу, принятую Комитетом по делам искусств.

Ответ[ственный] Секретарь Новосибирского отделения
Союза сов[етских] писателей Пушкарев.

Примечание редактора. Под подписью Пушкарева синими чернилами написано: «34-193[.] до 11 ч. дня дома». Напротив некоторых фамилий красным карандашом сделана пометка: плюс или минус. Плюсом отмечены: Браусевич, Бруштейн, Свирин, Смердов, Стюарт, Тайц, Урманов, Успенский. Минусом отмечены: Александров, Алексеев, Герман, Дрейден, Кондырев, Коптелов, Мишурев, Павлов. У прочих писателей пометок нет.

ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 278. Л. 228—231 об.

Сведения о некоторых художниках и скульпторах, проживающих в Новосибирске

[Апрель 1943 г.]

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Прагер В. И. — Председатель Союза советских художников. Тов. Прагер участвовал на большинстве выставок изобразительного искусства в Москве, основные его работы: «Встреча», «С песней в походе», «Нашли».

На выставке лучших произведений советских художников экспонировалась его картина «К любимому командиру».

На выставке «Художники Сибири» в дни отечественной войны одной из лучших картин была картина тов. Прагера...

Условий для творческой работы тов. Прагер не имеет, т. к. занимает комнату 12 метров с женой и 2-мя детьми.

Тютиков И. И. — Ведущий художник Сибири. Участвовал во всех сибирских выставках. Ряд работ тов. Тютикова приобретены музеем Ленина в Москве. Участвовал в оформлении павильона «Сибирь» во Всесоюзной сельско-хозяйственной выставке. В основном тов. Тютиков работает над картиной «Владимир Ильич Ленин и Иосиф Виссарионович Сталин в Сибирских ссылках».

Ликман Г. Г. — Участник 5-ти областных выставок. Основные его картины: тов. Молотов на собрании новосибирского актива, Возвращение тов. Свердлова из Максимкина Яра, Побег тов. Сталина из Нарымской ссылки. На выставке «Художники Сибири» в дни Отечественной войны тов. Ликман экспонировал свою картину «На родные места».

Раппопорт Н. Я. — Эвакуирован из Белоруссии. В 1940 году на декаде Белорусского искусства участвовал двумя работами, получившими высокую оценку. В Новосибирске «Художники Сибири» в дни отечественной войны тов. Раппопорт участвовал двумя бюстами тов. Москвитина и Лунина, скульптурой «Белорусская партизанка» — эта работа экспонировалась на выставке в Москве «Отечественная война» за которую тов. Раппопорт получил диплом второй степени. Сейчас тов. Раппопорт готовится к выставке «Сибирь фронту». Этот молодой растущий скульптор очень много работает над собой. В данное время тов. Раппопорт нуждается в производственной мастерской для работы и в материалах (гипс, алебастр, клей).

Григорьев М. А. — Театральный художник, участвовал во многих выставках в СССР и за границей. Все спектакли оформляемые тов. Григорьевым получают очень высокую оценку зрителя и общественности.

Снигорь В. С. — Участвовала на I-й Всесоюзной выставке дипломных работ скульптурой «Сталин с матерью», за эту работу получила первую премию. Тов. Снигорь в данное время не имеет жилплощади и условий для творческой работы.

Константиновский А. И. — Театральный художник. Им оформлено свыше 50 спектаклей в крупнейших театрах Союза, ряд работ находятся в музеях Москвы, Ленинграда и Киева. Сейчас тов. Константиновский работает над картиной для выставки «Сибирь фронту».

Шереметинская О. А. — Участвовала на большинстве выставок Сибирских художников, а также на выставке периферийных художников в Москве. Молодая, растущая художница, хорошая общественница.

Левин Г. Э. — Участвовал на ряде выставок в Ленинграде, Москве, Киеве, на выставке в Париже, Нью-Йорке и Лондоне.

Чеснокова А. С. — Окончила Ленинградскую Академию Художеств, участвовала на выставке дипломных работ. В данное время работает над картиной «Сибирь фронту».

Тов. Чеснокова живет в комнате проходной в 8 кв. метров с 2-мя детьми и не имеет условий для творческой работы.

Огибенин Л. Н. — Молодой Сибирский художник, участник большинства Сибирских выставок. Последние его произведения экспонируются на выставке в Москве, посвященной 25-летию Красной Армии. Член Правления Союза Советских Художников, ведет большую общественную работу.

Условий для творческой работы не имеет, занимает комнату в 10 кв. метров с женой и двумя детьми.

Штейн В. Ф. — Участвовала на выставке в Парижском салоне в 1908 году, на выставке Академии Художеств в 1911 г., на трех Областных выставках. Ею исполнен барельеф «Искусство народов СССР» на портале Новосибирского Оперного театра.

Викулов В. И. — Участвовал на выставках в Москве и Ленинграде. Его работы приобретены Госуд[арственным] Русским музеем, Музеем Революции и музеем имени С. М. Кирова. В данное время тов. Викулов работает для выставки «Сибирь фронту».

Силич А. Д. — С начала войны тов. Силич активно работает по выпуску «Окон ТАСС», участвовал на всех Сибирских выставках. Хороший общественник.

Условий для творческой работы не имеет, занимая одну комнату с больной женой.

В 1942 году Отдел по делам Искусств совместно с Союзом Советских Художников провел выставку «Художники Сибири» в дни Отечественной войны. Ко 2-й годовщине Отечественной войны готовится вторая выставка «Сибирь фронту». За период отечественной войны художниками Новосибирска выпущено более двух тысяч экземпляров «ОКОН ТАСС».

Для создания высококачественных произведений изобразительного искусства, отражающих героику фронта и тыла в дни Отечественной войны, необходимо создать ряд условий для художников:

1) выделение 5—7 комнат для производственных мастерских художников и скульпторов;

2) в выделении материалов: холста 200 метр., белил цинковых 50 кгр., масла растительного 100 кгр., гипсу 200 кгр., алебаstra 200 кгр., красок масляных и сухих тертых 100 кгр., рыбьего клею 25 кгр., кистей разных 200 штук, так как централизованных нарядов на указанные материалы ни Отдел искусств, ни Союз Советских Художников не имеет.

и. о. Зав. Облотделом по делам Искусств Овчинникова

ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 278. Л. 232—233

Письмо заведующего особым сектором Новосибирского обкома ВКП(б) А. Масляева Секретарю Новосибирского обкома ВКП(б) М. Кулагину «О необходимой, неотложной помощи писателям и художникам»

15 апреля 1943 г.

**СЕКРЕТАРЮ НОВОСИБИРСКОГО ОБКОМА ВКП(б)
тов. КУЛАГИНУ М. В.
О НЕОБХОДИМОЙ, НЕОТЛОЖНОЙ ПОМОЩИ
ПИСАТЕЛЯМ И ХУДОЖНИКАМ**

На 15.IV-43 г. в Новосибирском отделении Союза советских писателей состоит 26 человек.

Из них: 6 женщин, 7 членов и кандидатов ВКП(б),
11 человек эвакуированных.
10 человек заняты на работе по найму в различных организациях в театрах.
8 человек пишут пьесы.
2 человека пишут поэмы о Кузбассе.
1 человек пишет колхозную повесть.
4 человека — Алексеев, Дрейден, Канторович, Павлов — не работают, не пишут.

Большинство писателей работают очень мало и недостаточно продуктивно. Восемь человек за время войны написали стихи, очерки, рассказы очень низкого качества.

Условия работы, быта и материальное положение писателей не способствуют большой творческой работе и созданию произведений высокого качества в идейном и художественном отношении.

Новосибирское отделение Союза писателей не имеет ни клуба, ни читального зала, ни помещения для работы, для проведения собраний, литературных вечеров и встреч с читателями.

Нет никаких средств для творческих командировок, оказания временной помощи нуждающимся и для премий. Нет бумаги и различных пособий для работы. Писатели пишут на клочках бумаги, на старых использованных школьных тетрадях, на грязных обложках от тетрадей и книг, на газетах.

Средне-месячный заработок писателей колеблется от ничтожного до 2000 рублей:

2 тысячи руб. имеют заработок ..... 2 человека,
1500 рублей ..... 3 человека,
1000 рублей ..... 10 человек,
от 500 и ниже ..... 8 человек,
невьясненный заработок ..... 3 человека,

За исключением одного обеда на семью из столовой ученых писатели нигде ничего за время войны не получали и не получают.

Отношение со стороны хозяйственных и снабженческих организаций к просьбам и нуждам писателей исключительно косное и бездушное. Несколько фактов.

С сентября м[еся]ца 1942 г. писатели и художники добивались получения овощей. В декабре м[еся]це т. Гришин дал указание выдать писателям и художникам по мешку картофеля и капусты. Это указание дошло до Горторготдела и там похоронено. Картошка и капуста до сего времени не выданы.

Облторготдел выделил по одной паре на семью валенных сапог, прошла уже зима, а получение валенок все еще «оформляется».

Долго писатели добивались у Горторготдела получения галош. Отказано. В Универмаге же они продавались всем желающим. И так как писатели не получили их в Универмаге, то те же галоши покупали на рынке по 1200 рублей за пару.

Писатели прожились, израсходовались, до неприличия обносились, нуждаются в материальной и лечебной помощи.

Какие нужны минимальные меры для того, чтобы писатель мог сносно работать и жить?

1. В помещении редакции газеты «Советская Сибирь» за счет выселения не имеющих никакого отношения к редакции организаций — Облтопа¹⁹ и Плодоовощь, освободить занимаемые ими комнаты для Союзов писателей и художников, в которых разместить:

а) библиотеку Союза писателей (библиотека хорошая, пользуются ей, кроме писателей, художники, композиторы, все театры);

б) читальный зал (где можно было бы работать, особенно с редкими произведениями, которые на руки выдавать нельзя);

в) рабочие комнаты — для ведущих художников;

г) зал для проведения собраний, творческих вечеров и встреч с читателями.

2. Восстановить ежегодные премии имени Горького за произведения, созданные писателями.

Премии введены были с 1934 года (одна в 5000 руб.) выдавались ежегодно по 1936 год. Таким образом, за 6 лет (1937—1942) премиальный фонд составит сумму 30000 руб. Из них 10000 руб. выдать как премии за лучшие произведения, написанные в 1941 и 1942 гг. А 20000 руб. оставить в распоряжение Союза писателей для творческих командировок, для выдачи ссуд наиболее продуктивно работающим писателям над сибирской тематикой и для оказания помощи больным, нуждающимся и семьям писателей, находящихся в Красной армии.

3. Бюджет отделения ССП на 1943 год увеличить с 20 до 30 тысяч рублей с тем, чтобы иметь некоторую сумму на организационно-хозяйственные расходы для более культурного содержания помещений.

4. Установить регулярную, ежемесячную выдачу Союзу писателей писчей бумаги по 50 килограммов, первую выдачу произвести за апрель до 1-го мая, а также карандашей, чернил, перьев.

5. Организовать для писателей и художников отдельную столовую с прикреплением к ней членов семей и семей писателей и художников фрон-

¹⁹ Областное управление топливной промышленности.

товиков. Передать под столовую помещение быв[шей] кафе-закусочной на рабочей (так. — *Ред.*) улице.

6. К 1-му мая организовать продажу без карточек, в порядке единовременной продовольственной помощи, некоторых продуктов (масло, сахар, чай, крупа, шоколад, колбаса, сыр, папиросы).

7. Выделить картофеля и овощей на питание и картофеля на семена для индивидуальных огородов.

8. Отвести землю под индивидуальные огороды около города (а не в нескольких километрах от ст. Коченево, как это сделано).

9. Выделить писателям и художникам: промтоваров — готового платья (костюмов, пальто), белья, обуви, галош, чулок, носок и др. трикотажа, пастельных принадлежностей и парфюмерии (туалетного мыла, зубных щеток, порошка, одеколону), папирос, табаку.

10. В мастерских индивидуального пошива Обллегпрома разместить разовые заказы писателей и художников, из расчета — по одной вещи (пальто, костюм, обувь, платье) на каждого члена семьи, с двухнедельным сроком изготовления (не позже 15 мая).

11. Нуждающихся обеспечить квартирами, топливом, керосином.

12. Прикрепить писателей и художников к одной из поликлиник Центрального района гор. Новосибирска для обслуживания лечебной помощью. Горздравотделу организовать внеочередное их обслуживание, без очереди и в необходимых случаях с оказанием помощи на дому.

13. Выделить художникам для работы необходимое количество материалов:

красок масляных и сухих .... 100 кгр.

белил цинковых сухих ..... 75 кгр.

клею осетрового ..... 50 кгр.

гипса (или алебастра) (в документе данные не указаны. — *Ред.*)

холста сурового ..... 200 метров.

14. Разрешить художникам писать этюды на улицах города и на реке Оби.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. В Новосибирском отделении Союза художников состоит 41 человек.

2. В Новосибирском отделении Союза композиторов состоит 13 человек.

3. В Новосибирском отделении Союза архитекторов состоит около 150 человек.

Зав. особым сектором Новосибирского обкома ВКП(б) А. Масляев
15 апреля 1943 г.

Примечание редактора. На л. 213 об. синими чернилами написано: «Вызывались ко мне: Александров, Стюарт, Пушкарев, Кожевников, Успенский, Прагер и др. Масляев».

ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 278. Л. 211—213 об.

Решение бюро Новосибирского обкома ВКП(б) № 402/012
«Об улучшении условий творческой работы и быта
писателей и художников»

26 апреля 1943 г.

№ 402/012
26 апреля 1943 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО
Подлежит возврату в 30-ти
дневный срок в протокольную
часть Особого сектора

КОМУ: т. Масляеву

Выписка из протокола № 402 заседания бюро Новосибирского Обкома ВКП(б) от 26 апреля 1943 г.

ОБ УЛУЧШЕНИИ УСЛОВИЙ ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЫ
И БЫТА ПИСАТЕЛЕЙ И ХУДОЖНИКОВ

Для улучшения условий творческой работы и быта писателей и художников бюро Обкома ВКП(б) постановляет:

1. Обязать зам. председателя Облисполкома — т. Куперт и председателя горисполкома — т. Хайновского в десятидневный срок переселить из здания редакции газеты «Советская Сибирь» Облтоп и контору Плодоовощь в другое помещение.

Освободившуюся площадь полностью передать в распоряжение Новосибирского отделения Союза писателей и Союза художников для размещения библиотеки, читального зала, рабочих комнат и зала собраний.

2. Поручить т. Гришину (председатель Облисполкома):

а) восстановить ежегодные отчисления из местного бюджета, начиная с 1937 года, в литературный фонд имени Горького для выдачи премий писателям за лучшие произведения, написанные в 1941 и 1942 годах;

б) увеличить бюджет отделения ССП на 1943 год с 20 до 30 тысяч рублей;

в) остальную сумму литературного фонда передать в распоряжение Союза писателей для расходов на творческие командировки и оказание материальной помощи нуждающимся писателям и семьям писателей-фронтовиков.

3. Обязать Облплан — т. Бояркина:

а) обеспечить регулярный ежемесячный отпуск Союзу писателей (начиная с апреля месяца) по тридцати килограммов писчей бумаги;

б) выделить художникам для работы необходимое количество материалов: красок масляных и сухих, белил цинковых сухих, клею осетрового, гипса, алебаstra и холста сурового.

4. Обязать директора Новосибирского отделения КОГИЗа т. Сергеева включить на регулярное снабжение карандашами, чернилами, перьями Союзы писателей и художников.

«ПРОШУ ЛИЧНО РАЗБИТЬ В ПУХ И ПРАХ РАЗЛИЧНЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ И ОТГОВОРКИ...»

5. Обязать директора Новосибирского треста столовых т. Смолякова не позднее десятого мая с. г. оборудовать и открыть в помещении быв[шей] кафе-закусочной на рабочей улице столовую для писателей и художников, а также членов их семей и семей писателей, художников — фронтовиков.

Возложить персональную ответственность на т. Смолякова и председателей Союзов писателей и художников за образцовое, культурное оборудование и содержание столовой.

6. Обязать Новосибирский Горторготдел [—] т. Быкова:

а) выделить необходимые продовольственные фонды для литературного питания писателей, художников и для общего питания членов их семей и семей фронтовиков;

б) прикрепить писателей и художников к одному из промтоварных магазинов горпромоторга;

в) возложить персональную ответственность на зав. Горторготделом т. Быкова за своевременное и полное выделение необходимых продуктов и овощей для столовой писателей и художников и за своевременное отоваривание карточек в магазине.

7. Обязать председателя Новосибирского горисполкома т. Хайновского не позднее первого мая с. г.:

а) обеспечить выдачу писателям и художникам картофеля и овощей для дополнительного питания на дому;

б) отвести земельный участок для индивидуальных огородов около города и обеспечить семенами картофеля;

в) обеспечить квартирами и топливом нуждающихся писателей и художников.

8. Обязать Облторготдел (т. Малышева) до первого мая оказать писателям и художникам единовременную продовольственную помощь, организовав продажу без карточек масла, сахару или шоколаду, колбасы или рыбы и папирос.

9. Обязать Облегпром (т. Шпак) принять заказ от писателей и художников на изготовление в мастерских индивидуального пошива не позднее 15 мая: пальто демисезонных мужских 15, пальто демисезонных дамских 10, костюмов мужских 20, костюмов дамских 15, платьев дамских 15, рубашек мужских верхних 65, ботинок мужских 40 пар, туфель дамских 25 пар, обуви детской 50 пар.

10. Обязать директора Главунивермага т. Власова не позднее 15 мая продать писателям и художникам галош мужских 40 пар, галош дамских 10 пар, галош детских 50 пар, белья постельного десять комплектов (простыней, наволочек, пододеяльников) и одеял 10.

11. Обязать зав. горздравотделом т. Мелик в двухнедельный срок организовать в одной из поликлиник Центрального района обслуживание лечебной помощью писателей и художников с их семьями.

Секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) М. Кулагин

Примечание редактора. На титуле документа синими чернилами написано: «Письмо С[оюза] П[исателей] от 8/V. Наш № 8887[.] о невыпол[нении] данного решения[.] нап[равлено] т. Куперт 12.V. с резол[юцией] т. Кулагина: “Прошу лично разбить в пух и прах различные заявления и отговорки. Решение обкома на деле проведите в жизнь. М. Кулагин[.] 12.V.”»

Напротив п. 7, пп. «а» пометка на полях синими чернилами: «До 5/V еще ничего не сделано».

Напротив п. 7, пп. «б» пометка на полях синими чернилами: «До 5/V ничего не сделано[.] 13 т[он]н на 13 га».

ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 278. Л. 193–194

**Решение № 741 Исполнительного комитета
Новосибирского областного Советов депутатов трудящихся
«О восстановлении литературного фонда имени М. Горького»**

21 мая 1943 г.

г. Новосибирск

**О ВОССТАНОВЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА
ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО**

В целях поощрения творческой деятельности писателей Новосибирской области Исполнительный комитет решил:

1. Восстановить, начиная с 1943 года, литературный фонд имени М. Горького для выдачи премий писателям Новосибирской области за лучшие художественные произведения, написанные в 1941 и 1942 году.

2. Выделить из областного бюджета в литературный фонд имени М. Горького в 1943 году 30 тыс. рублей.

3. Для рассмотрения созданных писателями Новосибирской области произведений и выдвижения кандидатур на премирование создать комиссию при Облисполкоме в составе т.т. Филимонова (Облисполком), председателя комиссии Соколовой В. Е. (Обком ВКП(б)), Высоцкого А. В. (Политуправление СибВО), Кожевникова С. Е. и Пушкирева Г. М. (Союз советских писателей).

4. Обязать комиссию к 1 июля 1943 года представить на рассмотрение Облисполкома для премирования кандидатуры писателей, создавших в период войны лучшие художественные произведения.

5. Увеличить дотацию Новосибирскому отделению Союза советских писателей на 1943 год до 30 тыс. рублей.

6. Просить СНК РСФСР утвердить пункты №№ 1 и 2 настоящего решения.

Председатель Облисполкома И. Гришин
Секретарь Облисполкома Д. Филимонов

Верно: Зав. Протокол[ьной] группой Облисполкома Н. Степанова

Разослать: ВС РСФСР (2), СНК СССР — управление делами, СНК РСФСР — управление делами, Обком ВКП(б), Облплан, Облпрокурору, Инструкторская группа, Зам. Предоблисполкома, Контроль-

ная группа, Облфо, Союз Советских писателей, Филимонов, Соколова (Обком ВКП(б)), Высоцкий (Политупр. СибВО), Кожевников, Пушкарев (Союз Советских писателей), Отдел Искусств.

ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 278. Л. 219

Письмо Председателя Облплана т. Бояркина о выполнении постановления бюро Обкома ВКП(б) от 26.IV.1943 г. «Об улучшении условий творческой работы и быта писателей и художников»

20 июня 1943 г.

Секретно.

СЕКРЕТАРЮ ОБКОМА ВКП(б)
тов. КУЛАГИНУ М. В.

По вопросу выполнения постановления бюро Обкома ВКП(б) от 26.IV-1943 г. № 402/012 п. 3 «Об улучшении условий творческой работы и быта писателей и художников»

В соответствии с постановлением Обкома ВКП(б) от 26 апреля 1943 г. № 402/012 «Об улучшении условий творческой работы и быта писателей и художников» Облплан выполнил:

По п. 3-а — отпущено Союзу советских писателей бумаги писчей в апреле месяце — 20 кгр, в мае м[еся]це — 30 кгр. За июнь месяц бумага забронирована на складе Росснаббыта, но еще не отпущена за неявкой за ее получением.

По п. 3-б — Союзу советских художников отпущены: масляные краски, белая эмаль (взамен белил), кисти, растворители (скипидар, керосин), воск, лак светлый, проволока. Оказана помощь в получении материалов, не имеющих в распоряжении Облплана, от организаций союзного подчинения: алебастр, сухие краски, анилиновые краски, рыбий клей, суровое полотно. За отсутствием фондов и наличия на складе Химсбыта не представилось возможным обеспечить достаточного количества цинковых белил.

Председатель Облплана Н. Бояркин

ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 278. Л. 203

Письмо заведующего Горздравом т. Мелик о выполнении постановления бюро Обкома ВКП(б) от 26.IV.1943 г. «Об улучшении условий творческой работы и быта писателей и художников»

21 июня 1943 г.

Секретно.

ОБКОМ ВКП(б)

Тов. Кулагину М. В.

Копия: Горисполком, тов. Хайновскому.

На № 2014 от 20.VI.1943 года.

Согласно решения Обкома ВКП(б) от 26-го апреля с. г. писатели и художники в количестве 107 человек, согласно списка Союза писателей, прикреплены с 4-го мая с. г. для получения амбулаторно-лечебной помощи в центральную поликлинику для внеочередной и квалифицированной медпомощи.

Зав. Горздравом Мелик
Нач. Спецсектора Дрягина

ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 278. Л. 200

**Письмо Управляющего Новосибирским областным отделением
КОГИЗ'а т. Сергеева о выполнении постановления бюро
Обкома ВКП(б) от 26.IV.1943 г. «Об улучшении условий
творческой работы и быта писателей и художников»**

21 июня 1943 г.

СЕКРЕТАРЮ НОВОСИБИРСКОГО ОБЛАСТН[ОГО]
КОМИТЕТА ВКП(б)
тов. КУЛАГИНУ М. В.

Во исполнение решения Бюро Обкома ВКП(б) от 26 апреля 1943 г. «Об улучшении условий творческой работы и быта писателей и художников», пункт 4 — мною дано соответствующее указание директору Облкнижканцбазы КОГИЗа тов. Пех о принятии Союзов писателей и художников на регулярное снабжение. Заявки указанных союзов по мере их поступления к нам удовлетворяются только наличием нашего ассортимента. Жалоб на недоснабжение их не было за исключением красок и специальной рисовальной бумаги, которых в ассортименте у КОГИЗа в настоящее время нет.

Управляющий Новосибирским областным
отделением КОГИЗа Сергеев

ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 278. Л. 202

**Письмо заведующего Облторготделом т. Малышева
о выполнении постановления бюро Обкома ВКП(б)
от 26.IV.1943 г. «Об улучшении условий творческой
работы и быта писателей и художников»**

21 июня 1943 г.

Секретно.

СЕКРЕТАРЮ НОВОСИБИРСКОГО ОБКОМА ВКП(б)
тов. КУЛАГИНУ М. В.

Во исполнение решения Обкома ВКП(б) от 26/IV-1943 года за № 402/012, пункт 8, Облторготделом выделено к 1-му мая согласно

представленного отделением Союза писателей и Союза художников списка на 105 человек следующее количество продтоваров коммерческого фонда:

мясо-рыбы ..... 157,5 кгр.

жиров животных ..... 63,0 кгр.

сахар и конд[итерские] изд[елия] ... 94,5 кгр.

Кроме того, согласно нашего указания Гастрономом № 4 были отпущены папиросы по списку этому же контингенту.

В июне согласно ходатайства Союза писателей было отпущено для больных писателей и членов их семей без продовольственных карточек:

мясо-рыбы ..... 5 кгр.

жиров животных ..... 2,4 кгр.

сахар и конд[итерские] изделия ..... 3,1 кгр.

Зав. Облторготделом В. Мальшев

ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 278. Л. 205

Письмо директора Треста столовых Смолякова о выполнении постановления бюро Обкома ВКП(б) от 26.IV.1943 г. «Об улучшении условий творческой работы и быта писателей и художников»

21 июня 1943 г.

СЕКРЕТАРЮ ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА ВКП(б)
г. КУЛАГИНУ М. В.

На Ваш запрос от 20 июня 1943 г. № 2009 сообщаю, что по решению Бюро Обкома от 26.IV-43 г. сделано следующее: Писателям и художникам открыта столовая в помещении, указанном решением, по контингенту прикрепленных столовая удовлетворяет писателей-художников и их семей. Помещение чистое, жалоб на обслуживающий персонал не имеем, [есть] желание столоующихся увеличить норму закладки продуктов для приготовления обедов, что трест в настоящее время сделать не в состоянии. В последней декаде июня будет отпускатся как система молоко в количестве 50 литров ежедневно. Получен наряд от Горторготдела на пиво в количестве 0,5 на чел[овека] в день, последнее будет подаваться к столу.

Считаю необходимым сообщить, что отдельные товарищи по неизвестным причинам забывают платить за обеды деньги и уходят не рассчитываясь. Это заставляет нас изменить систему расчета, хотя и не желательную, но получать стоимость за обед вперед.

Директор Треста столовых Смоляков

Примечание редактора. В документе есть пометки красным карандашом. Первое предложение, до слов «сделано следующее» подчеркнуто; начиная со слов «Помещение чистое...» и до конца документа текст заключен в фигурную скобку, напротив него стоит знак вопроса.

ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 278. Л. 198

**Письмо директора Новосибирского универмага т. Власова
о выполнении постановления бюро Обкома ВКП(б)
от 26.IV.1943 г. «Об улучшении условий творческой
работы и быта писателей и художников»**

21 июня 1943 г.

**СЕКРЕТАРЮ НОВОСИБИРСКОГО ОБКОМА ВКП(б)
тов. КУЛАГИНУ**

На Ваш № 2005 от 20.VI-1943 года.

В момент получения решения бюро Обкома ВКП(б) (об улучшении условий творческой работы и быта писателей и художников) универмаг предметами ширпотреба, указанными в решении, не располагал, поэтому был немедленно поставлен вопрос об отпуске этих товаров универмагу местными базами Главтекстильбыта и Главхимсбыта.

Получив текстиль с базы Текстильсбыта, универмаг немедленно передал этот материал своему производственному комбинату и изготовил:

Кальсон мужских — 10 пар

Наволочек — 10 шт.

Простыней — 10 шт.

Пододеяльников — 10 шт.

Сорочек мужских — 10 шт.

и 10 июня с. г. на этот товар были переданы талоны Облторготделу для передачи их по назначению. 15 июня с. г. Облторготделом эти талоны были переданы художникам и писателям.

Таким образом, из этой группы товаров на сегодняшнее число остались не проданными 10 шт. одеял.

Принимая во внимание, что шерстяных одеял на базе Текстильсбыта в наличии нет, универмаг их за это время не получил и получение их не предвидится, универмаг решил изготовить 10 стеганых ватных одеял из полученного 19 июня с. г. шелка.

Что же касается продажи 40 пар галош мужских, 10 пар женских и детских 50 пар, то выполнение этого решения задерживается вследствие того, что Главрезиносбыт до сих пор не дал ответа на телеграмму Облторготдела от 8.V с. г. об отпуске местной базой Химсбыта из резерва нужного количества универмагу галош.

Поэтому, как только будет получено указание Главхимсбыта об отпуске универмагу галош, решение Бюро Обкома будет немедленно выполнено.

Одновременно сообщаем, что 14.IV с. г. было вручено торговому отделу ВКП(б) следующее количество талонов на промтовары для писателей и художников:

1. Галоши и боты резиновые — 15 пар

2. Платья шерстяные женские — 15 шт.

3. Костюмы мужские — 12 кост.

4. Костюмы детские шерстяные — 30 кост.

5. Носок мужских — 60 пар

6. Чулок детских	— 38 пар
7. Кальсон мужских	— 30 пар
8. Фуфаяк-рубашек мужских	— 35 шт.
9. Панталон женских	— 35 шт.
10. Чулок женских	— 30 пар.

Директор Новосибирского универмага НКТ СССР Власов
ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 278. Л. 204—204 об.

**Письмо заместителя Председателя Горисполкома, заведующего
Горторготделом т. Быкова о выполнении постановления бюро
Обкома ВКП(б) от 26.IV.1943 г. «Об улучшении условий
творческой работы и быта писателей и художников»**

22 июня 1943 г.

Секретно.

СЕКРЕТАРЮ ОБКОМА ВКП(б)
тов. КУЛАГИНУ М. В.

О выполнении постановления бюро Обкома ВКП(б) от 26.IV.1943 г. «Об улучшении условий творческой работы и быта писателей и художников» по п. 6 сообщая:

В столовой, открытой для писателей и художников в помещении бывшей закусочной, питание предоставляется как самим писателям и художникам (88 человек), так и членам их семей (192 человека) в соответствии с постановлением бюро Обкома ВКП(б) от 26.IV. с. г.

Продовольственные фонды для питания писателей и художников выделяются полностью по нормам особого списка, т. е. по повышенным против норм, установленных приказом Наркомторга № 170, а для членов семей по нормам общего питания, т. е. по карточкам.

Для усиления питания писателям и художникам отпускается по 0,5 литра молока ежедневно, а Горпищеторгом в июне месяце отпущено 100 кгр. сушеного картофеля для выдачи на руки.

Для снабжения промтоварами писатели и художники прикреплены к магазину № 26 Горпромторга.

Отоваривание карточек писателям и художникам проводится полностью и никаких жалоб, в этой части, мы от них не имеем.

Зам. Пред. Горисполкома — Зав. Горторготделом
М. Быков

Примечание редактора. Во второй части документа имеется пометка красным карандашом: последние четыре абзаца заключены в фигурную скобку и напротив них стоит вопросительный знак.

ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 278. Л. 197

**Письмо Заместителя председателя Облисполкома т. Куперта
и Председателя Горисполкома т. Хайновского о выполнении
постановления бюро Обкома ВКП(б) от 26.IV.1943 г.
«Об улучшении условий творческой работы и быта
писателей и художников»**

22 июня 1943 г.

**СЕКРЕТАРЮ ОБКОМА ВКП(б)
тов. КУЛАГИНУ М. В.**

Пункт первый Постановления Бюро Обкома ВКП(б) от 26 апреля с. г. «Об улучшении условий творческой работы и быта писателей и художников» не выполнен²⁰.

За это время переселить Облтоп, занимающий семь комнат в здании редакции «Сов[етская] Сибирь» и Трест Торгплодоовощь, занимающий одну комнату (бывш[ий] красный уголок редакции) не представилось возможным из-за отсутствия необходимых помещений для размещения этих организаций.

В данное время представляется возможность переселить Облтоп и контору Торгплодоовощь в Большой зал в здании редакции «Сов. Сибирь», ранее подготовленный для производства, который требует ремонта и переоборудования, или в здание бывшего собора, находящегося в ведении КЭЧ²¹ Новосибирского гарнизона, три месяца пустующего.

Считаем необходимым предложить КЭЧ Новосибирского гарнизона передать здание бывшего собора в ведение Новосибирского Горисполкома с тем, чтобы за счет его можно было расселить Облтоп, Трест Торгплодоовощь, ОРС²² Облтопа и другие организации, которые в данное время крайне нуждаются в помещении.

Зам. председателя Облисполкома В. Куперт
Председатель Горисполкома В. Хайновский

ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 278. Л. 195

**Письмо начальника Облегпрома т. Шпак о выполнении
постановления бюро Обкома ВКП(б) от 26.IV.1943 г.
«Об улучшении условий творческой работы и быта писателей
и художников»**

[22–23] июня 1943 г.

**СЕКРЕТАРЮ НОВОСИБИРСКОГО ОБКОМА ВКП(б)
тов. КУЛАГИНУ**

²⁰ Подчеркнуто красным карандашом, дополнительно, в виде вертикальной черты, пометка на полях.

²¹ Квартирно-эксплуатационная часть.

²² Отдел рабочего снабжения.

На ваше письмо от 20 июня за № 2006, о выполнении п. 9 решения бюро Обкома от 25²³.IV сообщаю:

Союзу писателей и художников выдано 230 ордеров на пошив изделий —

костюмов мужских	20
[костюмов] женских	15
платьев женских	15
рубашек муж. верхних	65
туфель женских	25
ботинок мужских	40
детской обуви	50

Не изготовлено демисезонных пальто дамских 10

[пальто] мужских 15

за отсутствием сырья.

Начальник Обллегпрома Шпак

Примечание редактора. Документ в месте, где стоит штамп Областного управления легкой промышленности и где указана исходящая дата, поврежден. Рядом со штампом есть надпись красным карандашом: «пол[учено] 23.VI».

ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 278. Л. 199

**Письмо заместителя Председателя Горисполкома, заведующего
Гортorgetделом т. Быкова о выполнении постановления бюро
Обкома ВКП(б) от 26.IV.1943 г. «Об улучшении условий
творческой работы и быта писателей и художников»**

23 июня 1943 г.

Секретно.

СЕКРЕТАРЮ ОБКОМА ВКП(б)

тов. КУЛАГИНУ М. В.

О выполнении постановления бюро Обкома ВКП(б) от 26.IV.1943 г. «Об улучшении условий творческой работы и быта писателей и художников» сообщаем, что Союзу писателей и художников отведен земельный участок в совхозе № 655 в количестве 10 га для организации на нем индивидуальных огородов.

26-го и 28-го мая Горпищеторгом писателям и художникам отпущено семенного картофеля 9690 килограмм.

Для питания писателям и художникам в июне месяце (10.VI.) отпущено сушеного картофеля 100 кгр., что равно одной тонне сырого картофеля.

Зам. Пред. Горисполкома — Зав. Гортorgetделом
М. Быков

ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 278. Л. 201

²³ Опечатка. Должно быть «26».

**Протокол № 6 заседания Новосибирского Правления
Союза советских писателей**

6 июля 1943 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: члены Правления — Коптелов А. Л., Мухачев И. А., Пушкарев Г. М., Стюарт Е. К., актив — Емельянов Б. А., Дрейден С. Д., Двинский Э. Я., Успенский А. В. и чл[ен] Правления Смердов А. И.

ПОВЕСТКА ДНЯ

1. О работе столовой.
2. О выпуске альманаха № 3 «Сибирские огни».
3. Доклад т. Дрейдена о поездке в Москву.
4. О покупке лошадей для ССП.
5. Текущие дела.

1. **СЛУШАЛИ:** сообщение т. Двинского — председателя столовой комиссии о положении в столовой ССП и ССХ.

Столовая, выделенная по решению Обкома ВКП(б) для ССП и ССХ, работает неудовлетворительно. Трест столовых не выполняет распоряжения Горисполкома о снабжении столовой овощами и продуктами, питание семей не обеспечено, производится неправильная вырезка карточек, имеются случаи обвеса, не выдается молоко и т. д.

ПОСТАНОВИЛИ: считать, что Столовая комиссия не сумела еще развернуть своей работы, организовать проверку, контроль столовой, в достаточной мере связаться со снабжающими столовую организациями, наладить дежурства в столовой. Предложить комиссии установить дни ее собраний, дежурства членов комиссии в столовой ежедневно по 2 часа, установить ежедневные дежурства актива. Иметь в столовой меню с указанием количества отпускаемых продуктов и нормы вырезки карточек. Меню должно быть подписано дежурным столовой.

Предложить комиссии связаться с совхозами и торгами по вопросу о дополнительных продуктах для столовой.

Довести до сведения Треста столовых (т. Смолякова) о грубости персонала столовой и о систематическом обвесе питающихся.

Проверить, куда пошли дополнительно отпущенные столовой такие продукты, как колбаса, не поступившие в столовую.

Ввиду того, что столовая не могла обеспечить снабжение молоком детей в июне месяце, благодаря чему пропали наряды на молоко, настоять перед Трестом столовых об отпуске столовой фляг и получать наряды на молоко в адрес ССП, но не столовой.

Добиться от Треста столовых снабжения столовой овощами, согласно решения Обкома ВКП(б) и Горисполкома от 13 мая с. г.

Считать необходимым восстановить штатную должность уполномоченного Литфонда по материально-бытовому обслуживанию писателей.

2. **СЛУШАЛИ:** сообщение т. Дрейдена о поездке его в Москву. Т. Дрейден сообщает, что ходатайство Новосибирского Правления ССП

«ПРОШУ ЛИЧНО РАЗБИТЬ В ПУХ И ПРАХ РАЗЛИЧНЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ И ОТГОВОРКИ...»

о создании в Новосибирске подсобного хозяйства удовлетворено Литфондом СССР и Всесоюзным комитетом по делам искусств. На организацию этого хозяйства переведено заимообразно 20 тысяч рублей.

В ближайшие дни в Москве будет рассмотрен вопрос о принятии в члены ССП кандидатов, представленных Новосиб[ирским] отд[елением] ССП.

Т. Дрейден договорился в Москве об участии новосиб[ирских] писателей в работе Совинформбюро и в газете «Известия».

ПОСТАНОВИЛИ: сообщение т. Дрейдена принять к сведению. Поручить т. Дрейдену написать краткое письмо Новосиб[ирской] организации с изложением условий и характера работы в Совинформбюро и в «Известиях». Затем этот вопрос вынести на общее собрание писателей.

3. **СЛУШАЛИ:** о выпуске альманаха № 3 «Сибирские огни».

На требование Обкома ВКП(б) к ОГИЗу представить ему аннотацию на альманах № 3, ОГИЗ представил случайную аннотацию, не отвечающую не только действительному содержанию альманаха, но даже не отвечающую мнению самого ОГИЗа.

ПОСТАНОВИЛИ: считать недопустимым представление ОГИЗом подобных документов в партийную организацию, настаивать перед ОГИЗом о немедленном созыве Художественного Совета для обсуждения альманаха и дачи по нему новой аннотации.

Считать недопустимым то явление, что альманах за полгода не был просмотрен Худ. советом, что книга Коптелова «Лето на пасеке» лежит в портфеле также более полугодом, что план на 3 квартал утвержден ОГИЗом без рассмотрения его на Худ. совете.

4. **СЛУШАЛИ:** о покупке лошадей для подсобного хозяйства ССП.

Из Ойрот-Туры получена телеграмма, разрешающая покупку и вывод из Ойротии двух лошадей для ССП.

ПОСТАНОВИЛИ: лошадей купить. Командировать в Ойротию т. Коптелова и дворника Злобина. Добиться разрешения перевезти лошадей на пароходе. Начать подготовку к покупке телег, саней, хомутов и т. д. Немедленно начать косьбу травы.

5. **ТЕКУЩИЕ ДЕЛА.**

СЛУШАЛИ: об увековечении памяти писателей А. В. Козачинского, А. И. Ершова, П. В. Кучияк.

ПОСТАНОВИЛИ: а) Рассмотреть и утвердить проект памятника А. В. Козачинскому. Устроить в ближайшие дни вечер памяти А. В.

б) Совместно с женою покойного Ершова А. И. привести в порядок литературный архив А. И. Подготовить к изданию сборник его рассказов, выпуск которого сделать после войны.

в) Принять меры к сохранению архива ойротского писателя П. В. Кучияк, основоположника ойротской драматургии, фольклориста и поэта. Командировать в Ойрот-Тура т. Коптелова для разрешения вопро-

сов о сохранении литературного наследства П. В. Кучияк, об издании его трудов, о назначении его семье персональной пенсии Литфонда СССР.

г) Договориться с семьей П. Н. Стрижкова о покупке у нее литературного архива покойного.

Председатель Правления ССП Г. Пушкарев

ГАНО. Ф. Р-1597. Оп. 1. Д. 86. Л. 9—12

**Письмо Председателя правления ССП т. Пушкарева
о реальном положении дел с выполнением постановления бюро
Обкома ВКП(б) от 26.IV.1943 г. «Об улучшении условий
творческой работы и быта писателей и художников»**

7 июля 1943 г.

По существу прилагаемых писем должен сказать следующее:

1. Нач. Обллегпрома — т. Шпак.

Все также не получены пальто демисезонные мужские и женские.

2. Горздрав — т. Мелик.

В поликлинику писатели и художники формально были прикреплены 4 мая, фактически же их там отказались принимать и оказывать медпомощь, пока не пришлось в июне снова пойти к т. Мелик и снова ставить вопрос о нормальной работе поликлиники. Пока, как будто, дело идет гладко.

3. Горторготдел — т. Быков.

Земли отведено не 10 га, а только 6 га в 14 км. от города без всяких способов передвижения, кроме пешего.

Решением горисполкома от 13 мая за № 328 было записано: «§ 6. Обязать Горпищеторг... ежемесячно, начиная с 1 мая, отпускать для писателей и художников для дополнительного питания на дому: картофеля 2 тонны, овощей 1 тонну».

Это решение не выполнено. В июне удалось получить у Горпищеторга сухого нестандартного картофеля 100 кг, что, безусловно, не равняется 1 тонне свежего картофеля. В свежих овощах Горпищеторг отказал.

Решением Обкома ВКП(б) на т. Быкова возлагалось своевременное и полное выделение необходимых продуктов и овощей для столовой писателей и художников и за (так в тексте. — *Ред.*) своевременное отоваривание карточек в магазине. Как видно даже из прилагаемых статистических данных, овощей в столовую не давалось ни в мае, ни в июне (кроме лука). Не дается и мясо, питание — соленая рыба и каша.

4. КОГИЗ — т. Сергеев и Облплан — т. Бояркин.

КОГИЗ для писателей охотно отпускает канц[елярские] принадлежности, но у него нет ни лент для машинки, ни копирки.

С художниками положение значительно хуже. Нет красок, лака и т. д. ни в КОГИЗе, ни в Облплане. У художников есть малиновая, черно-коричневая краски и берлинская лазурь, с которыми никаких картин не сделаешь. Ставился вопрос о посылке т. Ш[т]ейн — зав. мастерской художников в Москву, но эта поездка не разрешена т. Овчинниковой — нач. Комитета по делам искусств. Художники не имеют возможности готовиться к выставке. Положение безвыходное.

Бумага ССП от Облплана получена полностью за 2-й квартал.

5. Главунивермаг — т. Власов.

ССП и ССХ получено — наволочек — 10, простыней — 10, пододеяльников — 10, но кальсон 10 и сорочек мужских 10 — не получали. Одеял и галош также не получали. Остальные товары, перечисленные в письме, получены.

6. Облторготдел — т. Мальшев.

Продукты получены, что касается снабжения больных, то здесь буквально днями приходилось обивать пороги[,] и все же делали не то, что предписывалось Облздравом и врачами.

7. Облисполком — т. Куперт и горисполком т. Хайновский.

Приходится констатировать, что здесь ничего не сделано и не принималось. О пустом зале «Сов[етской] Сибири» разговор шел с мая месяца, но так он и не сдвинулся с места, а в решении горисполкома от 13 мая предлагается зав. горкомхозом т. Мартынову освободить помещение к 23 мая. Т. Мартынов, видимо, там и не бывал.

В § 7 решения обкома ВКП(б) предлагается Горисполкому предоставить нуждающимся писателям и художникам квартиры. И тут ничего не сделано. Освобождена одна комната для больного туберкулезом т. Павлова.

Зав. жил. отделом т. Кайгародов заявляет, что у него комнат нет и ничего сделать он не может.

8. Горторготдел т. Быков и трест столовых т. Смоляков очевидно кем-то введены в заблуждение по вопросу о столовой.

Они пишут о 0,5 литра молока на человека ежедневно. Этого молока нет в статистических сведениях, как нет и в натуре. Горторготдел отпустил на июнь 700 литров молока на детей. По 20 июня получено 67 л. (см. стат[истические] сведения). За месяц получено приблизительно 1/3 того, что занаряжено. Бывает иногда молочный суп из искусств[енного] молока, но и тут никак ни при какой погоде на 0,5 л. на человека да еще ежедневно не натянешь.

Т. Смоляков «отпустил» даже по 0,5 л. пива на человека, но этого пива не было ни разу²⁴. В мае художники достали боченок пива, успели попробовать, но выпила за художников это пиво столовая № 57.

²⁴ Подчеркнуто Пушкиревым.

Обслуживание столовой неудовлетворительное. Грубые официантки, перебои в подаче пищи, а главное неприкрытое обвешивание потребителя. Вместо 500 гр. селедки отпущено 350, вместо 60 гр. — 50—55 и т. д. Все это отмечено в актах столовой комиссии.

Вырезка карточек производится неправильно. За творог вырезалось так же, как за мясо (100 гр.). На днях за сметану вырезали 30 гр., а нужно было 15 (есть акт).

В силу этого иждивенческой карточки хватает на 6—7 дней. Овощей не бывает (по статистическим сведениям за июнь отпущено 8,8 кг. картошки).

В отчетах пишется рыба-мясо, фактически одна пересоленная рыба.

В результате того, что не хватает карточек, получается недорасход жи-ров, круп и т. д. Нет на них карточек, карточки вырезаются неправильно.

Вот наш ответ по существу прилагаемых писем.

Дополнительно хотелось бы сказать следующее: для художников кроме всего нужно временное помещение, где бы они могли писать картины к выставке. Таким помещением мог бы пока служить пустой зал «Сов[етской] Сибири».

Очень тяжело обстоит дело с освещением. Без огня невозможна совершенно работа писателей и художников. Об этом у нас сказано в другом письме.

Пред. правления ССП Пушкарев
7.VII.43 г.

ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 278. Л. 222—223 об.

Георгий СТАРК

ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛИИ. ОТ ШАНХАЯ ДО ФИЛИППИН

Редакция благодарит Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына за любезно предоставленную для публикации в журнале рукопись воспоминаний контр-адмирала Георгия Старка (1878—1950) «Отчет о деятельности Сибирской флотилии». В печати уже были представлены некоторые фрагменты «Отчета». Мы публикуем ранее неизвестную широкому читателю часть документа, посвященную пребыванию флотилии в Шанхае и на Филиппинах. Орфография и пунктуация рукописи частично сохранены.

Шанхай

Сразу же по прибытии в Вузунг выяснилось, что нам не будет разрешено войти на внутренний рейд Шанхая. Начальник порта, англичанин на китайской службе, предложил нам войти в реку Вампу, где стать в стороне от фарватера, но по сношению со своим начальником известил меня, что и этот проект отпадает.

Я отправился в город для свидания с нашим бывшим генеральным консулом в Шанхае, Гроссе. В это время наше консульство хотя и имело на флагштоке русский национальный флаг, но юридически находилось в подчинении китайскому комиссару по иностранным делам и именовалось «Бюро по русским делам».

Гроссе числился помощником комиссара. Он встретил меня очень сухо и заявил сразу, что ничем помочь не может, что мы находимся на китайской территории (Вузунг) и что он тоже подчинен китайскому правительству, и что все зависит от решения последнего.

Нанеся после этого визиты консулам Великих Держав, я окончательно убедился в том, что флотилия оставлена иностранцами на произвол китайских властей. Единственно о чем позаботился консульский корпус, это чтобы ни корабли, ни люди с Флотилии не проникли бы в международный Шанхай. Об этом Консульский Корпус сделал соответствующее представление китайцам.

При последовавшем затем моем свидании с комиссаром по иностранным делам последний передал мне через Гроссе, что китайские власти не

разрешают флотилии остаться в Вузунге и требуют нашего ухода в море, и что кораблям не разрешается иметь сообщения с берегом.

Я заявил, что выйти в море не могу, что мне для этого требуется получить:

- 1) 1000 тонн угля
- 2) 1000 тонн воды
- 3) продовольствие на один месяц
- 4) разрешение ввода в док пяти кораблей для ремонта за мой счет.

В дальнейшем мне было разрешено отпускать по китайским пропускам по три человека с корабля в сутки в Шанхай за провизией, было обещано, что китайское благотворительное общество даст уголь и воду и часть провизии, но было подтверждено, что корабли должны оставаться на внешнем рейде Вузунг и что на входе в Шанхай для ремонта требуется разрешение Пекинского правительства.

Так как я заявил китайцам, что корабли, нуждающиеся в ремонте, не брошу и буду стоять со всей Флотилией, пока не добьюсь разрешения на ввод их в док, то и уголь, и вода, обещанные мне, присланы не были.

Таким образом в бесполезных переговорах шли дни за днями. Флотилия жгла уголь и проедала последние гроши.

Вернувшийся из Мукдена полковник Ярон сообщил, что вследствие заявлений, сделанных маршалу Чжан-зо-лину со стороны кругов, близких к бывшему правителю, генералу Дитерихсу, о том, что Флотилии приказано идти в Инкоу и что никакого договора не требуется, маршал, видя развившиеся около этого дела интриги, отказался от него вовсе.

Следовательно, план похода в Инкоу отпадал окончательно, ибо идти туда самостоятельно уже не было средств. Кроме того, я, как прежде, считал преступлением идти в Инкоу очертя голову и сдаваться на милость Чжан-зо-лина. Армия, доверившаяся его великодушию и беспрекословно сдавшая свое оружие на границе Маньчжурии, оказалась в положении военнопленных и подвергалась всякого рода лишениям и издевательствам. Флотилии надо было избрать иные пути.

Я обратился к адмиралу Дудорову с просьбой о денежной помощи и получил от него ответ, что наш военный агент в Токио, генерал Подтягин, может перевести мне всего 10 000 иен и что исключительно на помощь беженцам, но не на нужды Флотилии. Деньги эти я впоследствии получил и израсходовал их действительно по прямому назначению.

Создавалось безвыходное положение. Среди пассажиров Флотилии, мечтавших о переселении в Шанхай, царило глубочайшее уныние. Развилось сильное пьянство, после чего я приказом запретил употребление спиртных напитков на кораблях.

10 января с утра, с началом отлива, дивизионы начали сниматься с якоря. <...>

Последнее, что я получил в Шанхае, уже после съемки с якоря, было радио, адресованное мне через Бюро по русским делам генерал-губернатором французского Индо-Китая. В этой радио Флотилии запрещался вход в Сайгон и другие порта Индо-Китая.

К счастью для нас, наш путь лежал не туда.

От Шанхая до Филиппин

Переход до Хайтанского пролива происходил при мертвом штиле. На этот раз удалось даже поддерживать радиосвязь между третьим и первым дивизионами настолько, что вечером 12 января, когда первый дивизион подходил к якорному месту, а третий согласно донесению стоял уже на якоре, я мог распорядиться по радио на «Фарватере» зажечь яркий огонь. Это облегчило вход на неосвещенный рейд Хайтанского пролива. Отставший второй дивизион не рискнул входить ночью на рейд и стал на якоре в бухте за маяком Торнабаут, в 12 милях к северу от нашего якорного места.

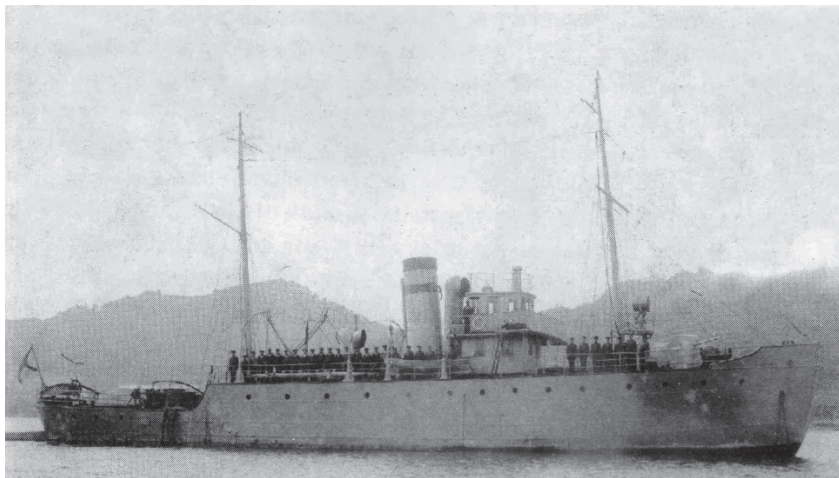
В это время штиль сразу сменился свежим муссоном, который начал дуть с возрастающей силой. Второй дивизион провел очень тревожную ночь на своем якорном месте, куда заходила сильная зыбь, и утром переменил место и присоединился к Флотилии. Этот переход всего на несколько миль показал воочию, что ожидает корабли во время муссона в открытом море.

На рейде было так свежо, что невозможно было общаться на шлюпках, поэтому я приказал «Фарватеру» обойти корабли и собрать командиров на «Байкал». При обсуждении дальнейшего похода выяснилось, что трое из командиров второго дивизиона настаивают на невозможности похода на Манилу, что заставило начальника дивизиона еще до заседания докладывать мне о своем безвыходном положении.

Я не мог позволить дивизиону идти в Гонконг или вернуться в Шанхай, так как отлично знал, что вся надежда на спасение людей заключалась в плане конечного достижения владений Соединенных Штатов.

Мне пришлось прекратить всякие обсуждения командиров и коротко приказать всем немедленно готовиться к дальнейшему переходу в Болинао. После этого все командиры, кроме командира канонерской лодки «Диомид», капитана II ранга Коренева, заявили, что вверенные им корабли будут готовы к походу через сутки.

На «Диомиде» по докладу командира были ненадежны котлы, грелось несколько подшипников в машине и была совершенно неисправна ди-

Канонерская лодка «Диомид»

намо-машина. Я приказал командиру «Диомида» употребить все усилия, чтобы за время, оставшееся до съёмки с якоря, произвести необходимые исправления, для этого в помощь ему была назначена команда канонерской лодки «Взрыватель», которой было приказано перейти к борту «Диомида».

Чтобы подбодрить упавший духом личный состав «Диомида», я перешел на него сам с начальником штаба и флагманским штурманом и приказал перенести на время похода мой флаг.

Кроме того, сказал командиру «Диомида», что, если корабль не будет готов к походу к назначенному времени, я все равно выйду на нем в срок, хотя бы на буксире. Для буксировки «Диомида» в этом случае была назначена канонерская лодка «Свирь».

Все эти исключительные распоряжения я делал потому, что видел ясно моральную усталость и опасался, что проявленные с моей стороны колебания могут причинить разброд мыслей и решений в среде командиров и вызвать совершенно неожиданные перемены в направлении движений кораблей.

Никто из командиров не испытал до тех пор всего того, что пришлось перенести мне в портах Японии и в Шанхае, никто не мог поэтому знать со всей отчетливостью, как знал это я, что ожидало людей и корабли в случае захода в Гонконг или в один из китайских портов, захода уже окончательного, ибо на дальнейший поход ни у кого не было средств.

Потому, пока еще действовала инерция подчинения, я старался использовать ее и брал все, что могло случиться в дальнейшем, на свою личную ответственность. К тому же ограниченный запас угля не позволял застаиваться долго на месте. <...>

Маривелес

26 января утром Флотилия, сопровождаемая американским миноносцем, прибыла в Маривелес. Это довольно большая бухта при входе в Манильский залив, открытая для ветров южной половины и потому неудобная как якорная стоянка во время тайфунного периода и в летние месяцы, когда господствует юго-западный муссон, но в тот период года, когда пришли мы, стоянка в Маривелесе была отличная.

В глубине бухты находится небольшой поселок туземцев и рядом с ним, отделенная забором, карантинная станция. Эта станция, построенная в период демобилизации американской армии, когда через Манилу проходили десятки тысяч американских солдат, возвращавшихся домой из Франции, являлась достаточно оборудованным учреждением, с бетонными и деревянными бараками, рассчитанными на одновременное размещение до 1500 солдат и офицеров, с кухнями, обширными душами, дезинфекционными камерами и небольшим приемным покоем. Станция находилась в ведении санитарной части флота Соединенных Штатов, считалась собственной территорией Соединенных Штатов и подчинялась непосредственно своему начальству в Вашингтоне. На этой почве у местных карантинных властей постоянно происходили трения с санитарной частью управления генерал-губернатора, что не замедлило отозваться неблагопри-

ятно на условиях нашего пребывания на станции, так как она была предоставлена нам по ходатайству генерал-губернатора Вуда.

Кораблям было предложено становиться по очереди к стенке, причем весь личный состав выселялся на несколько часов, корабли закрывались и дезинфицировались изнутри парами горячей серы, все люди мылись под душем, а вещи их проходили через дезинфекционную камеру. Все это делалось в достаточной степени приблизительно, так как американцам было отлично известно, что болезней у нас никаких не было, и поэтому, хотя все убитые крысы тщательно заносились в особые ведомости, все же крыс, тараканов и клопов осталось на кораблях достаточно.

Женщины и дети получили разрешение переселиться в бараки на берегу, где хотя и было достаточно неудобно по сравнению с обычными условиями жизни людей, но по сравнению с жизнью на кораблях было несравненно лучше, особенно принимая во внимание тесноту помещений и тропическую жару. Мужчины по окончании дезинфекции возвращались на корабли.

В одном из барачков, оборудованном лучше других, было предоставлено помещение для устройства нашего госпиталя и были отведены комнаты для слабых и многосемейных с грудными детьми. Мне и моему начальнику штаба были также предоставлены комнаты на берегу на время стоянки Флотилии в Маривелесе.

Офицерам и матросам было запрещено оставаться на ночь на территории карантинной станции, и они имели право схода на берег с трех часов дня до захода солнца, причем по окончании карантина выход с территории станции в поселок и обратно сделался свободным.

От нас потребовалось назначение коменданта карантинной станции и наряда обходных в часы, разрешенные для схода на берег команды. Кроме того, распоряжением генерал-губернатора был прислан караул. <...>

Офицеры и команда жили на кораблях, где воцарилась рутина якорной службы. Женщины и дети продолжали жить отдельно в бараках, причем съезд офицеров и матросов на берег разрешался согласно установленным американцами правилам, только на два часа в послеобеденное время.

Два раза в неделю в Манилу ходил один из наших небольших кораблей, на котором разрешалось ездить желающим по своим делам, по вызову Красного Креста на работы, а также на поиски работы по своей собственной инициативе. Таким образом устроилось два-три человека, остальные возвращались разочарованными. Наступило томительное ожидание перемены к лучшему, но действительность не указывала никаких признаков этой перемены. После невероятно трудного похода, когда люди неосновательно, но твердо считали приход в Манилу концом всех своих испытаний, оказалось, что это еще не конец и что все остается как на походе, лишь прибавилась уверенность, что дальше идти некуда и нельзя.

Все это повело к падению духа в командах. Даже в кают-компаниях раздавался ропот против начальства за его будто бы неспособность найти выход из положения. Беспочвенные, но резкие суждения офицеров, как всегда, делались известными команде и порождали ропот и там.

Но самым беспокойным элементом оказались женщины — матросские жены. Нужно сказать, что при эвакуации из Владивостока не было ника-

кой возможности разбираться, кто из женщин, следовавших за матросами, являлся их законными женами, кто гражданскими женами, кто невестами, а кто и просто любовницами. В результате получилась компания в высшей степени пестрая, включавшая элемент сомнительной нравственности.

Условия монашеского общежития в бараках при режиме карантинной станции, необходимость обслуживания самих себя и барака казались скучными в высшей степени. Само существование — совершенно бесцельным. Любезность американцев, разместивших их в таком же совершенно бараке, как и жен офицеров, и во всем относившихся к ним совершенно так же, как и к последним, создавало в их примитивных умах представление, что власть начальства кончилась, что все стали беженцами и что теперь надо считаться только с американцами. Между тем начальство, обязанное перед теми же американцами в поддержании порядка и чистоты, не могло не предъявлять своих требований. Все это порождало ряд бессмысленных претензий, ссор и прочих неприятностей. Конечно, мировоззрение, исповедуемое женами матросов, и их озлобленность сообщались отчасти и этим последним. Для усугубления всей этой обстановки в начале февраля из Красного Креста прибыли делегаты, в задачи которых, как сообщалось в препроводительной бумаге, входило ознакомление команды Флотилии со взглядами Красного Креста на возможную помощь русским. Делегаты эти оказались русскими евреями, уже несколько лет жившими в Маниле.

Я, конечно, не мог отказать им в посещении кораблей. По-видимому, в задачи их входило совершенно другое, так как на первых же кораблях, куда они прибыли, они просили офицеров не присутствовать при их беседах с командами. Как оказалось впоследствии, они сомневались в присутствии у команд твердого желания не возвращаться на родину к большевикам и думали, что причина их прихода — единственно побуждение со стороны начальства. Беседы велись на темы о бесцельности прихода на Филиппины, о невозможности найти работу ни на кораблях, ни в одиночном порядке, о безнадежности вопроса об отправке их в Америку и о степени доверия матросов своему начальству.

Делегаты, со своей точки зрения, уехали ни с чем. Им не удалось получить ни от одного человека ответа о желательности возвращения в Советскую Россию. Также не было жалобы на принуждение к походу со стороны начальства путем насилия. Но беседы эти повысили степень разочарования в командах и зародили сомнения в целесообразности прихода на Филиппины всей Флотилии.

В результате накопления всех этих настроений появилось два анонимных письма на имя Красного Креста, одно от группы женщин, другое от группы матросов. Письма эти были переданы Красным Крестом в канцелярию генерал-губернатора, а оттуда вернулись ко мне без всяких комментариев.

Привожу эти безграмотные и лживые письма с сохранением орфографии:

Американский Кр. Крест

Прошение

Мы, русские женщины матери и жены тех русских людей которые кровью своей защищали нас от проклятого Интернационала и жертвою

многие пали в раковой борьбе, а остатки лучших русских людей тоест наши мужья, братья и дети бежали на суда Сибирской флотилии от произвола и насилия. Прибыв на прекрасные Филиппины на приветливые острова, прекрасную страну поборницу права и справедливости ныне дорогую нам Америку. Мы все ждали, что сейчас по прибытию наше Начальство поставит в известность мужей и сыновей, что будет с нами далее, но случилось совсем другое нас высадили на берег мужья на кораблях, нам назначили Коменданта Капитана Ильина помощником ему Мичмана Петренко, который разделил нас на два лагеря женщин так называемых матросов и дам офицеров, далее приказал чтобы жены не принадлежащие офицерам должны по очереди обслуживать жен офицеров, ввиду того что мы считая такой поступок издевательством над нами отказались от обслуживания, за что подверглись следующему наказанию: 1) всевозможной ругани, второе что мы большевики, 3) что нас всех уничтожить вместе с детьми, 4) наших мужей, которые позволяют что либо сказать посадят в Американскую Тюрьму, 5) не дали нам ужина оставив нас и наших детей голодными, на желая дальше компроментировать мы русские женщины просим заступничества над произволом и насилием со стороны наших так называемых себя офицерами и величайшая просьба доложить Американской администрации, чтобы освободить наших мужей от того террора, который господствует на наших судах. Мы категорически заявляем, что далее на русских кораблях никуда не пойдём, все желаем остаться только в Счастливой Америки если судьбе нашей угодно то навсегда и просим избавить нас от опеки нашего Начальства. Необходимо было бы командировать представителя и переводчика.

Русские несчастные женщины жены и Матери беженцев Матросов
 бывшей Сибирской флотилии

Г. Председателю Американского Кр. Креста

Мы, беженцы прибывшие на территорию Великой Америки по неизвестным нам причинам вынуждены сидеть на кораблях не имея доступа на сушу. Мы все голы и босы, а потому желаем с усердием приняться за работу, дабы иметь хоть малейшую возможность жить по-человечески. Оставаться же на наших кораблях и пускаться в дальнейшее плавание мы считаем не только невозможным, но и ненужным.

Покорнейшая просьба не отказать в распоряжении через посредство Американской администрации сделать опрос не только офицеров, но и матросов находящихся на кораблях и в госпитале.

Группа матросов
 8 февраля 1923 г. рейд Маривелес

Будучи ещё ранее осведомленным о подавленном настроении в командах некоторых кораблей, я нашел необходимым отдать следующий приказ:

Приказ
 Командующего Сибирской флотилией.
 13-го февраля 1923 г.
 № 47
 р. Маривелес

Американский Красный крест доставил мне в распечатанном виде, без всяких комментариев, два анонимных письма. <...>

В обоих содержатся жалобы на то, что на кораблях и на берегу заставляют работать, высказывается недоверие существующему начальству флотилии и просьбы к американским властям позаботиться о судьбе этих групп, независимо от судьбы всей флотилии.

Предупреждаю матросов и пассажиров флотилии от повторения подобных глупостей.

Не говоря уже о том, что люди, возмущающиеся против своего собственного начальства, с которым они добровольно прибыли в чужую страну, не заслужат симпатий этой страны, так как в каждом государстве прежде всего ценится гражданская дисциплина, и не говоря уже о том, что люди, отказывающиеся работать на себя в условиях, когда эта работа необходима для поддержания естественного существования, не могут заслужить симпатий никакого трудолюбивого народа, — подобные письма и обращения могут только вызвать недоумение у иностранцев и создать впечатление, что люди попали сюда по недоразумению и, следовательно, по недоразумению ушли из Советской России.

Для таких людей единственная возможная с точки зрения благотворителей-иностранцев помощь — это помочь вернуться в Советскую Россию.

В разъяснение наблюдаемого к нам отношения американцев и создавшихся вследствие этого условий нашего теперешнего существования и возможного будущего объявляю:

Соединенные Штаты Северной Америки не признают большевиков правительством России, нас они рассматривают юридически как организованную группу русских людей, существующую добровольно, на основании законов старой России, управляемую властью, носитель которой является преемственным агентом последнего признанного Державами Всероссийского Правительства, в ознаменование чего корабли носят флаг, зарегистрированный во всех странах, как последний существующий флаг военного Русского Флота.

С моральной точки зрения они рассматривают нас как непримиримых борцов за свободу своего народа против его угнетателей и поработителей.

Юридически законы Соединенных Штатов не допускают вселения группы людей, не имеющих должного количества денег на каждого человека, юридически их законы не допускают плавания в их прибрежных водах судов под иностранными флагами или под американским, с иностранной командой.

В то же время, рассматривая нас как людей, в высшей степени нуждающихся в помощи и в силу своей моральной правоты имеющих на это право, американцы всей душой стремятся нам помочь.

Поэтому с самого нашего прихода американские власти во главе с генерал-губернатором, равно как и чрезвычайно сочувствующее нашей беде автономное Правительство Филиппинских островов, работают совместно со мной над тем, чтобы найти законный путь для того, чтобы, с одной стороны, создать возможность нашим кораблям работать в коммерческих целях в прибрежных водах, с другой стороны, чтобы те лица, кои не будут заняты работой на кораблях и кои найдут себе другое занятие на берегу, получили бы право высадиться на берег.

При всем том, за теми, кто пожелает покинуть Филиппины, сохраняется право это сделать когда угодно, конечно, за свой собственный счет.

Лицам, желающим вернуться в Россию, я не сомневаюсь, будет оказана даже помощь в отношении перевозки.

Контр-адмирал Георгий Старк

Напоминаю, что, когда мы покидали Владивосток, я не давал разрешения командам покидать суда, зная в то же время, что в условиях эвакуации желающие это сделать смогут не остаться на судах без всякого разрешения. Это я делал потому, что не имел права официально распускать флотилию, пока она не выполнила своего долга по отношению к эвакуирующейся Армии.

Пассажиров и семьи, отправляющиеся с флотилией, я предупреждал, что ни на что, кроме полугодного существования, всевозможных опасностей и лишений в лучшем случае и смерти в худшем случае, никто из отправляющихся на кораблях рассчитывать не может.

По приходу в Шанхай я официально разрешил всем желающим уходить и никого не задерживал. Лицам и группам, которым было затруднительно оставаться на судах, я даже оказывал возможное содействие. Таким образом в Шанхае сошло свыше 700 человек, и на таких кораблях, как «Магнит» и «Диомид», почти полностью переменялся личный состав.

Таким образом, на Филиппинские острова пришли только те, кто желал и кто добровольно подчинился существующим на военных кораблях порядкам и действующим русским законам.

Предупреждаю, что на кораблях подняты Русские военные флаги, и я, как Командующий флотилией, во всех случаях буду руководствоваться только сводом Российских Военно-Морских постановлений, ибо иначе я поступать не имею права.

Предупреждаю, что отдельным лицам, кои своим глупым или преступным поведением, своей склонностью к лени и тунеядству, будут препятствовать моей работе, направленной к сохранению русских кораблей для национальной России и к устройству судьбы доверившихся мне людей, я буду оказывать противодействие всеми доступными мне мерами, пока эта работа путем, указанным мне местными властями, не будет доведена до конца.

Предупреждаю также, что мечта некоторых попасть в концентрационный лагерь и сесть на казенный паек, ничего не работая, — мечта, в Америке неосуществимая.

Требую от всех начальников строгого наблюдения за своими подчиненными, требую, чтобы люди на кораблях и на берегу были заняты разумной работой, в том числе и занятием английским языком, без знания которого никакой работы на берегу получить нельзя, а в свободное от службы и работы время — доступным по условиям нашей жизни спортом.

Женщины на берегу должны быть заняты свойственной их положению, здоровью и знаниям работой по обслуживанию самих себя.

Никакого отлынивания от назначенных работ и занятий не допускать.

Приказ прочесть на всех кораблях при собрании офицеров и команд и вывесить на береговых бараках.

Контр-Адмирал Старк

Я, конечно, не рассчитывал, что одним приказом можно остановить начавшееся разложение в командах некоторых кораблей. Поэтому я неоднократно собирал начальников дивизионов и командиров и, объясняя им обстановку, требовал, чтобы в то время, пока сношениями с Вашингтоном и местными законодательными палатами решалась судьба Флотилии, люди на кораблях были бы заняты судовыми работами, английским языком и спортом. Между прочим, пользуясь тем, что корабли стояли на рейде и что гребные суда были постоянным средством сообщения с берегом, я приказал организовать гребную гонку на призы, причем назначена была гоночная комиссия, и был объявлен период тренировки. Команда и молодые офицеры искренне увлеклись идеей предстоящей гонки, как это всегда бывает в таких случаях, и тренировка началась усиленная, без всякого принуждения. Занятия английским языком были организованы на всех кораблях, и команда весьма охотно посещала их.

Благодаря стараниям священника О. Денисова, присоединившегося к Флотилии в Гензане, на берегу на террасе дамского барака была устроена временная церковь, и был организован большой церковный хор.

Нельзя не отметить, что ограничение времени съезда на берег касалось только карантинной станции, все же остальное побережье бухты могло служить и служило местом прогулок во всякое время. Даже вооруженные охотничьи партии, съезжавшие на берег на несколько дней, не встречали сначала никаких возражений со стороны американцев.

Безусловно, никаких препятствий ни со стороны начальства Флотилии, ни со стороны американских властей не делалось никому из людей, желавших сойти на берег в Маниле для поисков работы, временно или навсегда.

Несмотря на все принятые меры, все же дисциплина заметно падала. Это было заметно главным образом на кораблях, побывавших в Шанхае в доке и переменявших там почти полностью личный состав матросов и частично офицеров.

Было несколько случаев неисполнения приказаний со стороны матросов. Виновные были преданы мною Суду Особой комиссии, судимы и приговорены к соответствующим наказаниям по закону. Ввиду невозможности применить наказание — отправку в дисциплинарный батальон — таковое было заменено усиленным арестом на корабле.

24 февраля вечером произошли беспорядки на канонерской лодке «Магнит». Она находилась у пристани карантинной станции, пополняя запас пресной воды. Около девяти часов вечера ко мне прибыл капитан I ранга Ильин и доложил, что команда канонерской лодки «Магнит» вышла из повиновения и что судовыми средствами он справиться не может. Оказалось, что несколько лиц из состава команды по предварительному сговору незаметно выкрали все оружие из офицерских кают, а затем, воспользовавшись первым попавшимся предлогом, подняли бунт (повод к бунту и обстоятельства возникновения его изложены ниже в моем приказе от 1 марта).

Ко времени отъезда командира с докладом ко мне обстановка на «Магните» была следующая: офицеры на спардеке* в беспомощном положении, бунтующая команда внизу по всему кораблю, вахтенные покинули свои места. Свет на палубе и в офицерском помещении был закрыт. Попытка командира сыграть «сбор» и, выстроив команду, попытаться их обрассудить кончилась безобразным митингом. Я приказал командиру канонерской лодки «Байкал», капитану II ранга Ильвову собрать немедленно под своим командованием вооруженный караул и отбыть на «Магнит» для водворения порядка. Караул отбыл через четверть часа. Вскоре командир «Байкала» возвратился с докладом, что караул высадился на «Магните» благополучно, но что попытка арестовать зачинщиков не удалась, ибо команда вышла во фронт, вооруженная чем попало, и, окружив арестованных, воспрепятствовала их уводу. После этого караул расположился на спардеке, а команда скрылась во внутренние помещения, угрожая открытым сопротивлением в случае применения силы.

Очевидно было, что бунт принял пассивный характер и что без возбуждения команды какими-нибудь новыми репрессиями было трудно ожидать нападения с их стороны. Однако по обстановке, в которой мы находились, я не мог долго тянуть с ликвидацией бунта и не мог применить оружие для покорения бунтовщиков, ибо промедление могло расшатать окончательно дисциплину во Флотилии, а с другой стороны, усмирение бунта со стрельбой и человеческими жертвами на корабле, стоявшем на швартовах у американской карантинной станции, вызвало бы вмешательство со стороны американских властей, причем совершенно невозможно было бы объяснить, почему я предпочел убивать своих матросов вместо того, чтобы обратиться за содействием к властям. Было совершенно неоспоримо, что Флотилия благодаря отсутствию национальной власти в России лишена всякого военного значения.

Прежде чем решиться на одну из крайних мер, я приказал моему начальнику штаба выехать на «Магнит» и еще раз проверить положение. Выяснив опросом офицеров, что при озлобленности совершенно лояльно настроенного караула с одной стороны и при состоянии крайнего возбуждения, в котором находились бунтовщики, нельзя водворить порядок без применения оружия, Начальник штаба донес мне с «Магнита» сигналом (клатиковая лампочка** действовала) о необходимости вызвать иностранный караул. С прибытием караула, который даже не входил на корабль, а оставался на стенке, атмосфера разрядилась. Команда была вызвана во фронт, зачинщики были вызваны начальником штаба поименно и переданы туземному караулу с просьбой содержать их под арестом до суда, что и было исполнено. Один матрос попытался бежать, но был схвачен чинами нашего караула. После этого на корабле был восстановлен нормальный порядок. Караул от «Байкала» вернулся домой.

Мною было приказано «Магниту» отойти от стенки, стать до суда в отдалении от Флотилии и не иметь сообщения с берегом. По производству дознания мною был отдан следующий приказ:

* Разновидность облегченной верхней палубы, предназначенная для защиты перевозимого груза от действия морских волн.

** Прибор для световой сигнализации.

Приказ
Командующего Сибирской флотилией
1 марта 1923 г.
№ 86
рейд Маривелес

Из представленного мне дознания о беспорядках на канонерской лодке «Магнит» усматриваю, что матросы означенного судна... подлежат обвинению в том, что... во время стоянки в порту Маривелес, недовольные действиями командного состава, а именно: рапортом командира судна о предании суду матроса Сапожникова, арестованием матроса Сукача и насильственным удалением со спардека Гедмина — подняли против указанного командного состава явное восстание, причем с целью обезоружить офицеров корабля похитили из офицерских кают четыре карабина и одно дробовое ружье, скрыли это оружие в систерне и отказались вернуть его по требованию командира корабля, причинили насилие поручику, князю Хункалову, хватая его за одежду с явным намерением нанести побои, нанесли побои фельдфебелю команды Галюку и сигнальщику Шумскому, оскорбили бранными словами командный состав корабля, не повиновались приказаниям вахтенного начальника, лейтенанта Крапина, разошлись после вечерней молитвы, громко угрожали нанести побои мичману Немцову и посадить в галюн офицеров корабля, врывались в спардек с криками «бить их» (офицеров)...

Ввиду изложенного и на основании ст. 1104 Военно-Морского Судебного Устава предаю названных матросов... суду Особой Комиссии...

Одновременно я запросил генерал-губернатора о разрешении воспользоваться центральной тюрьмой в г. Маниле для заключения арестованных после суда. Генерал-губернатор ответил согласием.

Третьего марта состоялся суд Особой комиссии. Решение было объявлено в следующем приказе:

Приказ
Командующего Сибирской флотилией
5 марта 1923 г.
рейд Маривелес

Приговором суда Особой Комиссии от четвертого марта по делу о беспорядках на канонерской лодке «Магнит» матросы означенной канонерской лодки признаны виновными: старший матрос Георгий Кевралев и кочегар Владимир Буянов — в явном восстании против командного состава и связанных с восстанием преступных действиях... матрос второй статьи Григорий Сапожников — в сопротивлении военному караулу... матрос второй статьи Владислав Гедмин — в неисполнении приказа вахтенного начальника и оскорблении на словах командного состава корабля, унтер-офицер Кирилл Гушин, старший моторист Иван Батырев, старший матрос Иосиф Герак, матрос второй статьи Федор Пыхалов, строевой квартирмейстер Иван Варфоломеев, матросы второй статьи Иван Помыткин и Илья Мальцев, кочегарный квартирмейстер Федор Фролов, старший матрос Владимир Осташевский и машинный квартирмейстер Константин Резанов — в явном восстании против командного состава...

И присуждены: Кевралеv и Буянов — к лишению всех прав состояния и смертной казни; Гушин, Батырев, Герак, Пыхалов, Варфоломеев, Помыткин, Мальцев, Фролов, Осташевский и Резанов — к лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы сроком на шесть лет каждого; Сапожников и Гедмин — отдаче в дисциплинарные части сроком на два года каждого по лишению некоторых прав и преимущества по службе...

Преданные суду по тому же делу о беспорядках... кочегар Яков Русанов, матрос первой статьи Иван Цивилев, машинист Георгий Степанов и матрос второй статьи Иван Петухов приговором суда Особой Комиссии оправданы.

При этом суд постановил ходатайствовать передо мной о смягчении участи всех осужденных ввиду исключительности переживаемого времени и особых условий жизни.

По представлении мне приговора суда Особой Комиссии на утверждение, принимая во внимание ходатайство суда и исключительную обстановку, нахожу возможным смягчить участь осужденных и заменить... назначенное судом наказание: матросу Георгию Кевралеvu и кочегару Владимиру Буянову — одиночным заключением в военно-морской тюрьме на срок пять месяцев, а унтер-офицеру Кириллу Гушину, старшему мотористу Ивану Батыреву, старшему матросу Иосифу Гераку, матросу второй статьи Федору Пыхалову, старшему квартирмейстеру Ивану Варфоломееву, матросу второй статьи Ивану Помыткину, матросу второй статьи Илье Мальцеву, кочегарному квартирмейстеру Федору Фролову, старшему матросу Владимиру Осташевскому и машинному квартирмейстеру Константину Резанову — одиночным заключением в военно-морской тюрьме сроком на четыре месяца с лишением унтер-офицерского звания (имеющих таковое) и всех двенадцати с лишением воинского звания; матросам второй статьи Григорию Сапожникову и Владимиру Гедмину — одиночным заключением в военно-морской тюрьме сроком на два месяца, без лишения воинского звания. <...>

В тот же день осужденные были отправлены под нашим конвоем в Манилу, где были переданы полиции для заключения в тюрьму.

История бунта оказалась помещенной во все местные газеты, а через несколько дней появилась статья за подписью одного местного адвоката, который объявил о том, что он на основании американского законодательства о «защите свободы личности» привлекает к ответственности по суду всех лиц, незаконно лишивших свободы русских матросов и требует освобождения арестованных. Он основывал свою защиту на том, что, по его мнению, Флотилия не являлась законной иностранной военной организацией, что суд был незаконный и что американские власти не могли иметь законного основания лишать людей свободы. Это выступление не имело никаких последствий, ибо генерал-губернатор не обратил никакого внимания, а когда этот адвокат поехал в тюрьму и предложил арестованным подписать составленный им протест (без чего его жалоба не могла получить хода в суд), то они отказались, заявив, что судом они довольны и что тюрьмой также довольны.

Я остановился на истории бунта на «Магните» так подробно, потому что это событие оказало значительное влияние на дальнейший ход вещей.

Канонерская лодка «Батаря»

С одной стороны, это, конечно, повредило нам во мнении американцев. Была взята под сомнение идейность нашего «исхода» из России. С другой стороны, американцы поняли, очевидно, что бессельная наша стоянка и жизнь людей на кораблях совершенно нежелательны и что надо принимать решительные меры к ликвидации личного состава. Наконец, внутри Флотилии суд над виновными и посылка их в тюрьму оказали сильное влияние на укрепление дисциплины. Дурные элементы личного состава несколько подтянулись, а у хороших почва оказалась под ногами.

Вышеописанные беспорядки на «Магните» имели последствием еще одно очень грустное событие. Утром десятого марта в своей каюте на корабле застрелился командир канонерской лодки «Батаря» — капитан I ранга Л. М. Петровский. Последние дни перед смертью покойный обнаруживал крайнее нервное расстройство, говорил со своими офицерами о ненадежности некоторых людей команды «Батарей», не спал ночами и т. д. <...>

К 85-летию Новосибирской области

Павел ОРЛОВ

СИБИРСКИЕ БРОНЕПОЕЗДА. КАРЕЛЬСКИЙ ФРОНТ

В прошлый раз* мы говорили о боевом пути дивизионов, сражавшихся на самом южном участке советско-германского фронта — на Кавказе, а сегодня посмотрим, как обстояли дела на противоположном фланге — на Севере (в том числе и Крайнем), где пролегла стратегически важная железная дорога к единственному незамерзающему и доступному извне порту в европейской части СССР — Мурманску.

Здесь, в лесисто-болотистых районах между берегами Онежского озера и Белого моря, сражались с врагом 27-й и 47-й отдельные дивизионы бронепоездов. В составе второго и был тот самый «Сибиряк-Барабинец», с которого и началась эта история.

Сложный рельеф местности, более способствующий обороне, чем наступлению, не самая простая логистика — объективные факторы сложились так, что война здесь свелась к позиционному противостоянию на нескольких ключевых участках, а местами линия соприкосновения с врагом вообще продолжала контролироваться довоенными пограничными заставами. В этих условиях бронепоезда занимались обороной станций (в том числе и противовоздушной), играли роль «пожарных команд» с тяжелым вооружением при прорывах финских или немецких диверсионно-разведывательных групп к железной дороге и гораздо реже, чем другие дивизионы, участвовали в полноценных сражениях.

* * *

Из исторического формуляра 27-го отдельного дивизиона бронепоездов, написанного на удивление суконным языком профессионального бюрократа, мы узнаем, что начало работам по его постройке и формированию дал уже знакомый нам приказ командующего Сибирским военным округом № 0092 от 25 (по сведениям формуляра 42-го ОДБП) ноября 1941 года. Станцией формирования был назначен Омск, номер и наименование присвоены 12 декабря 1941 года.

Прибытие личного состава и сбор необходимых материалов шли параллельно — к 20 февраля были заготовлены паровозы, платформы, закаленная броня и прочие материалы, а для ускорения работ из экипажа была выделена команда из 25 человек сержантского и рядового состава нужных специальностей (слесари, монтажники, токари, трубопроводчики). 17 марта была сдана «Победа», 30 марта — «За Родину», с 17 же марта экипажи начали учебу и тренировки, осваивая технику и вооружение.

---

* Предыдущие статьи автора см. «Сибирские огни», 2020, № 5, 12 и 2021, № 5.

Основным вооружением бронепоездов стали трофеи «освободительного похода» в Польшу 1939 года — переделанные в 1926 году под французский выстрел старые российские дивизионные пушки образца 1902 года. Их максимальная дистанция стрельбы, указанная автором формуляра, составляла 7500 метров, а в качестве боеприпасов в наличии были осколочно-фугасные гранаты и шрапнель. Пулеметное вооружение — по четыре шаровых установки пулеметов ДТ на площадку и по одному ДТ в башнях. Зенитное вооружение, как всегда, подкачало — вместо положенных по планам 25-мм орудий МЗА были получены всего по три крупнокалиберных пулемета ДШК на каждый бронепоезд.

Из 272 человек личного состава 100 — участники боев, 99 — проходили специальную восьмимесячную подготовку в запасных частях бронетанковых войск (как пересекаются эти две категории — неясно). К сожалению, нет полных данных о командном составе: кто, откуда, как и где служили раньше? Имеющиеся документы 27-го дивизиона вообще крайне скупы и формальны и зачастую напоминают банальные отписки.

Так или иначе, 15 апреля 1942 года ОДБП отправился для завершения комплектования, получения недостающего вооружения и прохождения проверочных испытаний в Москву, куда и прибыл 27 апреля. К сожалению, акт и доклад по итогам проверки в отсмотренных архивных делах не обнаружены.

Исторический формуляр 47-го дивизиона написан гораздо более живым языком и содержит заметно больше подробностей. Вот что пишет штаб дивизиона об истории своего строительства и формирования:

В день 24-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции Вождь советского народа, Председатель Государственного Комитета Обороны товарищ Сталин призвал народ работать не покладая рук на дело разгрома немецких захватчиков.

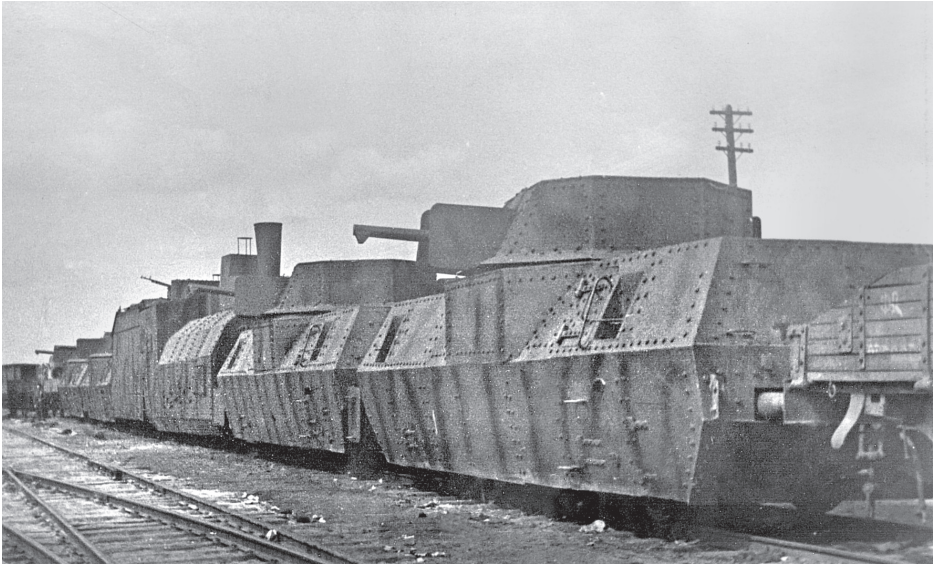
В ответ на призыв вождя работники Омского и Барабинского депо с огромным трудовым энтузиазмом строят два бронепоезда: «Омский железнодорожник» и «Сибиряк-Барабинец».

Рабочие и инженерно-технический персонал, несмотря на отсутствие специального оборудования, строили бронепоезда ускоренным темпом, не считаясь ни с отдыхом, ни со временем. Инициаторами работы явились: начальник депо Голиков Константин Николаевич, начальник строительства бронепоездов Мецнер Константин Петрович, мастер Кемочев, газосварщик Аверкович, котельный мастер Рогулев, начальник депо Омск — Солнцев, начальник строительства Белеков, приемщик НКПС — Суворов.

12 декабря 1941 года Заместитель Народного Комиссара Обороны Союза ССР приказал сформировать 47-й Отдельный дивизион бронепоездов: №-639 «Сибиряк-Барабинец» и №-657 «Омский железнодорожник» под командованием командира, капитана Пухова Федора Захаровича и военкома, старшего политрука Рощина Константина Петровича, которые приступили к формированию дивизиона и укомплектованию личным составом в городе Барабинск. Командование и личный состав дивизиона принимали непосредственное участие в строительстве боевых единиц. В числе [участников строительства] были младший л-т Мошенский, л-ты Цимбаревич, Вялов, Широков, младший воентехник Крель Г. С., мл. с-т Пауткин, сержанты Першин и Скулкин.

18 февраля 1942 года строители депо Омск передали дивизиону одетый в магнитогорскую броню 657-ой бронепоезд. Вооруженный 76 мм французскими пушками обр. 1897 г. (подробности см. в первой нашей статье. — П. О.) и пулеметами ДТ и ДШК, бронепоезд прибыл вместе с основной базой на место дислокации дивизиона ст. Барабинск Омской железной дороги.

10 марта 1942 года по окончании строительства 639-го бронепоезда «Сибиряк-Барабинец», строители депо Барабинск передали дивизиону с оснащенной техникой по типу 657-го бронепоезда (так в тексте. — П. О.)... На основании телефонограммы ГБТУКА 11 марта 1942 года дивизион выбывает в гор. Москву.

Бронепоезд «Сибиряк-Барабинец».

Центральный архив Министерства обороны. Ф. 38. Оп. 11358

Командный состав 47-го ОДБП: командир — капитан Пухов Федор Захарович, в армии с 1931 года, образование 8 классов и Киевское артиллерийское училище, в войне не участвовал, предыдущая должность — преподаватель артиллерийского дела Пензенского артиллерийского училища. Комиссар дивизиона — старший политрук Родин Константин Петрович, в армии с 1937 года, образование 7 классов и Магнитогорские КУКС, участвовал в Финской и Великой Отечественной войнах.

Командиры бронепоездов: лейтенант Цимбаревич Вячеслав Константинович, в армии с 1937 года, образование высшее и Сумские артиллерийские курсы; старший лейтенант Колокольцев Николай Арсеньевич, в армии с 1937 года, образование среднее и Киевское артиллерийское училище. Оба с опытом боев, причем Колокольцев уже командовал бронепоездом на советско-германском фронте. Командирами бронеплощадок стали в основном курсанты Смоленского и Томского артиллерийских училищ. Только командирами первых бронеплощадок назначили лейтенантов с опытом боев: бывшего командира взвода управления 851-го АП Кузьмина Вадима Дмитриевича и артиллерийского техника 916-го СП 247-й СД Широкова Михаила Петровича. Второй интересен еще и извилистым «послужным списком»: рабочий 1918 г. р., всего с 4 классами образования, окончил Ленинградское погранучилище, но по какой-то причине служил «не по специальности», к тому же беспартийный.

Уже на фронте командир 47-го дивизиона, капитан Пухов, уходит на повышение и становится начальником отделения БП при АБТУ КрФ, а командиром дивизиона назначается капитан Манчур Яков Григорьевич.

В «Докладе о состоянии боевой подготовки 47 ОДБП» особо отмечен высокий уровень подготовки ПВО: ДШК — вещь в армии известная, один командир взвода ПВО — с боевым опытом, второй — из курсантов зенитно-артиллерийского училища и как сдавать зачеты на пулеметах еще прекрасно помнит. Так что стрельбы проведены хорошо и в качестве недостатков отмечена лишь недостаточная натренированность в стрельбе на ходу по движущимся целям.

26 мая 1942 года оба дивизиона направляются на Карельский фронт. 27-й ОДБП прибывает на место назначения (ст. Сорокская) 1 июня. Генерал-лейтенант Фролов, командующий Карельского фронта, оставляет дивизион для прикрытия штаба фронта и ст. Сорокская «на случай прорыва отдельных групп противника».

47-й дивизион прибывает в распоряжение командующего Карфронтом 3 июня и получает боевую задачу по охране участка Кировской железной дороги (ст. Масельская — ст. Кочкома, ж.-д. моста, ст. Сегежа) и Сегежского бумажного комбината с местом дислокации на ст. Сегежа-Сортировочная.

Относительное затишье на этом участке фронта привело к тому, что первые настоящему боевые задачи перед дивизионами ставятся далеко не сразу. Если исключить эпизоды с периодическими налетами авиации противника на охраняемые станции, то 27-й ОДБП впервые участвует в бою в декабре, а 47-й — в сентябре 1942 года.

Естественно, командование имело широкий выбор занятий для личного состава в ожидании приказа на боевые действия — это, в первую очередь, боевая учеба и боевая подготовка, к которым мы еще вернемся. Кроме того, например, в отчете 27-го дивизиона можно встретить такой пассаж: «...наряду с боевой и политической подготовкой, дивизион занимался самозаготовкой дров и торфа. За период Июнь — Декабрь месяцы дивизионом было сэкономлено для Государства 813,7 кубометров топлива и самозаготовлено 653 кубометра дров».

Передовикам даже денежные премии выдали (по 100 рублей каждому), и, кроме шуток, было за что. Согласно отчетам, за месяц дивизион бронепоездов потребляет примерно 659 кубометров дров, 7,5 тонн угля, 340 кг мазута, 16 кг вискозина, 4 кг цилиндрического масла — и это в условиях, когда нет серьезных боев и длительных переходов (цифры взяты из отчета 47-го ОДБП за май 1944 года).

Также одним из традиционных видов работ личного состава дивизионов всегда был ремонт, восстановление или строительство железнодорожных путей, мостов и прочего путевого хозяйства.

Выполняя поставленную задачу перед [47-м] дивизионом в период с 22 июня по 5 августа 1944 года на участке ст. Быстряги — ст. Медвежегорск силами восстановительных бригад дивизиона проделаны следующие работы:

1. Уложено вновь железнодорожного пути с устройством насыпи 300 погонных метров.
2. Восстановлено разрушенного пути 2630 погонных метров.
3. Восстановлено стрелочных переводов со сплошной сменой стрелок 14 штук.
4. Уложено вновь стрелочных переводов 1 штука.
5. Восстановлен поворотный треугольник на ст. Медвежегорск протяжением 2100 погонных метров.
6. Вновь построен железнодорожный мост пролетом 10,5 метров...

В результате проделанной работы по восстановлению разрушенного путевого железнодорожного хозяйства, выполненная работа дивизиона Начальником Кировской железной дороги генерал-директором движения 3-го ранга тов. Гарцуевым признана отличной и [нрзб.] особо отличившихся отмечено приказом по управлению Кировской железной дороги из них награждено: знаком «Ударник Сталинского призыва» — 4 чел., денежной премией — 9 чел.

Редкие премии дополняли денежное довольствие, получаемое военнослужащими, но параллельно при помощи политработы шел и обратный процесс — сбор средств у личного состава на военный заем. Так, в документах воевавшего на Кавказе 41-го ОДБП, в «Политдонесении о проделанной работе по реализации гос. воен. займа 1942 года» от 4 апреля 1942 года, указаны следующие сведения:

...Сообщение о выпуске государственного Военного Займа было встречено л/с с редким чувством глубокого удовлетворения и одобрения. Командир бронепоезда ст. лейтенант тов. Томачев сказал речь и подписался на 2000 руб. Замполитрука тов. Корешонков речь и 400 руб., мл. командир тов. Масолов речь и 200 руб., мл. командир тов. Максимов речь и 200 руб.

Все как один подписались на заем 1942 года. Из них средний и старший нач. состав на сумму 25800 руб. или 125,7 процента фонда месячной з/п, младший

н/с и красноармейцы на 24925 руб. или 147 процентов месячного фонда з/п. Итого подписка по дивизиону составила на сумму 50725 руб. или 136,3 процента к месячному фонду з/п... Случаев отказа не было.

Вернемся, однако, к боевой учебе и подготовке — чтобы показать, что время, прошедшее между прибытием на фронт и первыми боями, потрачено не зря, оба дивизиона в своих исторических формулярах особо отмечают, как они старались.

27-й дивизион:

Совершенствуя боевую подготовку за период Июнь — Ноябрь месяцы 1942 года, дивизион провел 4 тактических учений дивизиона и 6 тактических учений бронепоездов, из них 2 учения с боевыми стрельбами.

47-й ОДБП:

Командование дивизиона, личный состав, партийная и комсомольские организации заняты боевой учебой в борьбе за выполнение приказов НКО тов. Сталина №№ 130 и 227 с целью отработки вопросов по тактике «Бронепоезда в оборонительных и наступательных боях, действие расчетов при стрельбе с закрытых позиций и отражения танков и авиации с полным соблюдением всех установленных правил согласно Наставления по боевому применению бронепоездов с оформлением положенной документации».

Да-да, именно так в документе! Следует понимать, что в любой части, как только выдается спокойное время, организуется «процесс боевой учебы согласно установленному плану» (о, этот чудесный канцелярит!). И документы дивизионов бронепоездов в этом вопросе особенно хороши, так как у них часто было время эту учебу спланировать, провести и отчитаться по всем правилам. А мы теперь вполне можем узнать, насколько все же в РККА увлекались шагистикой и политпропагандой вместо «учебы военному делу настоящим образом».

Начнем с расчета времени — чем вообще занят личный состав и сколько часов можно выделить именно на учебу? Эти данные есть в материалах 49-го ОДБП: количество дней — 31, из них дни несения наряда — 12, банно-хозяйственные дни — 3, парковые дни — 1. Число учебных дней для рядового и сержантского состава — 15 (были месяцы и по 21 учебному дню). Количество учебных дней офицерского состава просто назначалось, как и количество часов — у 49-го ОДБП 4 дня по 8 часов для офицеров и 10 часов в учебный день для рядовых. Всего 32 и 150 соответственно.

Там же расчет по дисциплинам: для офицеров политподготовка — 4 часа, тактическая подготовка — 10, артстрелковая и огневая подготовка — 8, матчасть оружия и боеприпасов — 6, строевая подготовка — 4. Для рядовых: политподготовка — 10 часов, тактическая подготовка — 36, артстрелковая и огневая подготовка — 32, матчасть оружия и боеприпасов — 22, строевая подготовка — 8, физическая подготовка — 8, уставы — 14, химподготовка — 10, спецподготовка — 6, санподготовка — 4.

Конкретные вопросы, прорабатываемые внутри дисциплин (примеры тем из одного из ежемесячных отчетов) для офицеров: политподготовка — книга И. В. Сталина «О Великой Отечественной Войне Советского Союза»; тактика — действие бронепоезда десантами при захвате ж/д узлов, тактика немецкой авиации и ПВО бронепоездов. Артстрелковая — совершенствовались навыки в подготовке исходных данных для стрельбы, пристрелка ударная, с большим смещением, на рикошетах; кроме теории был и ежедневный артстрелковый тренинг на макетах полигона. Для рядовых: химподготовка — основные виды и свойства БОВ, спецподготовка — практические тренировки на быстроту восстановления разрушенного артиллерией или авиацией ж/д полотна в сложных условиях боя.

А вот так, к примеру, выглядит «Список вопросов, отработанных в ходе учебы л/с 47 ОДБП в июне 1944 года»:

С ОФИЦЕРСКИМ СОСТАВОМ.

По политподготовке:

1. Развал блока фашистских государств под ударами Красной Армии.
2. Решающие успехи Советского народа в деле помощи фронту.
3. Задачи Красной Армии в борьбе за полный разгром врага.
4. Три года Отечественной войны (военные и политические итоги).

По тактической подготовке:

Отрабатывались вопросы сколачивания расчетов бронеплощадок, бронепоездов и в целом дивизиона. С целью взаимозаменяемости отрабатывались вопросы:

1. Действия бронепоездов по уничтожению десантов противника, высадившихся вблизи железной дороги.
2. Бронепоезда в наступлении с другими родами войск — пехотой и артиллерией.

По артиллерии:

Изучение курса огневой подготовки и устава бронетанковых и механизированных войск Красной Армии:

1. Маркировка снарядов.

По технической подготовке:

1. Практическая езда на мотоциклах.

С СЕРЖАНТСКИМ И РЯДОВЫМ СОСТАВОМ.

По политподготовке:

1. Обзор военных действий в районе северной Франции.
2. Беседа «Карело-Финская ССР».
3. Три года Отечественной войны (военные и политические итоги).

По тактической подготовке:

Со всеми специальностями отрабатывались вопросы сколачивания расчетов бронеплощадки, бронепоезда и в целом дивизиона.

По огневой подготовке:

С артиллеристами:

1. Обязанности номеров расчетов.
  - А. Обязанности номеров по командам «В боевую готовность», «К бою», «Отбой».
  - Б. Тренировка номеров.
  - В. Замена выбывших номеров.
2. Стрельба по самолетам противника. Определение наклонной дальности, скорости цели, курс цели, угол кабрирования и пикирования.
3. Самолеты Германии и Финляндии. Силуэты по альбому. Отличительные признаки, опознавательные знаки, краткая, боевая и технические характеристики.

С пулеметчиками:

1. Действие номеров у пулеметов при ведении огня с места по неподвижным целям.
2. Действия номеров при стрельбе с места (коротких остановок) по движущимся целям.
3. Действия номеров при стрельбе с хода по неподвижным целям и движущимся целям.
4. Наблюдение за полем боя.
5. Самолеты Германии и Финляндии.

По материальной части:

С артиллеристами (в мае пушки заменены на новые Ф-34, идет их освоение. — П. О.):

1. Ствол и казенник.
2. Затвор и полуавтоматика.
3. Люлька.
4. Неисправности, их устранение и эксплуатация орудия.

С пулеметчиками:

1. Пулеметы ДТ и ДШК.
2. Зенитный прицел образца 1940 года.

С зенитчиками:

1. Автомат и взаимодействие частей.
2. Автоматный зенитный прицел.
3. Обслуживание пушки.

С разведчиками:

1. Матчасть стереотрубы и буссоли.

Со связистами:

1. Материальная часть аппаратов, коммутаторов и телефонных катушек.

С радистами:

1. Передатчик и приемник.
3. Источники питания раций.
4. Основные неисправности раций и их устранение.

По разведке:

1. Выбор наблюдательных пунктов и разведывательная служба на них.
2. Ведение документации на НП.
3. Выбор огневых позиций и определение глубины укрытия и наименьших прицелов.
4. Сведения по стрельбе.

По связи:

1. Основные принципы организации связи в бронепоездных частях.
2. Работа отделения связи при наводке и съеме полевых телефонных линий.
3. Прием и передача артиллерийских команд.

По подготовке радистов:

1. Подготовка радиостанции к действию и работе на связи.
2. Прием на слух, передача на ключе, работа микрофоном и станционнно-эксплуатационная служба.

По подготовке паровозных бригад:

1. Организация движения поезда.
2. Инструкция по сигнализации, централизации и блокировке на железных дорогах СССР.

И это не самый полный, подробный и насыщенный отчет...

В октябре среди отработанных тем числились «Краткий курс истории ВКП(б), гл. 9, разделы 4 и 5», «Ленин и Сталин о государстве» (в политподготовке), «Охрана побережья, охрана железнодорожника и сопровождение воинских эшелонов» (в тактике), добавляется раздел «Топография», строевая подготовка и рукопашный бой со своими темами, «Финские противопехотные мины» в матчасти стрелкового оружия и т. д. и т. п.

Кроме того, в 1942 году неоднократно прорабатывались вопросы по санподготовке, поскольку случаев заболевания тифом хватало — например, зафиксировано несколько заражений при отправке из Новосибирской области как неблагоприятной по тифу, были смерти, причем большинство случаев выявлено на фоне нечистоплотности.

Регулярно проходили лекции для личного состава на тему «антифриз не пить, денатурат не пить и вообще ничего в рот не брать», ибо случалось всякое, вплоть до смертельных отравлений (в 10-м ОДБП, например).

В отличие от 47-го дивизиона, отчеты по учебе 27-го ОДБП краткие и общие. Дается отсылка на спущенный штабом БТиМВ Карьфронта план (планы есть, вполне подробные), примерное количество часов в день на учебу (обычно девять) и кратко — особенности. Например: «Тактика — действия бронепоездов в наступательном бою / наступление против изготовившегося к обороне противника по картам вероятных участков работы и с выходом на участки», «Стрельбы л/с из пистолетов /револьверов и карабинов/ ПП упражнение № 1».

И в качестве последнего примера — отчет 40-го Отдельного дивизиона об учебе личного состава с 10 по 20 сентября 1943 года. В другие декады в тот месяц дивизион организовать учебу не мог — война...

С ОФИЦЕРСКИМ СОСТАВОМ (категория занятия, часы, разбираемая тема).

1. Марксоленинская подготовка — 4 часа; О втором фронте.
2. Артстрелковая подготовка — 6 часов; Дистанционная стрельба: условия наиболее действенного действия группы шрапнелей, влияние положения средней траектории относительно цели на поражение группой шрапнелей, корректура средней высоты разрывов уровнем и трубкой, пристрелочная средняя высота разрывов, назначение исходных установок уровня и трубки, определение положения средней точки разрывов относительно поверхности земли на основании полученных наблюдений, корректура средней высоты разрывов при получении в первой очереди всех клевков, корректура средней высоты разрывов при получении в первой очереди преобладания клевков, корректура средней высоты разрывов при получении в первой очереди равенства клевков и воздушных.
3. Боеприпасы — 2 часа; Маркировка снарядов. Окраска, маркировка зарядов и упаковок.
4. Матчасть — 4 часа; Матчасть 76 мм танковой пушки обр. 1927/32 г. и обр. 1940 г. а) устройство ствола, затвора, работа частей механизма затвора, неисправности затвора и их устранение, б) противооткатное приспособление — работа частей механизмов противооткатного приспособления.
5. Авто- (или мото-, не видно под сгибом. — П. О.) дело — 2 часа; Мотоцикл М-72 — общее устройство, мотор, зажигание, подача рабочей смеси, корбка скоростей.
6. Топография — 2 часа; Привязка элементов боевого порядка кодом стереотрубы.
7. Стрелковое дело — 2 часа; Штыковой бой.

С АРТИЛЛЕРИСТАМИ И ПУЛЕМЕТЧИКАМИ.

1. Политподготовка — 5 часов; Историческое предвидение тов. Сталина исхода Отечественной войны — выступление от 3 июля 1943 г.
2. Политинформация — 4 часа; Сводки Совинформбюро.
3. Боевая служба — 24 часа;
  - 1) Стрельба прямой наводкой с хода по танкам и бронемашинам при разных курсовых углах.
  - 2) Ведение огня из пулемета с хода по движущимся целям: пехоте, кавалерии, танкам и бронемашинам.

3) Стрельба с закрытой позиции: порядок ведения огня, назначение (документ написан карандашом, фрагмент неразборчив. — П. О.), запись команд и установок.

4) Ведение огня из пулемета по движущимся целям.

5) Стрельба по самолетам противника из орудий и пулеметов, определение скорости самолетов, взятие упреждения и вынос точки прицеливания.

6) Ведение огня из пулемета с хода по движущимся целям.

4. Стреловая подготовка — 3 часа; Приветствия вне строя на месте и на ходу, вызов бойца из строя к начальнику, выход, подход и обращение к начальнику, возвращение в строй.

5. Матчасть — 10 часов;

1) Устройство подъемного и поворотного механизмов 76 мм танковой пушки обр. 1927/32 г. и обр. 1940 г.

2) Устройство и работа частей противооткатного приспособления 76 мм танковой пушки обр. 1927/32 г. и обр. 1940 г.

3) Неисправности механизмов пулемета ДТ при стрельбе и при перезаряжании.

4) Устройство гранаты и шрапнели 76 мм танковой пушки обр. 1927/32 г. и обр. 1940 г.

6. Хим. дело — 2 часа; Определение неисправности противогаса и использование неисправного противогаса.

7. Стрелковая подготовка — 8 часов;

1) Бросание гранат из люков боевой единицы.

2) Практическая стрельба — выполнение упражнения № 1 из винтовки.

ВЗВОД УПРАВЛЕНИЯ.

1. Тактика — 32 часа;

1) Работа разведчика на НП.

2) Изучение местности для действий засады.

3) Изучение местности для ночных поисков разведчиков.

4) Прокладка телефонных линий в лесных условиях.

5) Действия по отражению разведки противника.

6) Организация работы на НП.

7) Разведка железнодорожного пути.

2. Стреловая подготовка — 16 часов;

1) Отработка строевого шага.

2) Приветствия в строю и вне строя.

3) Действия бойца вне строя, подход к начальнику, доклад и отход от него.

4) Повороты в движении.

5) Действия бойца с оружием в строю и вне строя.

3. Артстрелковая подготовка — 2 часа; Ударная пристрелка по наблюдению знаков разрыва — понятие о вилке и ее половине.

4. Связь — 8 часов; Изучение азбуки Морзе и передача команд на азбуке Морзе.

5. Матчасть — 2 часа; Устройство коммутатора МН и работа на нем.

6. Химдело — 2 часа; Устройство противогаса БО (? — П. О.), пользование им и исправление неисправностей противогаса.

Вполне очевидно, что строевая и политическая подготовка в общем объеме учебы занимает весьма скромное место. Остаются, конечно, вопросы о том, насколько отчеты соответствуют действительности, но в любом случае имеющиеся документы фиксируют взгляд командования РККА на соотношении важности идеологии, шагистики и «военного дела».

Заканчивая традиционную прелюдию, посвященную важным небоевым вопросам, отметим, что документы дивизионов также интересны встречающимися оговорками, касающимися непопулярных и до сих пор не вполне изученных вопросов.

Так, например, в материалах 27-го ОДБП прямо указывается на изменение штатов по причине начавшейся в армии общей нехватки людей, годных к строевой службе:

В начале января 1943 года в штатах личного состава дивизиона произошли изменения в численности и произведена замена военнослужащими, годными к нестроевой службе и девушками.

На основании приказа № 01 от 14 января 1943 года в дивизионе сокращены: зам. командира дивизиона, заместители командиров бронепоездов. Сокращению подлежало 32 человека рядового и младшего командного состава; заменено нестроевыми 10 человек, военнослужащими-женщинами 9 человек. Радиотелеграфисты, санитары и повар заменены женщинами. Сокращено было 6 пулеметчиков, 8 артномеров, 2 машиниста, 2 кладовщика и 2 повара.

* * *

Для 27-го ОДБП первой и фактически единственной боевой операцией стали бои у ст. Масельская 6—11 декабря 1942 года.

Вот что об этих боях пишет штаб дивизиона в своем историческом формуляре:

К началу декабря 1942 года на участке фронта в районе станции Масельская сложилась следующая обстановка: обе стороны имели жесткую оборону. Против 37-й СД 32 Армии оборонялся противник силами 4-й ПД на участке Карельская — Масельга — озеро Лисья Лампа.

37 СД выполняла частную боевую операцию по прорыву линии прикрытия противника на участке Безымянной высоты, уничтожению взводных опорных пунктов в районе высот западнее станции Масельская, овладению Безымянной высотой, карьером и закреплению на новом рубеже.

Выполнение частной боевой операции было возложено на 20-й СП 37-й СД, действия которого поддерживали: артполк, два дивизиона ГМП, два дивизиона АРГК, дивизион бронепоездов и авиация.

27-й Отдельный дивизион бронепоездов из фронтового резерва был придан 37-й СД для усиления артиллерии и подчинен Начальнику Артиллерии дивизии...

Бронепоезда получили данные для стрельбы, под руководством капитана Довгала Василия Петровича (он занимал должность старшего адъютанта) заранее провели пристрелку для разработки таблицы огня и под покровом темноты перед рассветом 10 декабря заняли огневые позиции.

...По получении приказа на открытие огня дивизион немедленно открыл сосредоточенный огонь согласно плановой таблицы. Имея обеспеченность исходных данных пристрелкой, произведенной накануне, снаряды точно ложились в цель.

Дивизион произвел четыре огневых налета согласно плановой таблицы: два пятиминутных и два двухминутных, дополнительно по распоряжению НАД-37 был произведен еще один двухминутный налет.

Всего было сделано пять огневых налетов, занявших 16 минут, было израсходовано 998 выстрелов. После огневых налетов поезда были отведены в район разъезда № 15, где пополнились боеприпасами. В процессе боя были вызваны вновь и встали на ОП для помощи пехоте огнем в процессе боя.

За подготовку исходных данных к стрельбе дивизиона во время операции 10 декабря 1942 года капитан Довгаль был награжден медалью «За боевые заслуги».

А далее сыграла свою отрицательную роль одна из проблем РККА первой половины войны — отсутствие координации между родами войск. Авиация часто воевала сама по себе, пехота не шла за танками, или танки не ждали пехоту (в на-

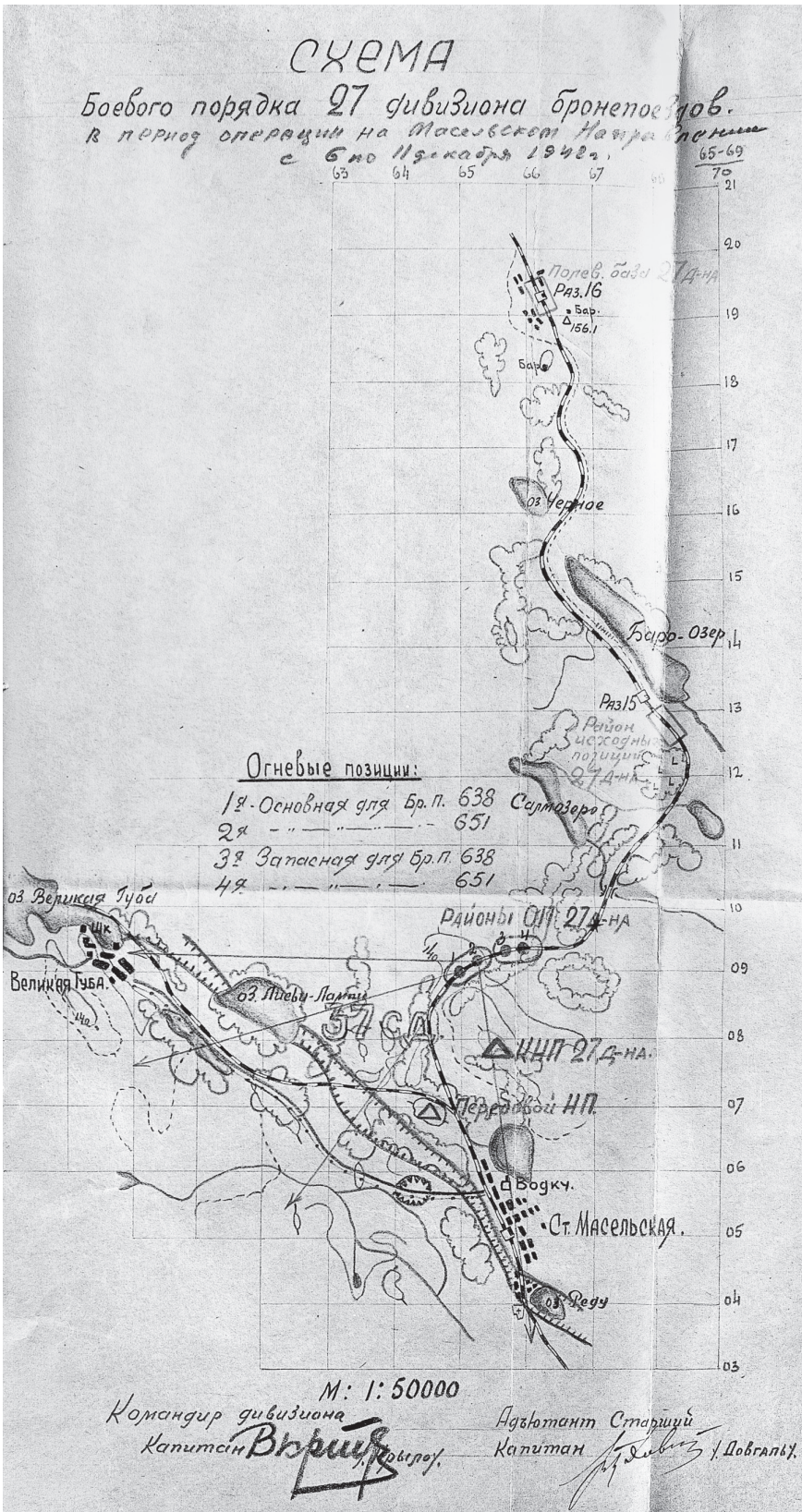

Схема боевого порядка 27-го ОДБП
в период операции на Масельском направлении. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358

шем случае пехотный командир вообще «забыл» про бронепоезда, прибывшие его поддерживать):

Не смотря на запрос через передовой НП, что мешает и что нужно подавить, пехота заявок не давала, а помощь в огне была необходима. Общевоинской командир не использовал огня дивизиона. Дивизион пробыл на ОП несколько часов без действия.

Ночью был сделан еще один налет на 163 снаряда по позициям противника на выс. Груша, никак не повлиявший на ситуацию. Итог боев:

...Вследствие того, что противник контратак не предпринял, и положение было определено, частная боевая операция была закончена. Дивизион выполнил поставленную задачу на «Отлично». <...> В результате боевой операции дивизионом обеспечено наступление пехоты с минимальными потерями.

Огнем дивизиона уничтожено до двух взводов пехоты противника, разрушено и уничтожено четыре ДЗОТа, шесть огневых точек, пять землянок. Уничтожено минное поле и разрушено проволочное ограждение в районе ротного опорного пункта.

...А теперь — ложка дегтя.

Может показаться, что бронепоезд — как корабль, вещь в себе. Куда захотел — пришел, все свое привез с собой, когда захотел — ушел. Все вроде бы просто... Увы — нет! Проблем снабжения и размещения у бронепоезда как бы не больше, чем у других видов боевых машин, о чем нам подробно рассказывает отчет дивизиона о проведенной операции:

Дивизиону во время действия приходилось базироваться на станции Романцы и Быстряги. Обе эти станции имеют по три пути, которых совершенно недостаточно для сосредоточенной стоянки и быстрой маневренности трех единиц дивизиона (двух бепо и полевой базы). Кроме того, один из путей на обеих станциях всегда был занят подвижным составом дороги. Стоянку бронепоездов в ночное время на перегонах организовать было нельзя, так как перегоны в большинстве случаев были заняты движущимися поездами железной дороги и черным паровозом дивизиона, который подвозил воду. На станции Романцы имеются ветки и тупики, в которых по длине могут уместиться бронепоезда, но они по своему устройству слабы и не допускали возможности постановки в них бронепоездов. Условия заставили поставить в один из тупиков ст. Романцы бронепоезд «За Родину», в результате сошли с рельс две контрольных площадки, две бронеплощадки и тендер бронепаровоза. Силами команды бронепоезда поезд был поднят, путь длиной 100 метров был исправлен в течение четырех часов...

Помните, при организации строительства этой серии БЕПО поднимался вопрос о выборе между двух- и четырехосной базой бронеплощадок? Вот это — как раз пример, почему двухосная лучше уже за счет того, что легче.

В приказе на награждение орденом Красной Звезды выпускника Новосибирского института военных инженеров ж.-д. транспорта (НИИЖТ, совр. СГУПС) воентехника 1 ранга Мигаева Михаила Трофимовича среди прочих заслуг упомянут и этот случай:

Быстрая подъёмка сошедших с рельс бронеплощадки и контрольных платформ бронепоезда, обеспечившая своевременный вывод поезда на огневую позицию. Быстрое и бесперебойное снабжение бронепоездов водой и топливом находясь вдали от базы снабжения, а также отличная работа механизмов бронепаровозов обеспечившие выполнение задачи дивизиона на Отлично во время операции 6—10 декабря 1942 года в районе Масельская.

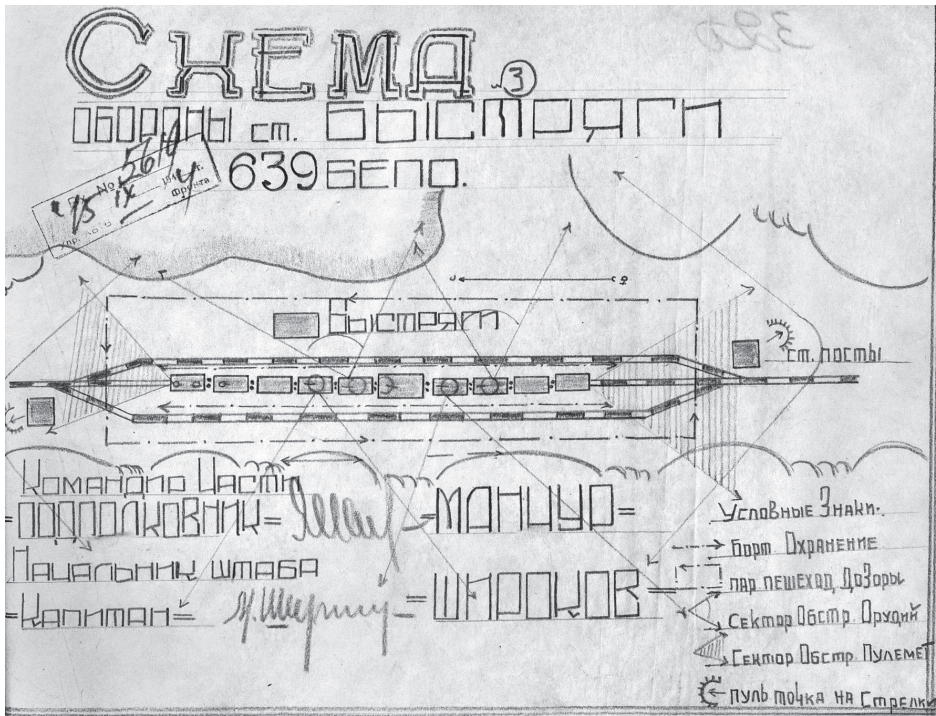

Схема обороны ст. Быстрыги БП № 639. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358

Воентехником 1 ранга тов. Мигаевым была организована должная маскировка дыма и пара, а также бесшумность выхода поездов на огневые позиции в течении 6 раз вблизи от противника, что дало возможность быть не замеченным и тем самым отлично провести боевое задание и при этом без потерь среди личного состава и без повреждения техники.

А вот так проблемы снабжения отражены в документах дивизиона:

Снабжение бронепоездов топливом производилось на ст. Романцы силами дивизиона, смазочными материалами поезда снабжались со ст. Сегежа (на расстоянии 70 км.) путем подвоза на поездах железной дороги. Снабжение водой бронепоездов производилось путем подвоза ее черным паровозом со ст. Уросозеро (36 км.) и перекачки с помощью пожарных рукавов с тендера черного паровоза в тендера бронепоездов. От перекачки через инжектора вода нагревалась и инжектора на бронепаровозах не закачивали ее, поэтому в тендера приходилось добавлять большое количество снега для охлаждения воды. При частых передвижениях бронепоездов черный паровоз не справлялся подвозить воду в бронепоезда в виду большого расхода ее, поэтому приходилось добирать из ручья на 511 километре с помощью ручной пожарной машины и ведрами. Все это происходило ночью при -30 градусов по Цельсию.

И вишенкой на торте:

Личный состав дивизиона в период подготовки и во время операции в течение шести суток жил в бронепоездах в условиях -30 градусов Цельсия. Большую помощь оказали химгрелки. Случаев обморожения не было. Питание доставлялось при выходе бронепоездов с ОП из вагона-кухни на разъезд Быстрыги в термосах.

Честно говоря, учитывая условия, в которых работали экипажи бронепоездов, с гораздо меньшим скепсисом читаешь отчет о политработе в ходе операции — без

последовательной работы по поднятию командного и боевого духа обойтись просто нельзя было.

Во время выполнения боевой задачи 10.12.42 года вся партийно-политическая работа в Дивизионе была направлена на мобилизацию личного состава на лучшее выполнение боевой задачи.

После получения боевого приказа командиром части и заместителем по политчасти было проведено совещание офицерского состава, на котором был разъяснен приказ и поставлены задачи перед подразделениями.

Заместитель по политчасти капитан Бородулин провел совещание с парторганами с вопросом: «роль и задачи коммунистов в период боя».

Перед выходом поездов на выполнение боевого задания по подразделениям были проведены партийные собрания. Выступающие коммунисты брали на себя обязательства с честью выполнить приказ командования, быть примером для беспартийных бойцов и сержантов.

Во всех подразделениях проведены митинги, на которых выступили командиры подразделений, бойцы и сержанты. Митинги прошли на высоком идейно-политическом уровне. Все выступающие обязались с честью выполнить приказ командования и призывали весь личный состав драться с фашистскими захватчиками храбро, мужественно и умело.

В период выполнения боевой задачи ежедневно выпускались боевые листки — где показывались лучшие бойцы и командиры.

Большую работу провели агитаторы. Они ежедневно проводили беседы, читки газет, рассказывали всему личному составу о боевых подвигах своих товарищей.

В период боя среди личного состава был большой политический подъем. Бойцы и сержанты в период ведения огня выкрикивали лозунги: «смерть лохтарям», «за Родину, за Сталина, огонь!» и другие.

Весь личный состав, находясь на бронеплощадках, при сильном морозе, без сна, не высказывал никаких жалоб.

После боев у ст. Масельская дивизион совершил несколько выходов на перехват прорывавшихся к железной дороге вражеских диверсионных групп. И тут тоже все не так просто, как может показаться: на выполнение задачи влияли и большая длина участка, на котором возможен проход противника, и неизбежная несогласованность и задержки при получении сведений и принятии решений, и, конечно, противодействие противника.

Так, 27 февраля 1943 года в районе ст. Лапландия пограничниками был обнаружен переход группы противника численностью до 60 человек, направлявшейся к железной дороге. Получив сообщение, командование отправило в распоряжение начальника погранзаставы подполковника Ловитова бронепоезд. Все вроде правильно — своих сил у пограничников немного, необходимо усиление и дополнительное прикрытие магистрали. Мобильных частей в том районе нет, да и подобные задачи с лета предполагалось решать бронепоездами. Вот только БП № 638, получивший приказ, располагался на ст. Сорокская в 570 километрах от места событий! И идти ему приходилось не только ночью, но и днем — под угрозой возможной атаки немецких «охотников» (истребителей или бомбардировщиков), контролирующих железнодорожную магистраль.

«Победа» с полевой базой вышла из Сорокской в 16:20 27 февраля под командованием командира дивизиона майора Кочемасова, а на следующий день в районе ст. Ковда была атакована авиацией противника:

При входе на ст. Ковда в 16.15 28 февраля 1943 года бронепоезд был внезапно атакован с воздуха противником в количестве 15 самолетов: 9 бомбардировщиков Ю-88 и 6 истребителей Ме-109.

Внезапность налета на бронепоезд определилась тем, что противник сделал заход сзади по ходу движения — из-за облака дыма бронепаровоза. По всем

предположениям противник был предупрежден о подходе бронепоезда к ст. Ковда, где и рассчитывал его настичь. К тому же шум от ходовой части бронепоезда в движении затруднил слышимость подхода самолетов.

Не успел остановиться бронепоезд на ст. Ковда, как атака началась обстрелом орудийно-пулеметным огнем с истребителей зенитных расчетов бронепоезда, а затем с пикирования началась бомбардировка.

Всего на поезд было сброшено авиабомб различного веса от 100 до 500 кг 25—27 штук. Прямых попаданий не было. Несколько бомб разорвалось у самого бронепоезда.

Зенитные расчеты открыли прицельный огонь по самолетам, не давая возможности пикировать на поезд.

Бронепоезд предпринял маневр, имитируя его повреждение — из продувных кранов был пущен пар. Поезд окутало дымом и паром, что создало для противника впечатление о повреждении бронепоезда, почему он и ограничился бомбометанием с одного захода. В результате боя сбит один самолет Ю-88 и один сильно поврежден. В этом бою на боевом посту был убит командир взвода ПВО лейтенант Бровкин С. Н. <...>

Материальная часть не пострадала, за исключением 18 пробоин 1-го броневоего листа и около 50-ти вмятин. Большинство пробоин и вмятин в первой и второй бронеплощадках.

Предположения о подготовленности атаки имеют веские основания, поскольку немецкая разведка в годы войны работала весьма эффективно, а вот успешность мер по противодействию ей в отечественной послевоенной литературе принято преувеличивать — это первое. Второе — самолетов, участвовавших в этой атаке, для простых «охотничьих» операций многовато. Тут по-хорошему надо бы взглянуть на ситуацию и с другой стороны — найти документы люфтваффе и посмотреть, как они описывают этот эпизод. Вполне может быть, что в атаке участвовало далеко не пятнадцать самолетов. И, опять же, вполне возможно, что по немецким документам русский бронепоезд в том бою «был уничтожен прямым попаданием авиабомбы».

Однако вернемся к подвергшейся вражеской бомбардировке «Победе» — в другом отчете имеются дополнительные подробности:

Огонь был недостаточно мощным и не все огневые ср-ва принимали участие в отражении атаки. После отражения атаки была осмотрена материальная часть, желдор путь и укомплектованы зенитные расчеты. Бронепоезд продолжал движение до раз. Гонгос, где связался со штабом ПВО ст. Кандалакша. Получив ответ, что движение бронепоезда не может быть прикрыто с воздуха нашими истребителями, командир дивизиона принял решение занять перегон и организовать оборону поезда до наступления темноты за счет выделения дополнительных огневых средств. Бронепоезд был выведен на перегон, замаскирован и за счет выделения дополнительных ручных пулеметов была организована зенитная оборона поезда... С наступлением темноты бронепоезд продолжал движение к месту назначения.

За отражение налета 28 февраля 1943 года были награждены многие, поскольку бронепоезд уцелел, а в подобной ситуации его гибель была более чем вероятна.

Особо отличившиеся получили ордена Красной Звезды. Вот, к примеру, наградной лист сержанта Шевкоплясова Ивана Степановича:

Во время, когда был атакован бронепоезд № 638 пятнадцатью фашистскими самолетами на ст. Ковда 28.2.1943 года, командир зенитно-пулеметного отделения сержант тов. Шевкоплясов, несмотря на сильный орудийно-пулеметный огонь шести истребителей, которые вели огонь по зенитным расчетам, лично отражал атаку 9 самолетов Ю-88.

Будучи раненым и при исключительно тяжелом положении, которое было создано равными авиабомбами, тов. Шевкоплясов не выпускал пулемета из

своих рук, мужественно продолжал вести огонь до конца боя. Ведением огня обеспечил отражение атаки 15 самолетов и сохранение бронепоезда.

Майор Кочемасов за грамотные и успешные действия у ст. Масельской и ст. Ковда был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

В конечном итоге БП № 638 прибыл 1 марта на ст. Лапландия, где выяснилось, что пограничники бронепоезд не вызывали, ибо группу не нашли и вообще не были уверены в ее существовании...

* * *

После воздушной атаки 28 февраля в списке мер для предотвращения подобных ситуаций (кроме очевидных требований недопущения дневных переходов без прикрытия, необходимости усиленного наблюдения и прочего) особо отмечалась недостаточность пулеметного ПВО и необходимость добавления хотя бы пары автоматических зенитных пушек (как оно и предусматривалось проектом).

Эта мысль затем дублируется в отчете БТиМВ (в ряде документов «бронепоездных и аэросанных частей») Карфронта, после чего осенью 1943 года бронепоезда наконец-то получают по четыре 25-мм МЗА. Также при следующем ремонте в бронеплощадках дивизиона были вырезаны специальные люки для стрельбы по самолетам из пулеметов ДТ.

...Бронепоезд «Победа» вернулся на ст. Сорокская 6 марта, а уже 9 марта ушел на ст. Сегежа, имея задачей защиту станции и окрестных ж.-д. путей.

В ночь на 17 марта на участке фронта Ревульского направления через линию обороны наших частей прорвался финский лыжный батальон. БП выходил на перехват, но не успел. Враг частично взорвал, частично сжег станционные сооружения, стрелку на разъезде № 18, мосты и отошел. Наша пехота впоследствии отчиталась об окружении и уничтожении противника бойцами лыжного отряда.

Похожая ситуация повторится ближе к концу войны — 17 августа 1944 года, когда бронепоезда 27-го ОДБП будут преследовать группу диверсантов, взорвавших мост.

Фактически за всю войну дивизион лишь один раз участвовал в сражении, остальное время находясь в резерве, охраняя станции, штабы и изредка пытаясь успеть перехватить вражеских диверсантов. К результатам боя 10—11 декабря 1942 года и налета 28 февраля 1943 года за все время войны добавился лишь один сбитый бомбардировщик противника, и штаб дивизиона даже не стал в своем историческом формуляре подводить боевые итоги.

Зато были тщательно подсчитаны цифры по партийно-массовой работе. Так, рост парторганизации выражался в следующих показателях: на 1 января 1942 года членов ВКП(б) — 15, кандидатов — 6, на 1 января 1943 года — 26 и 14 соответственно, на 1 января 1944 года — 32 и 62. За 8 месяцев 1944 года принято в члены партии 25 человек, кандидатами — 11, итого на сентябрь 1944 года — 64 и 46 соответственно. Выбыло в 1943—1944 годах 19 и 10 (без указания причин). Членов ВЛКСМ на 1 января 1942 года — 22 человека, на 1 сентября 1944 года — 38.

В документах есть упоминание, что в сентябре 1944 года рассматривался вопрос о переброске 27-го ОДБП для «использования во Львовском военном округе», но в конечном итоге весной 1945 года дивизион передислоцировался в Ленинград, где вскоре был расформирован.

* * *

47-й дивизион в бой вступил раньше и боев провел больше, чем его собрат, — уже 14 сентября 1942 года 47-й ОДБП получил приказ командующего 32-й армией прибыть со связью и бронепоездами к начальнику артиллерии

37-й стрелковой дивизии и получить задачу на подавление двух батарей противника. Были подготовлены данные для налета по полученным координатам целей, и 15 сентября парой БП они были накрыты.

Зимой-весной 1943 года бронепоезда получили новые пушки и третью ось под бронеплощадками.

Наиболее активно дивизион применялся в боях 1944 года.

17 марта 1944 года дивизион по заявке 176-й стрелковой дивизии в ходе разведки боем подавил 155-мм и 75-мм батареи четырехорудийного состава.

20 июня снова там же работал по 14 выявленным позициям противника по мере их «проявления» разведкой: по огневым средствам, пехоте, сооружениям и т. п.

На протяжении всего времени действия бронепоездов дивизиону ставились задачи по уничтожению огневых средств, рассеиванию и уничтожению живой силы противника, скапливающейся на рубежах для контратак.

Личный состав дивизиона показал себя образцом военной выучки, сколоченности и беспредельно преданными делу партии Ленина — Сталина и Социалистической Родине.

Вот пример жгучей ненависти к немецко-фашистским извергам: заряжающий, младший сержант Медведев, имея личные счета с немцами за убитого родного брата, заряжая орудие провозгласил: «Месть за убитого брата» и этот призыв Медведева был подхвачен всеми бойцами бронеплощадки в тот момент, когда бронепоезд вел огонь по живой силе противника. Выполняя задачу, дивизионом бронепоездов были подавлены цели №№ 25, 27, 74, 3, 4, уничтожено до взвода пехоты и два 82 мм миномета противника.

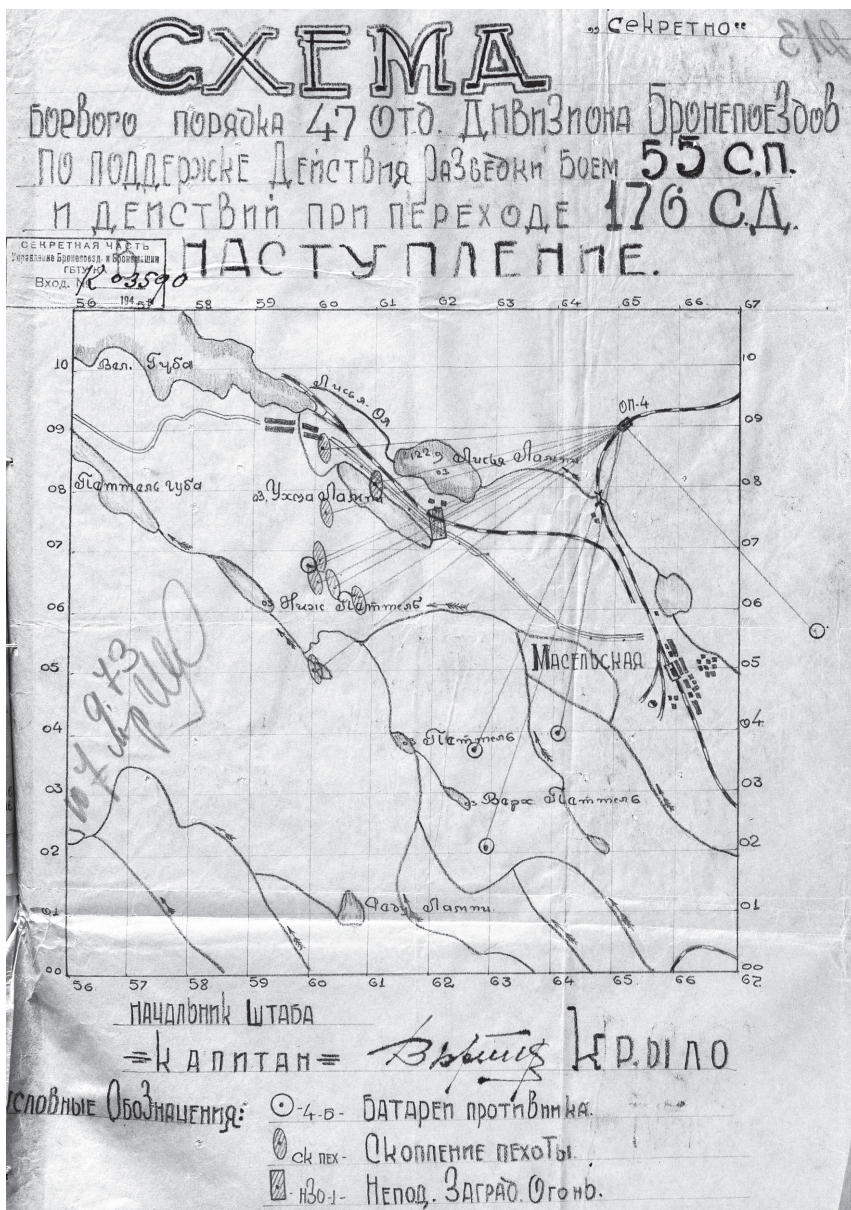
В этом бою есть эпизод, где четырехорудийную 75-мм батарею (цель № 25) «затыкают» двумя (!) залпами одного БП, израсходовав при этом, однако, 144 снаряда. Общий расход боеприпасов за операцию (по отчету бронепоездных и аэросанных частей Карфронта) — 1057 шт.

Оценка действия 47 Отдельного дивизиона бронепоездов (автор — начарт 176-й СД подполковник Кершуков. — П. О.).

В период обеспечения действий разведки 55 стрелкового полка с последующим переходом к преследованию противника плановые огни дивизиона были подготовлены отлично. Действие бронепоездов, материальной части и личного состава заслуживает хорошей оценки. В результате правильного и хорошо организованного огня живой силе и огневым средствам [противника] нанесены существенные потери. Подавлены цели №№ 25, 27, 74, 3, 4. В результате ведения огня по живой силе противника, готовящейся к контратаке, уничтожено живой силы до взвода, в результате чего попытка контратаки противника была сорвана. Огонь на подавление минометных батарей был достаточно эффективен, можно полагать, при этом уничтожено два миномета 82 мм. Действие на подавление живой силы особенно характерно тем, что налет пришелся в непосредственную гущу маннергеймовцев. Последним действием осталась особенно довольна пехота. Оценка командира дивизии полковника Золотарева действию дивизиона бронепоездов дана «отлично».

В отчете о партийной работе в дивизионе также есть фрагмент, посвященный этим боям:

Особенно характерный пример заслуживает патриотическое настроение и проявление ненависти к врагу. Сержант Хохлов П. Д., член ВКП(б), со словами «За разграбленное мое село и муки, перенесенные моей семьей» снял гимнастерку и весь период боя оказывал помощь по подготовке снарядов к стрельбе, чем помог повышению темпа огня. Младший сержант Мамедов, заряжающий, беспартийный, имея личные счета с немцами за убитого брата, заряжая орудие,

Схема боевого порядка 47-го ОДБП по поддержке действия разведки боем 55-го СП и действий при переходе 176-й СД в наступление.
ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358

объявляя личному составу: «Эти снаряды идут мстить за моего убитого брата». На снарядах можно было видеть написанные мелом слова: «За скорейшее освобождение Советской Карелии», «За освобождение Выборга», «Усилим темп огня, ускорим разгром врага», «За наших детей, жен, матерей, страдающих на оккупированной Карельской земле».

После прорыва обороны противника 47-й ОДБП занимался охраной тыла 32-й армии, обеспечением ПВО станций и восстановлением разрушенного путевого хозяйства Кировской ж. д. При переводе армейской базы снабжения на ст. Суойоки и ст. Кайпа во время налета самолетов противника на ст. Суоярви и ст. Кайпа зенитными расчетами дивизиона был сбит один немецкий самолет — многоцелевой Ю-88.

С осени 1944 года дивизион находился в резерве Карельского фронта, в 1946 году — расформирован.

Перед отправкой на фронт партийная организация части состояла из 12 человек. На сентябрь 1944 года первичная партийная организация состояла из трех низовых парторганизаций, имеющих бюро. Всего коммунистов: членов партии — 59, кандидатов — 38.

Награжденных в составе 47-го дивизиона ничуть не меньше, чем в 27-м. Помните, в самом первом материале («Сибирские бронепоезда. Начало пути», «Сибирские огни», 2020, № 5) описывался подвиг машиниста Мялицына, под артиллерийским огнем врага исправившего поломку в горячей топке паровоза?

Как часто бывает, в мемуарах немного приукрасили событие и перенесли его во времени. Тем не менее наградные документы на медаль «За боевые заслуги» старшины Мялицына Петра Константиновича пусть и иначе, но тоже рассказывают об этом событии:

На протяжении службы в дивизионе с 13 марта 1942 года показал себя смелым, решительным, знающим свое дело командиром. Во время тактических занятий в октябре месяце 1943 года на перегоне в бронепаровозе вывалились сегменты, невозможна была дальнейшая топка бронепаровоза. Тов. Мялицын, не считаясь с опасностью для жизни, опустил в топку горячего паровоза и руками уложил сегменты.

17 марта с/г дивизиону была поставлена задача прибыть на боевой участок и к 19-00 быть готовым к действию, тов. Мялицын стал у топки и, не смотря на тяжелый профиль, всю дорогу на протяжении 60 км. поддерживал нормальное давление пара. По прибытию на выжидательную позицию сам стал за реверс и бесшумно, с соблюдением всех правил, занял огневую позицию, хорошо соблюдал светомаскировку, а при обстреле бронепоезда артиллерией противника, выполняя приказ командира поезда, быстро увел поезд из-под обстрела.

В экипаже хватало простых героев войны: и телефонистов, восстанавливающих связь под огнем противника, несмотря на ранения, и артиллеристов, возвращающихся к орудию из санчасти, и просто талантливых мастеровых, добровольно собиравших новые тумбы для монтажа пушек и ремонтирующих «между делом» полевые кухни и солдатские котелки — сотнями!

По документам хорошо заметно, как за годы войны менялось отношение (в первую очередь — командования) к наградам. Напомню: зимой 1942—1943 годов медаль «За боевые заслуги» была вручена капитану Довгалою за подготовительную работу, обеспечившую эффективную стрельбу дивизиона под Масельской, а летом 1944 года такую же медаль получил, к примеру, младший лейтенант административной службы Андреев за месяц успешного делопроизводства.

Впрочем, поднятая еще писателями-фронтовиками тема непоследовательности, а местами и несправедливости в советской наградной практике все еще ждет своих исследователей. И это точно — совсем другая история.

АВТОРЫ НОМЕРА

Бабанская Елена родилась в г. Кашире. Окончила филологический факультет Московского педагогического государственного университета. Публиковалась в журналах «Арион», «День и ночь», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Волга», «Сибирские огни» и др. Автор трех книг стихов. Живет в Москве.

Бердинских Мария Викторовна родилась в 1980 г. в Кирове. Окончила Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина. Кандидат социологических наук. Публиковалась в литературных журналах «Урал», «Нева» и др. Живет в Екатеринбурге.

Бобров Глеб Леонидович родился в 1964 г. в г. Красный Луч Ворошиловградской области. После окончания средней школы был призван в ряды Советской армии. Проходил службу снайпером в Афганистане. После демобилизации работал преподавателем начальной военной подготовки, художником, журналистом. Автор ряда книг прозы. Глава Союза писателей ЛНР. Живет в Луганске.

Волков Сергей Владимович родился в 1972 г. в Ленинграде. Публиковался в журналах «Звезда», «Нева» и др. Автор книг стихов «На улице Бурцева» и «Дорога к февралю». Член Союза российских писателей. Живет в Санкт-Петербурге.

Евсюков Александр — прозаик, критик. Родился в 1982 г. в г. Щёкино Тульской области. Окончил Литинститут. Работал археологом, журналистом, администратором, литературным редактором и т. д. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «День и ночь», «Наш современник», «Роман-газета» и др. Лауреат ряда литературных премий. Автор трех книг прозы. Живет в Москве.

Каршин (Шинкарь) Дмитрий родился в 1968 г. в Курске. Окончил филологический факультет и аспирантуру при кафедре русского языка Курского педагогического института. Сменил несколько профессий, в настоящее время безработный. Публиковался в ряде региональных изданий, в журнале «Сибирские огни». Живет в Курске.

Мезенцев Владимир Дмитриевич родился в 1941 г. в с. Кольвань Новосибирской

области. После окончания Новосибирского сельхозинститута трудился агрономом, потом занимался научной работой и технологическим проектированием в профильных новосибирских институтах, работал в областном управлении сельского хозяйства и в департаменте АПК. Сейчас на пенсии, ведет общественную работу в Совете ветеранов АПК и в Кольванском землячестве. Выпустил четыре книги прозы. Живет в Новосибирске.

Назарова Вера Сергеевна родилась в 1995 г. в Воронеже. Окончила исторический факультет Воронежского государственного университета. Научный сотрудник Природного, архитектурно-археологического музея-заповедника «Дивногорье» (Воронежская область). Публиковалась в журнале «Север». Живет в Воронеже.

Орлов Павел Александрович родился в 1974 г. в Новосибирске. Окончил гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета, направление «история». Научный сотрудник Новосибирского государственного краеведческого музея. Охотник, рыбак, участник археологических работ в Хакасии, Красноярском крае, Новосибирской области и на Земле Франца-Иосифа. Живет в Новосибирске.

Попов Михаил Константинович родился в 1947 г. на Русском Севере, на берегах р. Онеги. Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Создатель и редактор ряда литературных изданий. Сейчас главный редактор литературного журнала «Двина». Автор трех десятков книг прозы, публицистики, произведений для детей и юношества. Лауреат ряда литературных премий. Живет в Архангельске.

Пучков Андрей Викторович родился в 1963 г. в пос. Хандальск Абанского района Красноярского края. Служил в МВД на различных должностях. В 2006 г. вышел в отставку. Член Международного союза русскоязычных писателей. Публиковался в изданиях «День и ночь», «Енисей», «Новый Енисейский литератор» и др. Лауреат ряда литературных конкурсов. Автор двух романов и множества рассказов. Живет в г. Сосновоборске Красноярского края.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 22.04.2022. Дата выхода № 5 за 2022 г. в свет 25.05.2022.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.